

В ПОИСКАХ СИБИРСКОГО КЛОНДАЙКА

рассказано главным действующим лицом

Вашингтоном Б. Вандерлипом

и

упомянутым далее

Гомером Б. Халбертом

с приложением множества фотографий

Вашингтон Б. Вандерлип
в 1899 году в Индиан-Пойнте, Берингово море

Опубликовано в октябре 1903 г.
Издательство "THE DE VINNE PRESS"
Нью-Йорк

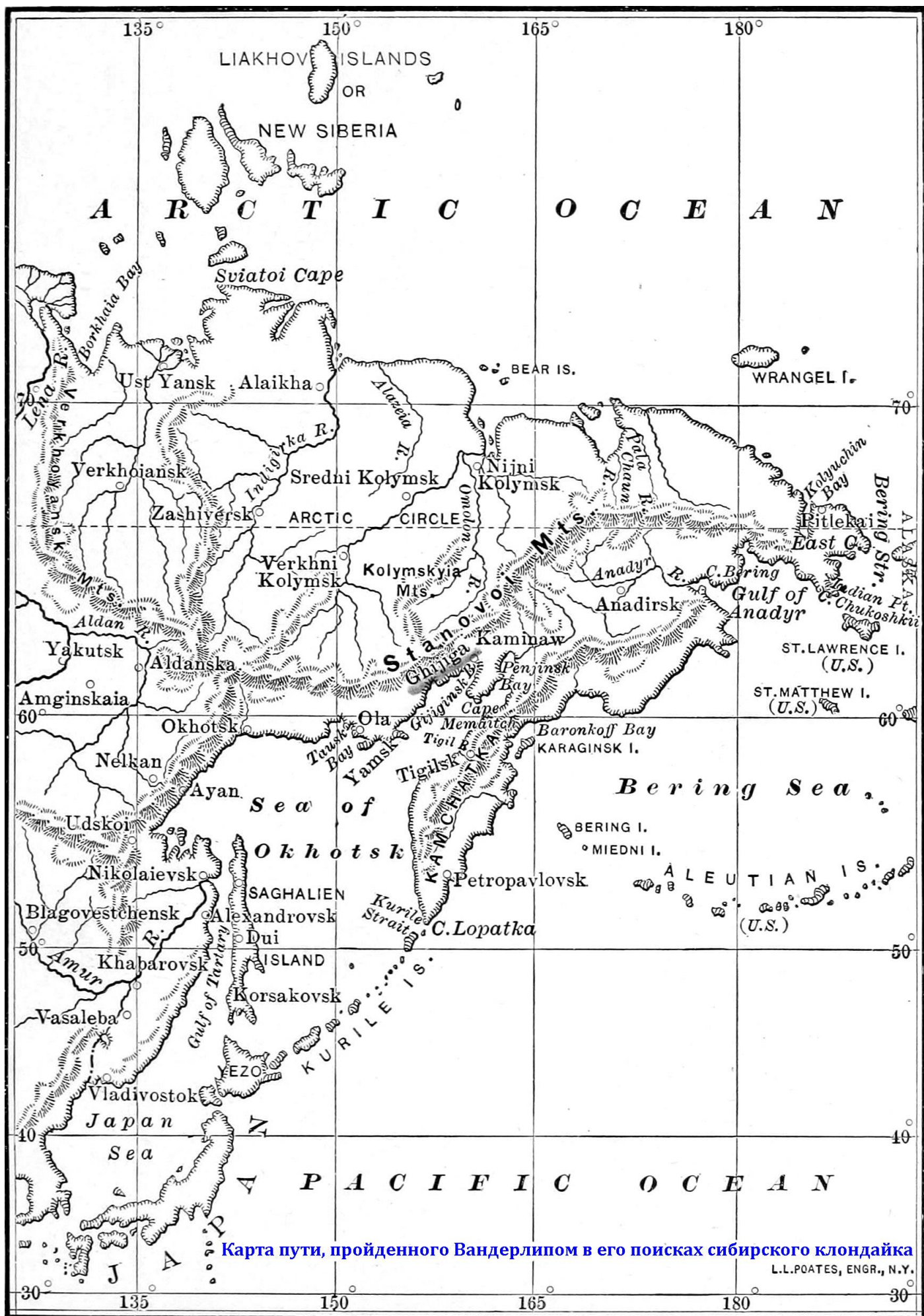
Содержание

I. Снаряжение и припасы.....	4
II. Сахалин и уголовная каторга в Корсакове	12
III. Петропавловск и южная Камчатка	23
IV. Промысел лосося на Крайнем Севере	27
V. Гижига.....	32
VI. Отправляемся в тундру. Семья туземцев.....	39
VII. Гостеприимство тунгусов и коряков.....	45
VIII. Поездки на собачьих упряжках и торговля мехами.....	56
IX. Отправляемся на север.....	67
X. По снежным просторам.....	74
XI. В пургу.....	79
XII. Рождество. Оленные коряки	83
XIII. Привычки и обычаи коряков	96
XIV. К Берингову морю. Чукчи.....	105
XV. Летние приключения.....	119
XVI. Морская экспедиция. Финал.....	136

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нижеследующие страницы являются результатом одного из тех замечательных партнёрских отношений, в которых первый участник пережил все приключения, приятные и не очень, а другому участнику оставалось только выслушать его рассказ и записать его на бумаге. А ещё один прекрасный способ самим пережить все эти приключения — это услышать о них из уст такого восхитительного рассказчика, как мистер Вандерлип. Какие бы недостатки ни были обнаружены на этих страницах, они должны быть предъявлены писцу; но всё, что интересно и поучительно, должно быть отнесено на счёт острой наблюдательности, цепкой памяти и таланта рассказчика главного действующего лица изображённых здесь сцен.

Гомер Б. Халберт,
Сеул, Корея, декабрь 1902 года.

Карта пути, пройденного Вандерлипом в его поисках сибирского клондайка

L.L. POATES, ENGR., N.Y.

Глава I

СНАРЯЖЕНИЕ И ПРИПАСЫ

Слухи о золоте в Северо-Восточной Азии — Планы разведочной экспедиции через Камчатку на север к Берингову проливу — Пароход «Космополит» — Российские законы в области торговли спиртным — Собираю свою команду и покупаю припасы — Корейские традиции одеваться — Лингвистические трудности.

Когда на реке Юкон, а позже в прибрежных песках Кейп-Нома были обнаружены богатые россыпи золота, то естественно, возник вопрос о том, как далеко простираются эти залежи. Сенсационные газетные заголовки и рассказы о самородках, добытых у соседей, распалили воображение русских, которые надеялись, и, возможно, не без оснований, повторить поразительные успехи, достигнутые американцами. Существование богатых месторождений золота в других частях Сибири придавало уверенность, что золотоносный пояс простирается от Америки до Сибири и что, таким образом, на азиатском берегу Берингова моря надо провести разведку.

Ни один народ никогда так остро не осознавал ценность месторождений полезных ископаемых, и никто не был так усерден в поисках золота, как русские. Достаточно вспомнить, что золото добывалось ими в далеко отстоящих друг от друга малонаселённых районах обширной и негостеприимной северной Сибири, и в условиях гораздо более тяжёлых, чем те, в которых находилось любое подобное предприятие, за исключением, вероятно, Клондайка.

Я покинул Читтабалби¹, штаб-квартиру Oriental Consolidated Mining Company, — американской фирмы, которая успешно разрабатывает золотые месторождения Северной Кореи, — и, влюблённый в бродячую жизнь, однажды утром оказался в величественной гавани Владивостока, конечной восточной станции Сибирской железной дороги и главном торговом центре России на тихоокеанском побережье.

Я полагал, что, поскольку северо-восточная оконечность Азии всё ещё оставалась нетронутой старателями, то лучшей возможности для занятия моей профессией, чем во Владивостоке, мне не найти. Предположение оказалось верным, и почти сразу же одна российская компания

¹ Chittabalbie — месторождение золота в Корее. Разрабатывалось американцами с середины 1890-х до 1939 года. — прим. перев.

наняла меня для проведения обстоятельных поисков на Камчатке, в районе к северу от неё и вдоль берега Берингова моря. Этот контракт был заключён с полного ведома и одобрения российских властей. У меня был паспорт Соединённых Штатов, и русские дали мне ещё один во Владивостоке, а от генерал-губернатора я получил открытое письмо ко всем российским властям в Восточной Сибири, предписывающее оказывать мне всемерную помощь в приобретении продовольствия, ездовых собак, оленей, проводников и всего остального, что могло мне потребоваться. Потому мне не только не было никаких препятствий, но и все чиновники на местах, казалось, осознавали важность экспедиции и относились ко мне с предельной обходительностью.

Мне было велено отправиться сначала в город Петропавловск на южной оконечности полуострова Камчатка, и исследовать его окрестности на наличие меди. Туземцы находили образцы медной руды, её можно было обнаружить в прибрежных песках близ Петропавловска, а также на соседнем острове Медном, где русские около семидесяти лет назад даже открыли рудник, правда, без особого успеха. Затем я должен был отправиться на север, в залив Корфа на восточном побережье полуострова, недалеко от его перешейка, и исследовать залежи серы, которые, как предполагалось, существовали в этой местности и которые правительство очень хотело освоить. Оттуда я должен был пересечь перешеек полуострова на оленьих упряжках к северо-восточному заливу Охотского моря; моей конечной точкой был мыс Мамет, где я должен был искать золото. Имелись сведения, что два года подряд некая американская шхуна причаливала к этому месту и увозила оттуда полные трюмы золотоносной руды в Сан-Франциско. Затем я должен был обогнуть Охотское море и направиться к важному торговому городу Гижига. Около тридцати лет назад здесь располагалась главная контора Русско-Американской телеграфной компании, с которой был связан мистер Джордж Кеннан¹ и где он провёл одну зиму.

Сделав это место своей штаб-квартирой, я должен был действовать в различных направлениях в поисках жёлтого металла и, наконец, самому решить, следует ли мне двигаться на северо-восток к Берингову проливу, следуя вдоль Станового хребта, или на юг к Оле, откуда на сле-

¹ См. Дж. Кеннан «Кочевая жизнь в Сибири» – прим. перев.

дующее лето меня мог бы забрать в отпуск пароход. Как мы увидим, основные пункты этого плана были выполнены, хотя и не в том порядке, который здесь приведён.

Что касается способа добраться до Камчатки, то выбора у меня не было. Регулярного пароходного сообщения с этими северными регионами нет. Ежегодно фирмой Кунста и Альберса во Владивостоке зафрахтовывается какой-нибудь пароход, чтобы отвезти генерал-губернатора на Сахалин и Камчатку и даже дальше на север, в Анадырь, расположенный на реке Анадырь, впадающей в Берингово море. В каждом из этих торговых пунктов находится русский начальник, и охрана примерно из двадцати казаков. Пароход привозит припасы для этих чиновников, а для купцов — их товары. Обратным рейсом пароход отвозит меха компании, которой принадлежат все права на добычу пушнины в Северо-Восточной Сибири.

Летом 1898 года такое плавание должен был совершить пароход «Космополит». Это был немецкое грузовое судно водоизмещением в тысячу тонн. Кроме капитана, на нём был ещё только один офицер-иностранец. Экипаж был китайским. В дополнение к почте пароход был доверху нагружен чаем, мукой, сахаром, табаком и множеством других товаров, которые составляют товарные запасы агентов компании. На судно не разрешалось брать ничего спиртного, за исключением шести-десяти бутылок водки на каждого торговца, и только для его личного пользования. Им было строго запрещено продавать спиртное туземцам. За первое нарушение этого правила полагался крупный штраф, а за второе — каторжные работы на Сахалине. Российские законы в этом отношении радикально отличаются от законов других стран. Пример Африки и островов Тихого океана свидетельствуют о том, что как с точки зрения гуманности, так и просто коммерческой предусмотрительности российское правительство намного опережает другие страны в вопросах продажи алкоголя местному населению. Доступность одурманивающих напитков развращает местных жителей и «убивает курицу, несущую золотые яйца». Конечно, время от времени происходят нарушения закона. Уроженцы Сибири страстно любят крепкий алкоголь и, однажды его попробовав, продадут за бутылку всё, что у них есть, — даже своих жён и дочерей. Когда они пьяны, один-единственный стакан водки заставит их расстаться с мехами, которые на лондонском рынке стоили бы десятки фунтов стерлингов. Помимо этого парохода, вдоль побережья курсируют два русских военных корабля — для

защиты от американских китобоев, привозящих спиртные напитки в обмен на меха.

Я решил взять с собой из Владивостока двух корейцев. До этого они работали на добыче золота на юге Сибири. Будучи опытными табунщиками и лесорубами и немного говоря по-русски, они, несомненно, будут мне очень полезны. У них были самые распространённые фамилии в Корее — Ким и Пак; имя Ким, например, известно по крайней мере с 57 года до н.э. Киму было тридцать лет, он обладал великолепным телосложением и мог поднять груз в четыреста фунтов и пронести его без отдыха четверть мили. Корейцев вообще с детства учат носить тяжести на спине. Для этого они используют приспособление, похожее на стул и называемое «джиги», которое равномерно распределяет вес на плечи и бедра и позволяет им переносить максимальный вес с минимальной затратой сил. Ким всегда добродушен, даже в самых затруднительных обстоятельствах, и довольно честен. Паку было тридцать восемь лет, он высокий и худощавый, но невероятно сильный. У него был только один глаз, почему я тут же окрестил его «Дик – Мёртвый Глаз»¹. Он был очень осторожен и всегда прятал свои деньги в одежду, зашивая их в потайном кармане; и всякий раз, когда ему нужно было платить, он уединялся где-нибудь, вспарывал свой потайной карман и возвращался с деньгами в руке и загадочным выражением, как будто он нарвал денег с деревьев.

Заручившись услугами сей замечательной пары, я первым делом отправил их в магазин некоего Еноха Эмори, чтобы заменить их мешковатую просторную корейскую одежду на что-нибудь более подходящее для предстоящей работы. Кстати, этот Енох Эмори — уникальная личность в истории Сибири. Когда ему было шестнадцать лет, он приплыл из Новой Англии юнгой на парусном судне, которое было отправлено одной американской компанией для основания факторий на Амуре. Здесь он поступил на работу в один из магазинов компании. В конце концов он стал её владельцем и одним из самых богатых купцов Сибири. Компания управляет огромными магазинами в Николаевске, Благовещенске и Хабаровске, а также крупным перевалочным складом во Владивостоке. Эмори предпочитает американские товары и продаёт огромное количество сельскохозяйственных орудий и всего того, в производстве чего преуспевают Соединённые Штаты. Это единственная крупная

¹ Персонаж популярной английской комической оперы «Пираты Пензанса, или Раб долга» А.Салливана и У.Гилберта. — прим. перев.

американская фирма в Сибири. Сам Эмори поселился в Москве и раз в год приезжает осматривать свои магазины. Он такой типичный янки в стиле Дэвида Харума¹.

Когда два моих протеже стали менять корейскую одежду на американскую, не сразу стало понятно, где заканчивается их платье и начинается собственно тело. Корейские обычаи мытья и купания напоминают оные средневекового отшельника, и нижнее белье, однажды надетое, не снимается до конца жизни. В дополнение к этим двум корейцам, я воспользовался услугами русского писаря по имени Николай Андреев. Он был старым человеком и не совсем подходящим, но единственным, кого я смог найти, кто знал российские законы о добыче полезных ископаемых и кто мог оформить необходимые бумаги на случай, если мне надо будет застолбить золотоносные участки. Позже обнаружилось, что он не выдерживал тяжёлых условий путешествия и постоянно задерживал наше передвижение; в конце концов мне пришлось избавиться от него в Гижиге. Отсутствие зубов делало его русское произношение настолько своеобразным, что он ничем не помог мне в освоении языка, который и так нелегко выучить даже при самых благоприятных обстоятельствах. Меня также сопровождал молодой натуралист по имени Александр Михайлович Янковский. Поскольку его имя было слишком сложным для повседневного использования, мне надо было сократить его до «Алек», «Майк» или «Янк», и хотя моя преданность дяде Сэму, естественно, побуждала меня использовать последнее из них, я воздержался, и он стал Алеком. Сначала это ему не понравилось, потому что к русскому принято обращаться как по имени, так и по отчеству, причём последнее — это имя его отца с добавлением «вич». Однако об этом не могло быть и речи, и он смирился.

Таким образом, вся наша компания состояла из пяти человек, говорящих на трёх языках. Никто из моих людей не знал английского, а я не знал ни русского, ни корейского, кроме нескольких слов и фраз. Но не прошло и двух месяцев, как с помощью карманного словаря, моего небольшого запаса корейских слов и частого обращения к карандашу и бумаге, я заговорил на трёхъязычной тарабарщине из английского, корейского и русского, которая свела бы с ума самого снисходительного филолога.

¹ Дэвид Харум — провинциальный торговец лошадьми, герой романа «David Harum; A Story of American Life» Э.Н. Уэсткотта, вышедшего в 1898 году. — прим. перев.

Пароход должен был отплыть через восемь дней, поэтому надо было поторопиться с подбором снаряжения. В качестве оружия я выбрал немецкое охотничье ружье 12-го калибра с расположенным внизу нарезным стволом для охоты как на мелкую, так и на крупную дичь — таким образом я не испытывал необходимости носить два ружья одновременно; магазинный Winchester калибра 45-90; винтовку Mannlicher 88-го калибра, также многозарядную; и два револьвера Кольт 45-го калибра. Поскольку деньги почти не имеют хождения среди уроженцев Крайнего Севера, необходимо было предусмотреть запас товаров для обмена. Для этой цели я раздобыл тысячу фунтов табака «Махорка». Он был расфасован в пачки по четыре унции и стоил пятнадцать копеек за фунт. Я также закупил две тысячи фунтов сахара как для личного пользования, так и для обмена. Его производят в виде 40-фунтовых «голов». Следующими шли две тысячи фунтов кирпичного чая. В каждом «кирпиче» три фунта, и в Ханкау, где он продаётся, он стоит двенадцать с половиной копеек за кирпич. Делается он из самых грубых чайных листьев и веточек, в нём полно пыли, грязи и прочих отходов; это тот чай, который повсеместно используется русскими крестьянами. Я также приобрёл сто фунтов бисера разных цветов и большой запас иголок, а также десять фунтов разноцветных шёлковых ниток, которыми туземцы вышивают на голенищах своих сапог и меховых шубах. Ещё было множество курительных трубок по копейке за штуку, разнообразные «драгоценности», серебряные и латунные кольца, шёлковые платки, порох и дробь, а также патроны 44-го калибра. Последнее будет полезно при общении с туземцами на побережье — они обычно используют винтовки Winchester. Те, кто живёт дальше от берега, пользуются исключительно старомодными мушкетами.

Для себя я приобрёл изрядный запас говяжьих консервов «Armour's», консервированных фруктов, сухофруктов, сока лайма, бекона, три тысячи фунтов фасоли, маринованных помидоров, сливочного масла в банках, кофе, немецкого говяжьего бульона в брикетиках (которые оказались на редкость вкусными) размером дюйм на полдюйма, а также консервированные французские супы и гарниры. Помимо всего этого, и что важнее всего, я взял две тонны чёрного хлеба — обычного русского ржаного хлеба в виде сухарей, для измельчения которых не обойтись без геологического молотка или рукоятки револьвера. Всё это было необходимо как для обмена, так и для нашего пользования.

По моему опыту в Австралии, Бирме, Сиаме и Корее, а также по тому, что я читал о Нансене, я счёл за лучшее не обременять себя никакими напитками, за исключением четырёх бутылок бренди, которые хранились в аптечке и использовались только в медицинских целях. Моя аптечка состояла из четырёх основных предметов: хинина, морфина, йодоформа и успокоительных таблеток. С этими четырьмя лекарствами можно справиться практически со всем, что может случиться в походе. В ящичке были также бинты, вата, горчичники, грелка, два скальпеля и пара хирургических ножниц.

Корейские горнорабочие

После длительных поисков хороших вьючных седел я пришёл к выводу, что в Сибири такие вещи неизвестны; поэтому, позвав китайского столяра, я вручил ему образец аризонского вьючного седла с заказом изготовить дюжину таких же в кратчайшие сроки. Я взялся было учить моих корейцев кое-каким упаковочным узлам, но быстро обнаружил, что если кореец чего не знает об навьючивании лошадей, то об этом и

никто не знает. И Ким, и Пак могли делать это гораздо быстрее и лучше, чем я. Две тысячи лет подобных занятий научили корейцев всему, чему надо.

Были, конечно, необходимы всякие инструменты для поисков золота. Но даже во Владивостоке я не мог достать всего того, что хотел. Пришлось брать то, что было. Я купил дрели, молотки, ломик, немецкий насос, который, как было заявлено, мог перекачивать песок (позже я обнаружил, что он не перекачивает ничего, кроме чистой воды), некоторое количество взрывчатого порошка «ракарок»¹, кирки, лопаты, проволоку, гвозди и прочую мелочь. Русская лопата — это орудие пытки, представляющее собой просто плоский лист железа с тулейкой для вставки черенка, который предполагается изготавливать на месте. Поскольку шейка лопаты не имеет изгиба, отсутствие рычага делает её ужасно неудобным и бестолковым инструментом. Что касается русской кирки, то у неё только одно острие, и по своей конструкции она невероятно неуклюжа. Даже корейские кирки лучше. У меня также были с собой простая горелка, anerоид, компас, сита и лотки для промывки золота, а также другие необходимые приспособления для его поисков. Все эти приготовления были сделаны очень поспешно, поскольку «Космополит» был единственным транспортом, отправлявшимся на север в этом сезоне.

Меня иногда спрашивают, нельзя ли купить билет на этот пароход и совершить путешествие вдоль побережья до Берингова моря и обратно в качестве туриста. Для этого нет никаких препятствий. Трёхмесячное путешествие с остановками в десяти-двенадцати пунктах по побережью можно сделать примерно за триста рублей, то есть за 150 долларов. Но такая поездка не представляет особой ценности или выгоды, главным образом из-за того, что туземцы привозят свои меха на фабрики зимой, когда можно передвигаться по льду, так что у путешественника летом очень мало возможности увидеть что-либо интересного из местной жизни или купить что-нибудь ценного из мехов. Не считая местных жителей и мехов, трудно представить себе, какой интерес может быть в таком путешествии, если только турист не изучает повадки комаров и мошек. В этом случае да, он попадёт в настоящий рай!

¹ Ракарок ("rack-a-rock") — взрывчатая смесь мононитротолуола и бертолетовой соли. — *прим. перев.*

Глава II

САХАЛИН И УГОЛОВНАЯ КАТОРГА В КОРСАКОВЕ

Отплытие экспедиции — Прибытие в Корсаков — Условия содержания заключённых — Заключённым, большинство из которых убийцы, разрешена свобода — Крушение судна и потеря снаряжения — Золотые га-луны и спасательные средства — Возвращение в Корсаков — Русские правила поведения за столом — Простодушное отношение русских к ги-гиене — Браки у заключённых — Как хитрость янки спасла фотографии от конфискации — Ощущения, когда тебя бреет убийца — Преобладание американских товаров.

В шесть часов пополудни 22 июля 1898 года генерал-губернатор с супругой и свитой, сверкающей золотыми позументами и начищенными до блеска пуговицами, поднялись на борт парохода. Подняв якорь, мы направились на юг, в сторону открытого моря, через пролив шириной от полумили до трёх и длиной двенадцать миль. Берег с обеих сторон ошетинился пушками, которые вкупе с узостью прохода делают Владивосток совершенно неприступным со стороны моря.

Существует, однако, история, которую русские не любят вспоминать. Однажды утром, после густого ночного тумана, когда солнце разогнало дымку, в двухстах ярдах от города были обнаружены четыре больших британских военных корабля, стоявших на якоре. Они запросто могли бы снести город, не опасаясь выстрелов с батарей, так как находились не на линии их огня. После этого случая орудия большого калибра были установлены для дополнительной защиты внутренней гавани. Достигнув открытой воды, мы повернули на северо-восток и взяли курс на южную оконечность острова Сахалин, в Корсаков, поскольку генерал-губернатор должен был проинспектировать там местную каторгу.

После трёх дней плавания со скоростью десять узлов на горизонте показался остров Сахалин. Мы увидели длинный низкий берег, за ним невысокие холмы, кое-где поросшие лесом. Поскольку месту этому не повезло с гаванью, мы бросили якорь на открытом рейде в миле от берега. Наш гудок пробудил к жизни маленький катер со свистящей, как астматик, паровой машиной, который вскоре подошёл к нашему борту. Мы немедленно набились в его маленькую душную каюту, и он вразвалочку направился к берегу.

Первое представление о жизни русских каторжников появилось у нас уже когда мы приблизились к набережной из бутового камня. Бригада

заключённых работала над починкой причала. Некоторые из них носили прикреплённые к лодыжкам тяжёлые железные шары, которые им приходилось поднимать и нести при ходьбе, так как волочить их по земле было тяжело. Эти шары весили, наверное, около ста фунтов. Заключённые не выглядели голодающими, но были ужасно грязными и оборванными. Они казались людьми самого низкого уровня умственного развития. Следует помнить, что на Сахалине нет политических заключённых. Их содержат в отдалённых местах Сибири, где шансов на побег гораздо меньше и где нет возможности общаться с кем-либо, кроме собственных тюремщиков. Почти все заключённые Сахалина — конченные преступники. Поскольку в России нет такого понятия, как смертная казнь, Сахалин является для этих обречённых людей земной Валгаллой, своего рода предсмертным чистилищем.

Мы сошли на набережную и направились в город. Улица была шириной около пятидесяти футов, с аккуратными дощатыми тротуарами по обеим сторонам. Все дома были бревенчатыми, но не такими, какие мы привыкли ассоциировать с этим названием. Русские строят дома из брёвен лучше всех в мире! Бревна эти имеют квадратное сечение и тщательно подогнаны друг к другу. Окна в основном с двойными стёклами, и потому дома, все одноэтажные, достаточно тёплые для жилья. Повсюду небольшие магазинчики. Все население, не считая чиновников, состоит из осуждённых, большинство из которых пользуются почти полной свободой в пределах города. Возникает странное чувство, когда идёшь по улицам города и знаешь, что всё вокруг — лавочники, плотники, кузнецы, клерки, мясники и пекари — отчаянные преступники. В Корсакове проживает около двух тысяч человек, 90% из которых — осуждённые.

Я спросил, могу ли я осмотреть тюрьму. По правде говоря, я ожидал немедленного отказа, и был удивлён, когда мне сообщили, что я могу ходить куда захочу. Подойдя к главному входу в тюрьму, я обнаружил, что створки тяжёлых ворот сорваны с петель, и заключённые свободно входят и выходят. Сонный казак, стоявший на карауле, даже не окликнул меня. Здания тюрьмы расположены по сторонам четырёхугольника. Заключённые сидели во дворе, непринуждённо развалившись, и разговаривали; некоторые что-то вырезали по дереву.

Я с удивлением обнаружил, что нигде на окнах нет решёток. Через некоторое время, когда я немного осмотрелся, один из офицеров прово-

дил меня в другую часть территории, которую охранял часовой, вооружённый револьвером. Этот охранник провёл нас к небольшому зданию, все окна которого были зарешёчены. Внутри был ряд чистых, сухих, побеленных камер, полдюжины из которых занимали заключённые, недавно совершившие убийство на острове. Их отправят на север, в ужасные угольные шахты, где прикуют цепями к тачкам, и несчастные будут неразлучны с ними семь лет, летом и зимой, днём и ночью.

В тюремных мастерских заключённые, казалось, старались работать как можно меньше. Они изготавливали инструменты, петли, подковы, сельскохозяйственные орудия и другие простые железные вещи. В других цехах делались телеги и тачки. Среди осуждённых много крестьян, они работали на окрестных полях и, похоже, вполне успешно. Заглянул я и в главную контору; там сидело с дюжину клерков, которые курили и пили чай. Все они тоже были осуждёнными, в основном по всяким финансовым махинациям и мошенничеству.

Выйдя из тюрьмы, мы пошли по улице и по пути заглянули в небольшую лавку, где симпатичная русская девушка продавала хлеб и молоко. Я спросил, за какое преступление она попала на Сахалин. Офицер перевёл мой вопрос. Девушка рассмеялась и сказала, что она убила своего мужа. Ей было двадцать три года.

Мы прибыли в десять утра, а поскольку уезжали уже в четыре пополудни, то знакомство с городом получилось кратким, но и то, что я увидел, было достаточно, чтобы впечатлить даже самое заурядное воображение.

К тому времени, когда мы все снова погрузились на пароход и были готовы к отправлению, нас окутал густой туман; но так как впереди было открытое море и бояться было нечего, мы на полной скорости двинулись вперёд сквозь туман, держа курс на юго-восток для того, чтобы обогнуть южную оконечность острова и пойти на север вдоль восточного побережья. Возможно, мы были бы более осторожными, если бы генерал-губернатор не торопился. Как оказалось, зря, ибо вскоре после восьми часов вечера, когда я сидел за ужином с капитаном и первым помощником, мы услышали, как второй помощник на мостике закричал: «Лево на борт! Лёд по курсу!» Капитан бросился на мостик, а я пробрался на нос судна. Вглядываясь в сумерках сквозь туман, я различил низкую белую линию, похожую на лёд, за которой высилась огромная тёмная масса. Мы ещё не успели уменьшить скорость, как последовал сильный удар, который сбил меня с ног. Я с трудом поднялся на ноги и,

взглянув за борт, увидел, что белая линия — это не лёд, а прибой, а тёмный предмет за ней — утёс в несколько сотен футов высотой.

Рыночная площадь в Корсакове, остров Сахалин

Среди китайской команды и корейских грузчиков царило крайнее замешательство. Похоже, дело было серьёзное! Я как можно быстрее добрался до своей каюты, вытряхнул свой саквояж, сунул в карман пачку денег, пристегнул револьверы и поспешил на палубу, чтобы помочь подавить любую попытку азиатов прорваться к шлюпкам. Первый помощник в это время измерял уровень поступающей воды на нижней палубе — она была уже в машинном отделении. Было очевидно, что пароход, очень быстро набирал воду. Поскольку офицеров на судне было мало, а от пассажиров не было никакого толка, капитан приказал мне спустить шлюпки. В такой неразберихе это было нелёгкой задачей, но с помощью самых лютых угроз и демонстрации моего револьвера я собрал достаточно людей, чтобы спустить шлюпку за борт.

К счастью, на море в это время не было волнения, и дела начали принимать более обнадеживающий оборот, когда выяснилось, что мы лежим на отлогой отмели и не можем утонуть. Мы поспешно погрузили на лодки бочонки с водой и мешки с галетами; но поскольку непосредственной опасности потопления не было, капитан попросил меня взять одну из шлюпок и осмотреть берег на предмет подходящего места для высадки. С ярким фонарём на носу мы отчалили в туман и через час вернулись с известием, что в полумиле на берегу есть хорошее место для высадки. Генерал-губернатор, его жена и сопровождающие отправились на берег, конечно, первыми. Губернаторша выглядела очень невозмутимой и казалась даже более спокойной, чем некоторые из мужчин. Последние, как только прозвучал сигнал тревоги, поспешили в свои каюты и облачились в парадное обмундирование. Их золотые позументы, блестящие шпаги и хромовые сапоги казались странно неуместными на борту тонущего судна. Тем не менее, эти русские бросили всё, кроме своих красивых мундиров! Это напоминало древний персидский обычай идти в бой при всех регалиях.

После того, как они были высажены на берег, мы вернулись за экипажем. С рассветом начался прилив. Пароход стало колотить о риф; было очевидно, что долго он не продержится. Капитан сказал, что собирается оставаться на судне до тех пор, пока оно не развалится. Поскольку я был тогда восторженным поклонником фотографии, я подумал, что это будет хорошая возможность запечатлеть гибнущий корабль и решил остаться с капитаном как можно дольше. Мы находились на борту весь этот день и два следующих, по очереди неся шестичасовые вахты. За это время мы установили над кормовым люком лебёдку и подняли из трюма, уже залитого водой, большие мешки с почтой. Среди прочего, в них было пятнадцать тысяч рублей банкнотами.

На второй день мы видели британскую канонерскую лодку «Archer», проходившую на юго-восток по пути на Камчатку и отчаянно пытались привлечь её внимание звоном в колокол, но безуспешно. Тем временем первый помощник с частью команды и при попутном ветре отплыл на баркасе в Корсаков, чтобы заручиться помощью. Три дня спустя он вернулся с паровым катером и двумя лихтерами, один из которых был с заключёнными, чтобы помочь снять пароход со скал. Если этого не удастся, то они должны были спасти столько груза, сколько смогут. Их послали в носовой трюм, из которого им удалось вытащить некоторые вещи, но из моей провизии и снаряжения пропало всё, за исключением

палатки, которую отправили на берег для жены генерал-губернатора. Палатка эта, вместе с саквояжем, фотоаппаратом, пистолетами и патронами — это всё, что осталось от моей тщательной подготовки к экспедиции.

Тем временем моим русским друзьям явно наскучило пребывание на берегу в таких тяжёлых условиях. Мы бросили за борт всех уток и гусей, предназначенных для камбуза; они порадовались несколько минут вновь обрётённой свободой и беспечно направились к берегу, где джентльмены в лакированных сапогах и золотых галунах быстро потрубили им головы. Мы также спустили на воду свинью, и она самоотверженно добралась до берега только для того, чтобы разделить свою участь с пернатыми. В бинокль я мог видеть, как генерал-губернатор в парадном мундире с медалями на груди тащит охапку хвоста для ко-стра.

И вот всей нашей компанией мы вернулись обратно в Корсаков, унылые и потрёпанные. Генерал-губернатор отвёл меня в дом полицейского исправника, где мне предоставили удобную комнату и угостили замечательным ужином. В тот вечер я впервые попробовал настоящую русскую кухню. Стол ломился от солений-варений, паштета из фуа-гра, икры, малосоленного лосося, маринованной селёдки и сырой рыбы, сардин, сыра, лука, колбасы, капусты и огромных груд чёрного и белого хлеба. Там же стоял большой традиционный графин с чистой прозрачной хлебной водкой. Каждый человек, входя в столовую, поклонился иконе, висящей в углу, и перекрестился. Перед едой все наполнили бокалы и выпили за здоровье хозяина под аккомпанемент «Будьте здоровы!».

За столом вы сами достаёте себе то, что вам нужно. Очень редко вы просите кого-нибудь что-то вам передать. К примеру, вы никогда не предлагаете своему соседу справа передать вам сыр; вы встаёте со своего места, протягиваете руку с вилкой над его тарелкой и накалываете понравившийся вам кусочек. Если это невозможно, вы покидаете своё место, обходите стол и завладеваете своей добычей. Есть только одна вещь, которую вам с готовностью передадут — это водка. В общем это выглядит как вокзальный буфет перед отходом поезда. Так что надо признать, что русские манеры поведения за столом не похожи на традиционные европейские. Они скорее напоминают корейские обычаи общественного застолья, когда еда ставится на стол вся сразу.

Было бы ошибкой полагать, что на этом русский ужин заканчивается. На самом деле это только его начало. Непосвящённый, если его не предупредили заранее, к этому времени уже наестся до отвала, но для русского это всего лишь увертюра. Теперь со стола убрано всё, кроме водки, которая вообще никогда не убирается, и начинается собственно ужин. Начинается он с супа. Должен сказать, что этот суп самый густой и наваристый, какой мне когда-либо доводилось пробовать. Само по себе это уже было бы полноценным ужином для любого человека, менее крепкого, чем обычный русский. Каждый гость добавляет в свой суп две-три полные ложки сметаны.

То, как они едят суп, можно не только видеть, но и хорошо слышать. Возможно, они придерживаются принципа, что суп нужно есть как можно громче, поскольку это означает, что он настолько вкусен, что вы не можете дождаться, пока он остынет.

Мой натуралист Алек, который был прекрасным образцом образованного русского, повернулся ко мне и сказал:

— Я вижу, вы едите в основном вилкой.

— Да, — сказал я, — а я замечая, что вы этого не делаете.

— Нет; но у меня есть сестра, которая год с лишним училась в английском монастыре в Японии. Когда она вернулась, то ела вилкой, но мы подняли её на смех, и она вскоре перестала.

Русский столовый нож расширяется к концу, и его используют и как нож, и как ложку. Про американские ножи русские говорят, что они недостаточно «держат».

После супа подали птицу, жареное мясо, овощи и ещё два-три блюда из взбитых сливок. Последние мне особенно понравились. Это их любимый вид десерта — сливки, щедро посыпанные сахаром и молотой корицей. Теперь, когда, казалось бы, всё закончено, со стола снова убирают и ставят дымящийся самовар. Каждый выпивает по четыре-пять стаканов горячего чая, сдобренного ломтиком лимона. Некоторые сорта русского чая очень хороши. Известно, что здесь пьют как самые дорогие, так и самые дешёвые сорта. Так что ни у одного фунта лучших сортов чая, выращенного в Китае, нет шанса попасть на запад дальше, чем Россия.

В это же время все курят, как мужчины, так и женщины; и не только после ужина, но и между блюдами.

Во время пребывания в стране Белого Царя умение пользоваться вилкой было не единственным, что отличало меня от других. Где бы я

ни был, русских очень забавляло, что я пользуюсь зубной щёткой, которую они считают сугубо женской принадлежностью. Ещё меня смущало полное отсутствие где бы то ни было раковин для умывания. Русским они просто неизвестны. Они используют что-то вроде банки или ведёрка с водой, с клапаном внизу, из него выпускает струйку воды на руки; или просто набирают в рот воды из стакана и брызгают на руки — гораздо более гигиеничный способ, чем американский, поскольку таким образом русские не моются в том, чем пользовались другие. Русские не признают никакой другой бани, кроме настоящей русской, а поскольку её можно найти только в населённых пунктах, то результат получается далеко не лучший. Даже на пароходе, где можно было принять и горячую и холодную ванну, она не пользовалась особым вниманием. Русские говорят об англичанах и американцах, что они моются так часто, что от них неприятно пахнет, что нас несколько удивляет и ставит под сомнение истинность пословицы о том, что добродетель сама по себе является благом. Как чёрный, самый мрачный из всех цветов, на самом деле является отсутствием всякого цвета, так, возможно, отсутствие какого-либо определённого запаха у хорошо одетого англичанина кажется русскому неприятным.

Одним из официантов был молодой красивый мужчина двадцати пяти лет, осуждённый за убийство. Он был одет в живописный костюм казака и, как ни странно, носил на поясе настоящий кинжал. Женщина, принёсшая самовар, убила целую семью: своего мужа, свёкра, свекровь и собственного ребёнка. Она была замужем за официантом уже год с тех пор, как приехала на Сахалин. Браки между осуждёнными поднимают деликатный пенологический вопрос, учитывая, какими могут быть плоды таких союзов.

После ужина я предложил одному из помощников губернатора пойти прогуляться, но исправник наложил на это вето, заявив, что ни в коем случае нельзя выходить на улицу после шести часов вечера. Наши жизни были бы в реальной опасности, поскольку убийства здесь происходили в среднем по одному в день. Сотни заключённых сбежали и прячутся в глубине острова, питаются дичью, кореньями и ягодами. Некоторые бродят ночью по улицам в поисках добычи, особенно когда в город прибывает пароход.

На следующий день мы увидели в одном из зданий много женщин. Это была недавно прибывшая партия заключённых. В установленные

дни тех осуждённых мужского пола, чьё поведение всегда было хорошим, отводят в это здание, где женщин выстраивают в ряд, а мужчинам разрешается выбирать из них себе жён. Женщины обычно не возражают, чтобы их выбирали, но тех, кто отказывается, не заставляют. Женитьба означает, что они освобождаются от обязательных работ в мастерских и могут поселиться в небольшом уютном домике среди окрестных холмов, где нет никаких тюремных условий, за исключением периодических проверок. Если они соглашаются вступить в брак, то немедленно отправляются в маленькую церковь, где священник их венчает. Супружеской паре выделяют участок земли для расчистки и возделывания. По возможности им дарят лошадь, корову и несколько кур, и, конечно, неизбежный самовар. Нашу поговорку «Что за дом без матери?» на русский можно вполне перевести как «Что за дом без самовара?» Все деньги, которые они могут заработать своим хозяйством, принадлежат им самим и будут отданы им по истечении их срока. Правда, большинство осуждённых на Сахалине приговорены к пожизненному заключению...

Женщины в тюрьмах заняты шитьём одежды для тех осуждённых, которых ещё не выпустили за хорошее поведение.

На следующий день меня пригласили в православную церковь на благодарственный молебен за спасение пассажиров и команды нашего парохода. Служба очень меня впечатлила. Особенно прекрасным было пение хора заключённых. В русских церквях сидячих мест не предусмотрено, и верующие могут только стоять или преклонять колени.

В тот день я набрался смелости, взял свой фотоаппарат и пошёл прогуляться по территории тюрьмы. Но, к моему великому удивлению, никто не препятствовал мне фотографировать всё, что мне заблагорассудится. Даже охранники выстроились в ряд и были, к их великому удовольствию, «запечатлены на память». Мне даже удалось сделать фотографию заключённого, которого бьют кнутом за какой-то мелкий проступок. Это обычное здесь наказание: преступника привязывают к скамье лицом вниз и наносят по спине назначенное количество ударов.

Когда начало смеркаться, я вспомнил о предписании исправника с наступлением темноты оставаться дома и отправился домой на ужин, во время которого сидел за столом рядом с хозяином. Он был человеком немалых способностей и хорошо говорил на английском. Во время еды он наклонился ко мне и, улыбаясь, сказал:

Осуждённые за убийство на крыльце тюрьмы в Корсакове

— Я так понимаю, вы делали какие-то снимки.

— Да, — признался я.

— Увы, это, конечно, противозаконно, и, боюсь, мне придётся попросить вас отдать мне эти фотопластинки.

Я попытался возразить, но обнаружил, что он твёрдо решил этот вопрос. Но я, правда, тоже принял решение как мне поступить.

— Но, — сказал я, — снимки всё ещё находятся в камере, не проявленные.

— О, хорошо, принесите мне камеру, и я проявлю их для вас, — произнёс он с лёгкой усмешкой.

— Тогда я, пожалуй, пойду, — сказал я, отодвигая стул, хотя ужин не был окончен ещё и наполовину.

— Не торопитесь. Это можно сделать завтра утром...

На следующее утро всё было сделано, как задумано: ночью камера отправилась в саквояж, а перед завтраком исправник с улыбкой разбил

фотопластинки одну за другой об угол стола, не осознавая, что это неэкспонированные пластинки. Я постарался выглядеть настолько печальным, насколько того требовали обстоятельства.

Я спросил его, бежал ли когда-нибудь кто-нибудь из заключённых с острова. Он коротко рассмеялся и сказал:

«Один раз кое-кому это удалось. Я вам расскажу. Однажды сюда, скрываясь от непогоды, зашла японская рыболовецкая шхуна и бросила якорь недалеко от города. Ночью восемь заключённых подплыли к ней, убили команду и уплыли, не имея ни малейшего представления о навигации. Несколько дней они дрейфовали в море и были подобраны американским китобойным судном, который доставил их в Сан-Франциско. Как только об этом стало известно, российские власти потребовали их экстрадиции, но американские газеты подняли шумиху о том, что невинных политических заключённых собираются отправить обратно в ужасную Сибирь, а сан-францисские дамы осыпали их цветами и кормили сладостями. Власти Соединённых Штатов отказались их выдать, хотя было хорошо известно, что в Сахалин никогда не отправляют политических преступников, а только осуждённых за уголовные преступления. Но обратите внимание что было дальше. В течение двух лет семь из этих восьми человек были повешены за убийства, а оставшийся приговорён к пожизненному заключению. Мы ценим доброту Соединённых Штатов, которые избавили нас от содержания этих преступников, и с удовольствием отдали бы им всех остальных осуждённых с этого острова.»

Сахалин — это российское чистилище, и приведённый выше случай показывает, как слепое филантропическое рвение может нанести вред.

У меня появился повод воспользоваться услугами брадобрея, и русский чиновник привёл меня в одну парикмахерскую, которая показалась мне весьма опрятной. И только когда бритва уже гуляла по моему подбородку, я узнал, что рука, которая её держит, принадлежит обычному убийце. Отступать мне показалось поздно, потому что я не представлял, какие дикие инстинкты могу пробудить в нём, если я попытаюсь удрать наполовину выбритым. Обычно мне удаётся немного вздремнуть под успокаивающими прикосновениями рук парикмахера, но на этот раз, признаюсь, я бодрствовал гораздо дольше, чем обычно. Любезный читатель, возможно, сможет представить себе чувства человека, когда остро отточенная сталь скользит по его сонной артерии. Как

ни странно, единственное, что осталось у меня перед мысленным взором, — это красочный рекламный плакат на стене, с присущей янки «скромностью» расхваливавший достоинства некоего американского магазина парикмахерских принадлежностей и предлагаемую им уникальную возможность приобрести лучшие товары по самой низкой цене. Позже мне рассказали, что этот цирюльник совмещал со своей основной профессией занятие сутенёрством, что показывает, насколько широкий спектр специальностей предоставляет Россия своим осуждённым.

Беглое знакомство с магазинами и лавками, расположенными на главной улице города, показало, что наибольшим спросом здесь пользуются американские консервы, мука и другие продукты питания, а также постельное бельё и ткани. Изделия из металла были в основном дешёвого немецкого производства. Я не заметил в продаже никаких английских товаров.

Глава III

ПЕТРОПАВЛОВСК И ЮЖНАЯ КАМЧАТКА

Вулканы Камчатки и суеверие туземцев — Первый выход на разведку — Найдена медь, но золота нет — Комары, как причина эвакуации населения — Китайские моряки-торговцы.

Когда мы вернулись в Корсаков после нашего кораблекрушения, генерал-губернатор немедленно телеграфировал о происшедшем во Владивосток и попросил немедленно отправить спасательный пароход. Через шесть дней мы увидели его на горизонте, и вскоре «Swatow», пароход под немецким флагом, бросил якорь недалеко от города. Его сопровождала российская канонерская лодка, которая увезла генерал-губернатора и его свиту во Владивосток, поскольку он был отозван по срочному делу.

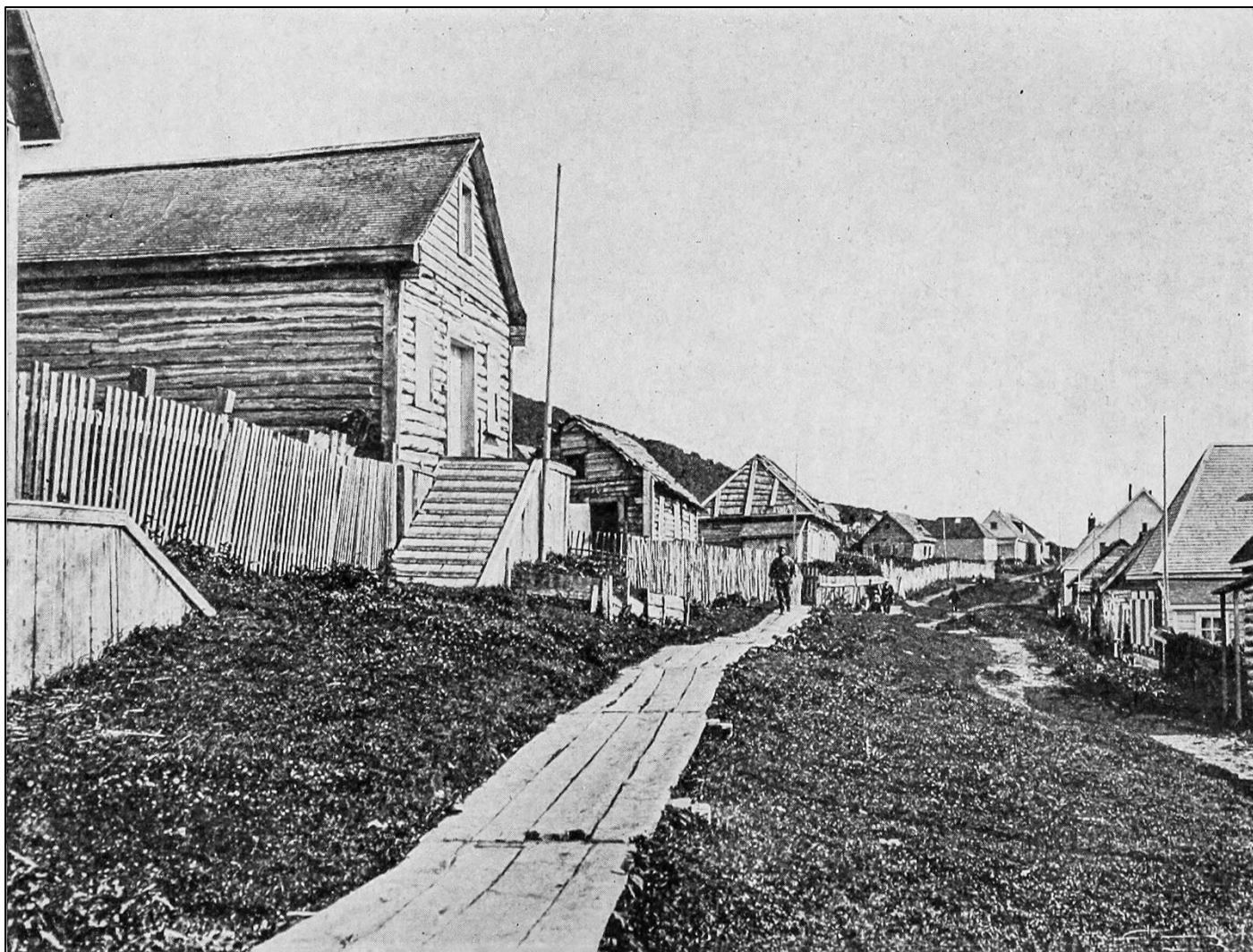
Я выяснил, что «Swatow» не пойдёт в Берингово море, а только посетит торговые станции в Охотском море, на севере которого находится нужная мне Гижига. Несмотря на то, что моё снаряжение после крушения было в ужасном состоянии, я был полон решимости отправиться дальше и, если потребуется, жить хоть в полевых условиях. На пароходе мне продали небольшой запас кирпичного чая, сахара и сухарей. Я также пополнил, насколько смог, свои запасы в магазинах Корсакова, мы погрузились на борт «Swatow» и отправились на север.

Выйдя из Сахалин во второй раз, мы без происшествий обошли южную оконечность острова и после десяти дней плавания увидели берега Камчатки — цепь высоких заснеженных гор, временами скрываемых облаками.

Мы вошли в великолепную Авачинскую бухту длиной двадцать пять и шириной десять миль. Среди густых лесов, покрывавших её берега виднелись прелестные ручьи, сбегавшие по склонам гор к водам залива. На северной оконечности гавани возвышается действующий Авачинский вулкан высотой в шестнадцать тысяч футов над уровнем моря. Вершина его была покрыта снегом, а над ним висело густое облако дыма. Камчатка находится на линии вулканической активности, которая тянется от Огненной Земли в Южной Америке на север через Южную и Северную Америку, Алеутские острова, Камчатку, Курильские острова, Японию и далее на юг; и потому не удивительно, что на полуострове много активных и наполовину потухших вулканов и горячих источников. Туземцы считают такие места обиталищами злых духов и не станут приближаться к ним без особой необходимости. Однажды некие русские заставили туземцев показать им дорогу к одному из горячих источников, и когда эти суеверные люди увидели, как иностранцы бесстрашно подошли к кипящей воде, попробовали её на вкус и сварили в ней яйца, они в изумлении вообразили, что русские имеют власть над демонами. В порту Петропавловска мы обнаружили британскую канонерскую лодку «Archer» и русскую малую канонерскую лодку.

Население города Петропавловска состоит примерно из трёхсот русских и камчадалов-полукровок, которыми руководит исправник; в помощниках у него писарь, врач и двадцать казаков. За исключением большой каменной церкви, все дома одноэтажные и построены из брёвен; аккуратные и прочные, все они имеют в окнах двойные стёкла, что необходимо для холодной зимы.

В это время года растительность острова особенно роскошна. Из деревьев здесь растут только лиственница и берёза, но вся местность покрыта таким густым подлеском высотой в десять футов, что сквозь него невозможно пробраться. Поэтому летом здесь очень мало путешествуют, только по рекам на небольших лодках. Бóльшая часть этого подлеска с приближением зимы отмирает, а снег, покрывая всё вокруг толстым слоем, делает передвижение сравнительно нетрудным.

Главная улица Петропавловска-Камчатского

Поскольку наш пароход должен был отплыть на десять дней по разным торговым точкам и затем вернуться в Петропавловск, я решил использовать это время для поисков залежей меди, о существовании которых сообщали местные. Я раздобыл небольшой ялик, построенный в Сан-Франциско, и, уложив в него свою палатку, отправился осматривать берег. По большей части я шёл пешком, в то время как корейцы гребли на лодке недалеко от берега, держась на расстоянии оклика. Я внимательно осматривал минеральные обнажения и примерно в пяти милях от города наткнулся на многочисленные куски медной породы, отделившиеся от родительского рудного тела. Поднявшись на холм выше этого места, я обнаружил выходы тонкого пласта борнита, ценной медной руды, если найти её в больших количествах. Но тонкость слоя не сулила ничего хорошего, поэтому я просто установил заявочный столбик, который будет действовать в течение трёх лет, для дальнейшего изучения.

Когда наступила ночь, которая в этом северном регионе летом наступает не раньше десяти часов, мы разбили лагерь у горного ручья, приготовили ужин и были уверены, что проведём спокойную ночь. Но уже через десять минут мы поняли, что жестоко ошибались. Налетел миллион комаров, и мы тут же сдались на милость победителя — так сказать, почётно капитулировали со знамёнами и при оружии, и провели ночь в лодке, стоявшей на якоре примерно в пятидесяти ярдах от берега.

Нет необходимости дальше рассказывать об этой небольшой вылазке, поскольку она не привела к обнаружению сколько-нибудь значительных залежей меди. Итак, в назначенное время мы вернулись в Петропавловск, готовые продолжить наше путешествие на север. «Swatow» стоял в порту, готовый к отплытию на следующее утро.

На рассвете мы подняли якорь, и перед наступлением ночи бросили его уже в устье реки Тигиль на западном побережье полуострова. На берегу нас встречала бóльшая часть населения маленькой деревушки с таким же названием. Сама она находится примерно в сорока милях вверх по реке, но все жители спустились на побережье, чтобы встретить пароход, порыбачить и спастись от комаров, которых в их деревне гораздо больше, чем на побережье. Население её состоит из русских и метисов. На побережье все они поселились во временных летних хижинах.

Первый человек, которого я встретил, сойдя на берег, обратился ко мне на хорошем английском западного побережья Соединённых Штатов. Это был мистер Флетчер, русский подданный смешанного русско-американского происхождения, родившийся на Камчатке и получивший образование в Сан-Франциско. Он пригласил меня в свой маленький домик и угостил ужином из сырой, солёной и копчёной рыбы, водки, лакомства из свежего молока и черники на десерт, и содержимым полного самовара. Воздав должное вещам приятным, мы спустились на берег, чтобы понаблюдать, как китайские моряки с парохода раскладывают для обмена с туземцами тот небольшой запас товаров, который каждому было разрешено взять с собой. Расчётливый житель Поднебесной расстилает на земле кусок холста и самым привлекательным образом раскладывает на нём ручные зеркала, иголки, пуговицы, брусочки мыла, парфюмерию и другие соблазнительные вещи. Стайка местных девушек толпится вокруг, хихикая и подшучивая, в то время как мужчины проталкиваются вперёд, чтобы купить подарки для своих

возлюбленных, расплачиваясь оленьими шкурами, меховыми перчатками и копчёными оленьими языками.

Тем временем с парохода деловито выгружали муку, чай, водку и другие припасы, необходимых чиновникам и торговцам на год, а взамен загружали тюки со шкурами и мехами, отправляемые торговой компанией во Владивосток.

Глава IV

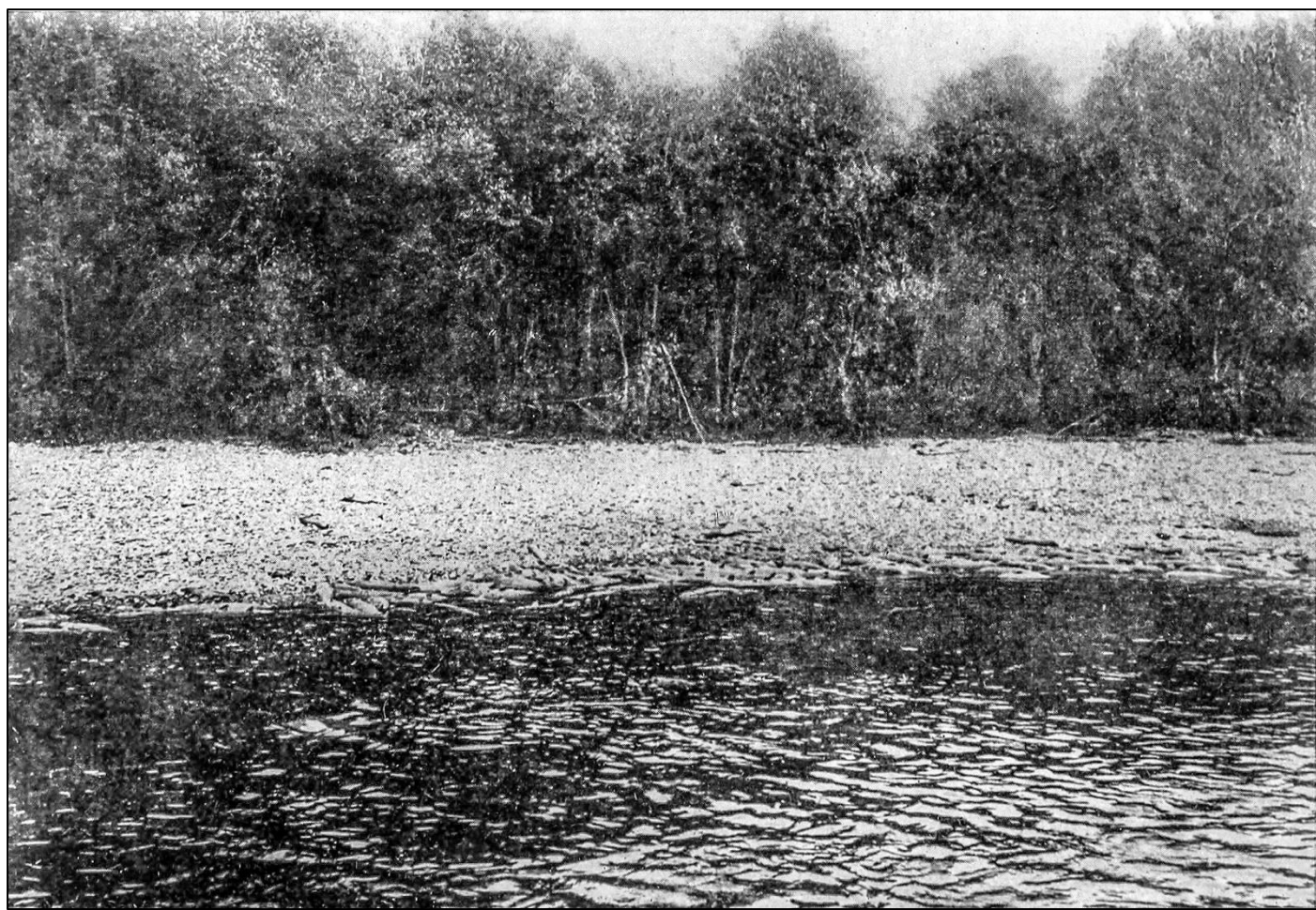
ПРОМЫСЕЛ ЛОСОСЯ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

Прилив в двадцать пять футов — Массовая гибель лосося — Рыбы глаза как деликатес для чаек — Как туземцы запасают рыбу для собак — Три разновидности лосося — Птичий рай.

Покинув устье реки Тигиль, мы направились на север Охотского моря. Берега представляли собой почти безлесую холмистую местность. За три дня непрерывного плавания мы достигли северного предела Охотского моря, устья реки Гижига. Из-за мелководья мы были вынуждены бросить якорь в восемнадцати милях от берега. На борту был небольшой паровой катер, предназначенный для буксировки к берегу лихтеров грузоподъёмностью около двадцати пяти тонн каждый. Катер и лихтеры были спущены за борт и загружены, и в десять часов вечера мы отправились на берег. Это время было выбрано специально, чтобы преодолеть мелководный бар реки во время прилива. В три часа ночи, когда солнце уже взошло, мы вошли в устье реки. Оно казалось очень широким, но это было следствие прилива, который поднимается на двадцать пять футов и заливаet равнину по обе стороны реки. В воздухе было полно чаек. Весь бар завален огромным количеством мёртвого лосося, который принесла река. Запах разлагающейся рыбы был почти невыносимым и отчётливо ощущался миль за пять.

Каждый год, примерно десятого июня, лосось направляется из моря вверх по течению настолько далеко, насколько позволяет глубина реки. Делает он это, когда достигает возраста шесть лет. С момента, как лосось попадает в пресную воду, он перестаёт питаться. По этой причине его ловят вблизи устья реки, когда он ещё в хорошем состоянии. Лососи мчатся вверх по реке, словно стремясь найти её исток. Когда река сужается до двухсот футов в ширину и становится глубиной около фута, рыбы становится так много, что вода от них буквально кипит. Можно

войти в воду и убить любое количество дубинкой. И всё равно они с невероятным трудом, но поднимаются всё выше и выше. По мере того как рыба удаляется от моря, её тело становится рыхлым и дряблым, а кожа чёрной или ярко-красной. Они бьются о камни и трутся об острые скалы, как будто желая содрать плоть со своих костей. После того как рыба таким образом проплывёт вверх по реке пятьдесят-шестьдесят миль, она настолько истощает, что становится несъедобной. Целые стаи их, от ста до тысячи особей каждая, бешено и без усталости мчатся к заветной цели, порою выбрасываясь на берег. Это то, чего так долго ждали чайки. Они налетают стаями и лакомятся глазами бьющейся рыбы — оставляя в целости другие части тела. Медведи также спускаются к реке и объедаются. Я видел за один день семерых бурых громадин, пирующих рыбой. Они едят только определённые части головы и не прикасаются к телу. Они заходят в воду, бьют рыбу лапами и выбрасывают её на берег. Волки, лисы и ездовые собаки также лакомятся рыбой, единственный раз в году наедаясь до отвала.

Река с мёртвыми лососями

И вот, наконец, самка лосося находит подходящее место и вымётывает икру; которую тут же оплодотворяет самец. Как только это свершается, рыба скатывается вниз по течению, начинается безумная гонка навстречу смерти. Сколько бы миллионов лососей ни поднималось вверх по реке, ни один из них никогда не доберётся обратно до моря живым. Икра лосося остаётся в реке в течение зимы, и только весенние паводки унесут молодь рыбы в море.

По берегам Гижиги живут в своих жалких лачугах и хижинах из шкур русские-полукровки и туземцы. Они ловят рыбу длинными сетями, плетёнными из американских ниток. Прикрепив один конец сети к столбику на одном берегу реки, они переносят другой конец на противоположный. Через час-другой дальний конец возвращается назад с заходом вниз по течению, то есть в направлении, откуда приходит рыба. Два конца соединяются вместе, и упряжка из дюжины ездовых собак вытаскивает сеть на берег, где дети глушат рыбу дубинками. Затем её относят женщинам, которые тремя ловкими взмахами острого ножа потрошат рыбину и отрезают толстые пласты мяса с каждой стороны её позвоночника. Эти куски высушиваются на солнце и являются основным продуктом питания у этого народа. Он называется юкола. Хребет, голова и хвост, которые остаются после этого, высушиваются и служат основным кормом для ездовых собак.

После того как местные жители приготовят достаточно рыбы на год, они делают ещё один большой улов и укладывают всё пойманное в яму и засыпают землёй. Если на следующий год рыбы не будет, эти ямы можно будет вскрыть и скормить собакам, тем самым сохранив их ценные жизни. К сожалению, туземцы, которые питаются в основном рыбой, не могут заготовить её больше, чем для использования в течение одного сезона.

Они могут припасать что-то на будущее для своих собак, но не для своих детей. Когда вскрывают старую рыбную яму, вонь раздаётся ужасная, но это не смущает собак — они съедят всё, что поможет им выжить. Если бы туземцы были готовы работать хотя бы на пятнадцать дней дольше, они легко могли бы заготовить достаточно продовольствия, чтобы справиться с голодом, но они не станут этого делать, если их к этому не принудить. Так, российские власти заставляют одного-двух человек от каждой семьи ловить рыбу специальными казёнными сетями, а весь улов помещается в «рыбный склад», и ведётся учёт количества,

причитающегося каждому человеку, принимавшего участие в этой рыбной ловле. За нескольких удачных лет запасается достаточно рыбы, чтобы обеспечить население, по крайней мере частично, в годы плохих уловов. Если этого будет недостаточно, правительство купит у кочевых жителей северных оленей по пятьдесят копеек за голову и обеспечит нуждающихся. Пятьдесят копеек составляют двадцать пять центов в валюте Соединённых Штатов, что представляется небольшой ценой за целого оленя, но в стране, о которой мы пишем, это хорошая средняя цена. Неурожай рыбы случается примерно раз в семь лет. По какой-то пока не выясненной причине рыба в какие-то годы не возвращается в реку. Нередко бывает, что из двух рек, устья которых находятся в паре миль друг от друга, лосось будет заходить на нерест только в одну, но не в другую.

Ловля лосося

Российское правительство запрещает экспорт лосося, выловленного в реках или в радиусе двух миль от их устьев. Хотя люди не вылавливают и тысячной доли процента той рыбы, которая поднимается вверх по реке, надо иметь ввиду, что ни одна рыба после нереста не возвращается в море. Поскольку рыбу ловят как можно ближе к устью реки, то уничтожается огромное количество икринок. Существует, таким образом, вероятность серьёзного сокращения поголовья, если лосось будем массово вылавливаться по пути на нерест. Если бы их добывали после нереста — это другое дело, но ловить истощённую рыбу нет смысла.

Лосось здесь бывает трёх видов, называемых, соответственно, кижуч, нерка и горбуша. Вес взрослого лосося — от восемнадцати до двадцати пяти фунтов. В реках водится ещё одна рыба, относящаяся к лососёвым — форель. У него темно-зелёная спинка с яркими розовыми пятнами и восхитительный вкус! В озёрах в тундре также водится рыба, чем-то напоминающая небольшую щуку, которую местные жители ловят в плетёные ловушки. Они представляют собой цилиндрические корзины длиной пять футов и диаметром три фута. Их устанавливают в изгороди из тростника и кольев, перегораживающей небольшие ручьи, вытекающих из тундровых озёр. Часто за один раз в ловушку попадает до дюжины рыб. Во время нереста лосося запах мёртвой рыбы привлекает сотни тюленей. Когда мы переправлялись на берег с нашего парохода, их головы торчали из воды повсюду вокруг нас и заслужили несколько хороших выстрелов. Туземцы ловят их огромными сетями, сделанными из моржовых ремней, с ячеей в шесть дюймов и более. Хороший улов может принести до тридцати таких здоровяков, весом до четырёхсот фунтов каждый. Их мех пятнистой раскраски — в мелкую и крупную крапинку. Шкуры ценятся у туземцев, которые изготавливают из них обувь. Женщины умеют шить её так, чтобы она были абсолютно непромокаемой. Тюленья ворвань — деликатес, её едят в сыром виде. Из неё также делают жир для светильников, а в качестве фитиля используют мох. Морские чайки, направляющиеся на север для гнездования, прилетают в мае, и воздух просто наполняется ими. Они выют свои гнезда на скалах, или даже в открытой тундре. Птенцы вылупляются как раз в то время, когда начинается ход лосося на нерест, что очень удобно. Детёныши становятся взрослыми очень быстро. Только что вылупившиеся птенцы серые. На следующий год только крылья останутся серыми, а тело станет белое. Сбор яиц очень важен для местных жителей, которые сохраняют их, закапывая на северной стороне холмов, где

земля не оттаивает. Помимо чаек, здесь обитает бесчисленное множество уток, гусей и бекасов. Эти последние часто летают такими густыми стаями, что мальчишки бросают в них палки, сбивая с полдюжины за раз. Эти молодые люди также очень искусно обращаются с пращей и убивают этим примитивным оружием довольно много уток и гусей. Я видел, как один мальчик сбил влёт гуся с помощью такой пращи, хотя обычно метают в стаю, тогда есть шанс попасть хотя бы в одного. Птицы всех видов находят здесь богатейшие кормовые уголья. Морские птицы бесчисленными стаями питаются лососем, а насекомоядным, чтобы наестся, достаточно летать с открытым ртом. В это время года земля сплошь покрыта ягодами, которые всю зиму сохранялись под снегом. Среди них клюква, голубика и брусника. Когда птицы прилетают весной, они, как правило, истощены, но при таком обильном питании поправляются дней за десять. На охоте достаточно одного часа, чтобы израсходовать все ружейные патроны, которые взял с собой, и набить при этом больше дичи, чем можешь отнести домой. Охотнику нужно просто сидеть на месте обычного пролёта гусей или за каким-нибудь укрытием и стрелять по птицам направо и налево. Немногочисленные торговцы, живущие здесь на факториях, заготавливают в сезон громадное количество птиц и хранят их в ледовых погребах, которые можно устроить практически в любом месте на глубине нескольких футов. Туземцы, как правило, слишком бедны, чтобы иметь дробовики, и поэтому не имеют большой выгоды от обилия пернатой дичи.

Глава V

ГИЖИГА

Икона и швейная машинка в доме исправника — «Вступление в брак» у туземцев — Пианино миссис Брагиной — Американские вьючные седла и русское упрямство — Феодосий Крестовский и его шестьдесят потомков.

Когда мы достигли берега, а точнее, приблизились к нему настолько, насколько позволяла глубина воды, толпа туземцев и метисов вышла вброд нам навстречу и подставила свои спины, чтобы перенести нас на сушу. Там нас встречали два русских офицера и двенадцать казаков, а также сотня или более жителей деревни. Здешний полицейский исправник и его помощник с отрядом из двадцати казаков управляют терри-

торией размером с Техас и Нью-Мексико вместе взятые. Исправник повёл нас в свой дом, одноэтажное бревенчатое строение с пятью большими комнатами. На полу не было ковров, но он был безупречно чистым. На стене висели портреты царя и царицы, а в углу, конечно же, была икона. Одной из примечательных особенностей была швейная машинка Singer. Исправник живёт здесь с женой, которая присматривает за их небогатой семьёй из тринадцати детей.

Гижига

Было четыре часа утра, но вся семья уже проснулась. Принесли самовар, и за горячим чаем с булочками мы быстро познакомились. Исправник — важный человек в Гижиге; я обнаружил, что он высокообразованный джентльмен, свободно говорящий по-французски и по-немецки, но не по-английски. Он просмотрел мои бумаги, и с помощью судового приказчика, который переводил для меня, я рассказал ему о цели своего

приезда. Он оказал мне радушный приём и сказал, что получил распоряжение от генерал-губернатора Владивостока оказывать мне всяческую помощь. Он заверил меня, что с радостью сделает всё, что в его силах.

Моей первой целью было добраться до города Гижиги, который лежал в двадцати пяти милях вверх по реке. Там я намеревался устроить свою «штаб-квартиру», откуда буду исследовать материковую часть и побережье Охотского моря. Исправник немедленно отдал приказ готовить лодку, чтобы отвезти меня вверх по реке, а пятерым казакам было приказано тащить меня на буксире.

После плотного завтрака из лосося, оленины и других вкусностей мы сели в лодку и отправились вверх по течению. Лодка наша была, по-моему, самым неказистым судном из когда-либо построенных. Она была сделана путём выдалбливания из ствола длиной 18 футов, после чего по бокам были прикреплены борта из досок. Поскольку она имела осадку целых двенадцать дюймов и тяжело управлялась, вряд ли можно было рекомендовать её для речных путешествий. Впоследствии я построил там три лодки, которые могли перевозить вдвое больше груза и имели осадку всего четыре дюйма.

Мы проплыли несколько миль вверх в северо-западном направлении, пока не достигли границы приливной волны, после чего река сильно обмелела. Берега были покрыты густым кустарником, который в некоторых местах достигал высоты двадцати футов, но настоящего леса поблизости не было. Только в бинокль удалось разглядеть в отдалении лес с толстыми стволами. В целом окружающая местность была очень неровной. На берегах реки виднелись выходы сланца, простирающиеся на восток и запад, с уклоном к югу в сорок пять градусов. На юго-западе, примерно в десяти милях от нас, я увидел длинную гряду холмов высотой, возможно, в тысячу футов. Самая высокая точка в этом хребте называется гора Бабушка.

На отмели вода стала такой быстрой, что мы больше не могли грести, после чего четверо казаков выпрыгнули из лодки в ледяную воду. Накинув на плечи что-то вроде упряжи из моржовой кожи, к которой была прикреплена верёвка длиной в сто футов, они начали буксировку. Пятый казак держал рулевое весло. Берег густо зарос кустарником до самой воды, поэтому беднягам пришлось идти вброд. Лодка часто садилась на мель, и тогда они терпеливо возвращались и перетаскивали нас через препятствие. В полдень мы причалили к берегу, развели большой

костёр и пообедали, после чего мои казаки выпили чудовищное количество чая. Снова спустившись на воду, мы медленно, но уверенно продвигались вперёд до семи часов, когда внезапно за крутым поворотом увидели на склоне холма на левом берегу, зелёный шпиль церкви и около пятидесяти домов вокруг неё. Я заметил, что ни в одном доме не было окон на северную сторону. Сильные ветра с севера выдувают весь снег с этой стороны домов и наваливают его на окна с южной стороны, так что они часто оказываются погребёнными на глубину двенадцати-пятнадцати футов. Некоторые жители слишком ленивы, чтобы откапывать эти окна, и поэтому вынуждены оставаться в относительной темноте; но поскольку в середине зимы продолжительность светового дня составляет всего пару часов, это не имеет большого значения.

Когда мы приблизились к деревне, все обитающие в ней, за исключением тех, кто встретил нас в устье реки, вышли на берег поприветствовать нас — все, включая детей и собак. Отовсюду слышалось их сердечное и гостеприимное «драсти!».

Мы разбили нашу палатку на травянистом склоне у воды и занялись приготовлением ужина. Я был занят своими вещами, когда вдруг кто-то по-дружески хлопнул меня по плечу и произнёс с интонацией истинного янки: «Эй, приятель, а ты что делаешь в этой глуши?» Я обернулся и увидел перед собой полного улыбающегося американца. Это оказался мистер Пауэрс, менеджер Русской торговой компании, у которой в этом месте была фактория. Он прибыл несколькими днями ранее на пароходе компании «Котик» и привёз с собой американца русского происхождения в качестве продавца. Последний в тот момент находился в процессе женитьбы на дочери некой миссис Брагиной¹, агента Русской меховой компании. Я говорю, что он был в *процессе* женитьбы, потому что, хотя церемония началась ещё накануне, должно было пройти ещё несколько дней, прежде чем она завершится. Они буквально затащили меня в дом, хотя я извинялся за свой непрезентабельный костюм цвета хаки. Я опоздал на церковную службу, но как раз успел к более существенной части празднества.

¹ Татьяна Васильевна Брагина — на тот момент вдова Николая Прокопьевича Брагина (ум. 14.09.1897), купца II гильдии, представителя влиятельной в Гижиге семьи. Татьяна Васильевна после смерти мужа продолжила его дело. Замуж выходила их дочь Параскева Николаевна (1876 г.р.). Жениха звали Александр Филиппович Пауэрс (1871 г.р.), очевидно, родственника г-на Пауэрса. — прим. перев. (источник: И.Ю.Панкратова, А.В.Береговых «Население города Гижигинска в XIX — начале XX веков (на примере реконструкции генеалогии семьи Брагиных)», СВГУ, Магадан.)

После службы в церкви жители деревни собираются в доме невесты и проводят остаток дня в шумном весёлом пиршестве. На второй день оно завершается, но на третий и четвёртый дни жених и невеста обходят деревню и повсюду пируют. Мы приехали на второй день, и ещё до конца дня жених так объелся, что потом признавался мне, что если бы он знал, сколько ему придётся съесть, он бы, может, и вовсе не стал бы жениться!

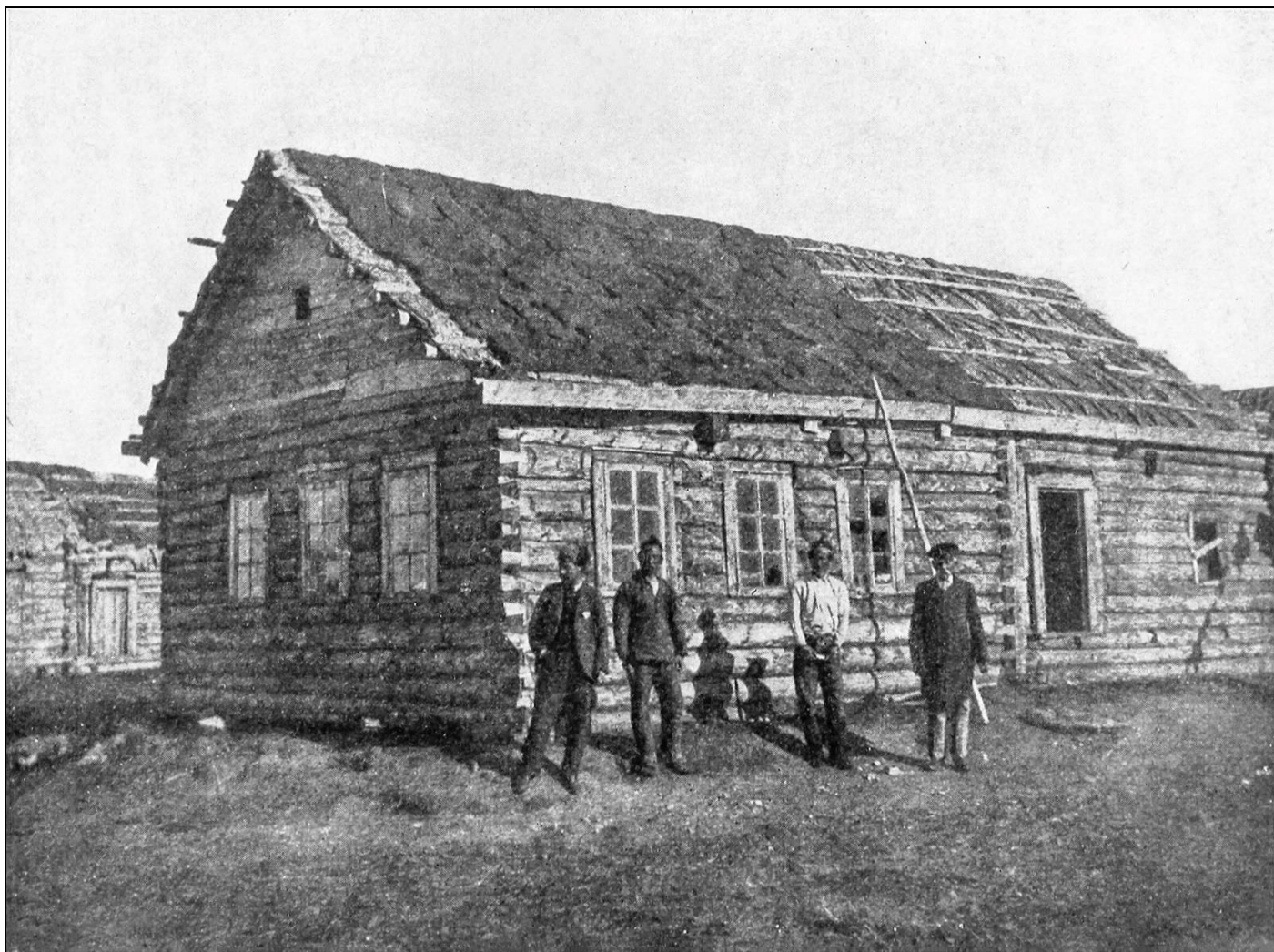
Церковь в Гижиге

В гостиной госпожи Брагиной стояло старинное пианино, давно пережившее свой расцвет, но довольно хорошо настроенное для такого дальнего уголка земли. В тот вечер, в самый разгар веселья, оказалось, что некому играть на инструменте, и я сел и заиграл марш «Вашингтон пост»; но не успел я сыграть и нескольких тактов, как с удивлением обнаружил, что веселье внезапно прекратилось и все застыли в совершенной тишине, словно приросли к месту. Когда я закончил, стало понятно, что этого недостаточно, и я буду играть до тех пор, пока не исчерпаю

свой скудный репертуар, а затем повторяю его снова и снова. Наверное, многие из этих грубых, но добрых и искренних людей никогда в жизни не слышали ничего подобного, а русский человек музыкален до глубины души, и я был рад внести свою лепту во всеобщее развлечение.

После четырёх дней празднества мы вернулись к обыденности. Мистер Пауэрс помог мне найти свободный дом, куда я перенёс все свои вещи и назначил старика Андрея управляющим, договорившись о том, чтобы он поселился у госпожи Брагиной. Местные женщины охотно согласились сшить для меня одежду из оленьих шкур, которая могла понадобиться в путешествии по стране. Во всей округе оказалось всего двенадцать лошадей. Это были якутские пони, лохматые малые, ростом до полутора метров. Это очень выносливые животные, которые могут самостоятельно прокормить себя и зимой, и летом. Зимой они разрывают снег копытами, добираясь до прошлогодней травы.

Кое-как, исчерпав все силы своего убеждения и заплатив круглую сумму, я приобрёл шесть таких лошадок. Затем я нанял опытного русского проводника и приготовился совершить своё первое путешествие по тундре, чтобы осмотреть местность, где, как сообщили русские, несколько лет назад нашли золото. Вместе с лошадьми были куплены небольшие вьючные седла или, скорее, комбинация вьючных и верховых седел. В дороге они ежечасно норовят съехать вместе с грузом со спины лошади набок. Я обнаружил это ещё в Петропавловске и решил использовать свои американские вьючные седла, но столкнулся с противодействием как русских, так и местных жителей. Они смотрели на мои сёдла с усмешкой и презрением. Двойные подпруги, а также грудной ремень и шлея были совершенно им непонятны, и они отказались иметь с ними дело. Как только мои корейцы надевали наши сёдла, как русские их тут же снимали, стоило нам отвернуться. Вскоре я понял, что никакие доводы русских не убеждают, они были полны решимости использовать только свои седла. Я отстегнул русское седло и бросил его на землю, заменив одним из своих. Как только я повернулся ко второй лошади, чтобы сделать то же самое, то заметил, что русский спокойно снимает моё седло с первой. Подойдя к нему, я отвесил ему хорошую оплеуху. Мгновенно всё стало на свои места. Они увидели, что со мной нельзя шутить. Всякие возражения немедленно прекратились, и с тех пор мне ни разу не пришлось поднимать на кого-то руку.

Дом в Гижиге, занимаемый мистером Вандерлипом и его людьми

Моим проводником был шестидесятипятилетний старик, опытный каюр и известный охотник. Его звали Феодосий Крестовский, он был полукровкой. Выглядел он высохшим стариком, но оказался активным, как двадцатилетний юноша. По утрам он всегда вставал первым, а ложился спать последним. У него были лучшие собаки в Северо-Восточной Сибири, и они работали в его упряжке лучше, чем у кого-либо другого. Его знали все от Охотского моря до Северного Ледовитого океана, а среди владельцев собак он считался едва ли не самым богатым представителем своей профессии. У него было сто собак, каждая из которых стоила от трёх до ста рублей. Возможно, десять из них стоили максимальную цену, а остальные в среднем стоили около десяти рублей. У него также было пять лошадей. Немалую часть его состояния составляли двенадцать рослых сыновей и дочерей, все они вместе со своими жёнами, мужьями и детьми жили под отцовской крышей — или, скорее,

под несколькими отцовскими крышами. Всего их было около шестидесяти душ, и они сами по себе образовали маленькую деревушку примерно в двадцати милях от Гижиги вверх по реке.

Из-за болотистой тундры мне пришлось нагрузить лошадей очень легко. Каждый вьюк весил всего сто фунтов. В эту поездку я взял с собой только одного из моих корейцев.

Глава VI

ОТПРАВЛЯЕМСЯ В ТУНДРУ. СЕМЬЯ ТУЗЕМЦЕВ

Трудное путешествие — Местные женщины — Туземцы-полукровки — Семья Крестовских и их понятия об экономике — Варёные рыбы глаза, как местный деликатес — Разведочные работы на реке Гижига.

Мы отправились в путь шестого сентября в девять часов утра. К счастью для нас, комаров уже не было. Путь через тундру оказался очень трудным. Идти приходилось по высоким кочкам, между которыми была грязь и вода. Когда была возможность идти по руслу реки, где было сухо, можно было двигаться быстрее; поэтому мы держались как можно ближе к реке. Часто приходилось взбираться на спину моего верного Кима, чтобы перебраться через какой-нибудь ручей. Все были постоянно промокшие, невероятно грязные и измученные.

Ближе к ночи мы увидели приветственный дымок поселения семьи Крестовских. Стайка маленьких сорванцов выбежала встретить своего дедушку, и вскоре мы были в центре деревни. Мой проводник взял меня за руку и повёл в свой дом, где, после того как я перецеловал всех (исключая мужчин), одна из дочерей села на пол, расшнуровала мои ботинки, сняла мокрые носки и надела на их место мягкие сапоги из оленьей кожи мехом внутрь. Затем она очень внимательно осмотрела мои ботинки и, обнаружив небольшой разрыв шва, достала нитки из сухожилий и зашила его. Точно так же поступили со всеми моими людьми. Затем ботинки повесили сушиться. Утром их нужно будет смазать маслом. Такое внимание к обуви является неотъемлемой частью этикета этого народа. Любой необходимый стежок должен быть сделан до того, как ботинок высохнет и станет жёстким. Здесь тоже безраздельно царил самовар. Женщины были сильными, полногрудыми, на них были свободные ситцевые платья ярких расцветок. Волосы, которые не бывают у северных женщин пышными, заплетены в две тонкие косички, перекрещенные сзади и завязанные узлом на лбу. Лица их были очень

темными, почти как у североамериканских индейцев. У большинства очень красивые зубы.

В жилах этих людей течёт смесь корякской, тунгусской и русской крови. Сам Крестовский на четверть русский. Они говорят на диалекте, который такой же, как и их кровь: смесь корякского, тунгусского и русского языков. Они очень плодовиты, шесть-восемь детей считаются небольшой семьёй. Но уровень детской смертности очень высок, и, как и следовало ожидать, очень большая доля смертей приходится на лёгочные заболевания.

Дом Феодосия Крестовского в Крестовке

Дом, в котором я поселился, состоял из кухни, маленькой гостиной и крошечной спальни. Жене старого Феодосия было пятьдесят пять лет, и она всё ещё кормила грудью своего пятнадцатого ребёнка, люльку которого по ночам подвешивали к потолку, а отец и мать занимали узкую кровать. Трое младших детей спали на полу под этой кроватью. Комната была восьми футов в длину и шести в ширину. Камин в гостиной представлял собой огромную каменную печь, которая выступала через перегородку в спальню. Каждый вечер её вместительное чрево наполнялось

поленьями, и массивное каменное тело печи сохраняло тепло по меньшей мере на сутки. Внутри печи подвешивались чайники. Этот дом был намного больше и лучше многих, потому что, по правде говоря, во всем огромном округе было всего двенадцать таких же хороших домов.

На ужин первое блюдо заставило меня содрогнуться — это была огромная миска варёных рыбьих глаз! У аборигенов крайнего Севера это считается большим деликатесом. Когда передо мной поставили блюдо, и на меня уставились сотни глаз, у меня тут же пропал аппетит. Пришлось мне поворачивать их так, чтобы зрачок не был виден, и только в таком виде отправлять в рот. Мы со старым джентльменом ели одни, остальным домочадцам не разрешалось садиться за стол вместе с нами. Меня это в высшей степени удовлетворило, поскольку мы ели из одной миски; а по правде говоря, я мог бы обойтись и без хозяина. Второе блюдо состояло из рыбьих голов. Я обнаружил в них что-то вроде желатина или хрящей, очень вкусных. Затем подали что-то похожее на пирог, обжаренный на тюленьем жире, о котором лучше и не упоминать. На десерт было блюдо с ягодой, которая очень похожа на нашу малину, только жёлтая и довольно кислая.

Остальные члены семьи вместе с моими людьми сидели на корточках на полу кухни и ели за столиками высотой в фут и размером три на три. В центре каждого стола стояла большая миска с чем-то вроде рыбной похлёбки. Каждый держал в одной руке ложку, сделанную из рога горного барана, а в другой — кусок чёрного хлеба. После ужина все пили чай. Сахар в чай не кладут — каждому дают по кусочку, и он откусывает от него, прихлёбывая чай. Попросить второй кусочек сахара — верх невежливости. Многие из местных выпивают до шестидесяти чашек чая в день. Они редко пьют воду, если вообще её пьют.

Мы посидели и поговорили пару часов за самоваром, а потом приготовились ко сну. Меня положили в большой комнате. Сначала на пол были уложены три огромные медвежьи шкуры, а затем поверх них расстелили мои одеяла. Это была роскошная постель, совершенно свободная от паразитов, потому что постельный клоп никогда не приблизится к медвежьей шкуре. Те, кто спал на кухне, были упакованы, как сардины. Они тоже спали на оленьих и медвежьих шкурах, а укрывались всем, что попадалось под руку. Как ни странно, все эти люди предпочитают, чтобы постель была наклонная к ногам, и для этого используют большие подушки и валики. Перед отходом ко сну каждый человек заходил

в мою комнату, кланялся и крестился перед иконой в углу. Мне пришлось пожать им всем руки и поцеловать детей, причём я обычно делал это в лоб, поскольку носовые платки в этой стране — неведомая роскошь.

На следующее утро, вкушая что-то вроде французского завтрака из хлеба, чая и сахара, я заметил, что мои люди были единственные, кто пользовался расчёской для волос. Когда я вышел за дверь, чтобы почистить зубы, меня окружили человек двадцать, пришедших понаблюдать за этой странной процедурой. Давясь от смеха, они передавали друг другу зубную щётку, а мне приходилось быть начеку, чтобы кто-нибудь не попробовал ей воспользоваться.

В конце концов, я построил всех их в ряд, чтобы сфотографировать. Я положил фотокамеру на землю и стал показывать им, как надо стоять. Мне не нужно было просить их выглядеть приветливыми, потому что они и так все улыбались. Я не мог понять причину их веселья, пока не обернулся и не увидел, что деревенские собаки обращаются с моей камерой типично по-собачьи. Теперь уже мне нужно было говорить, чтобы я выглядел поприветливее...

И вот мы снова в пути. Первые пять миль мы проделали вверх по руслу реки, иногда по воде, а иногда по берегу, поросшему травой высотой по плечи лошади. Когда, наконец, мы выехали в тундру, в ста пятидесяти милях на север, я смог разглядеть вершины гор, среди которых берет своё начало река Гижига. Их высота около десяти тысяч футов. На северо-востоке, примерно в шестидесяти милях, я мог видеть предгорья гряды, с которой берёт начало река Авекова, впадающая в Охотское море в миле от устья Гижиги. Достигнув водораздела между двумя реками, я обнаружил, что перед нами до этих предгорий местность низменная и изобилует тундровыми озёрами. Чтобы избежать их, мы взяли левее и пошли на вершине водораздела. К полудню мы преодолели всего восемь миль, остановились, распрягли лошадей и пустили их пастись на сочной траве, а сами приготовили себе обед из рыбы, хлеба и других продуктов, которые мы взяли из дома. В восемь вечера того же дня мы разбили лагерь на «острове» — небольшом возвышении посреди ровной тундры, на котором росло несколько лиственниц. Поскольку ночи были теперь холодными, мы развели большой костёр. Моя кухлянка, замечательная меховая шуба с капюшоном, теперь доказала свою полезность. После ужина, состоявшего из нескольких жирных ку-

ропатов, добытых в тот день моим дробовиком, каждый взял свою оленью шкуру и расстелил её на упругих лиственничных ветках. Обутые в сухие меховые сапоги, закутавшись в кухлянки и подложив под головы большие подушки, мы спали так крепко и уютно, как только можно было пожелать.

Отъезд из Гижиги.

Феодосий Крестовский и его семья — четырнадцать детей

Утром мы проснулись, все покрытые инеем. Начинать движение было очень трудно, так как накануне мы целый день шли по болоту, и у нас болели суставы. Первые полчаса ходьба была настолько болезненной, что я поймал себя на том, что считаю шаги между остановками на отдых. Но через некоторое время скованность прошла, и уже стало казаться, что лошади идут слишком медленно. Когда, наконец, мы поднялись на возвышенность и идти стало легче, я обследовал несколько ручьёв на предмет золота. В промывочном лотке было видно несколько

знаков, поскольку мы находились в районе гранитов, но пока не было никаких признаков какой-либо золотиносной породы.

На тринадцатый день мы прибыли к месту назначения, это был некий ручей, указанный русским инженером по фамилии Богданович¹. Место показалось мне очень перспективным. Ручьи были заполнены кварцевыми обломками. Поэтому я решил остаться здесь на две-три недели и поискать золото в окружающих холмах и ручьях. К этому моменту контракт моего проводника истёк, и я неохотно отпустил его, а с ним пять лошадей из шести. И остался с Кимом и Алексом.

Мы разбили лагерь в самом лучшем месте и с энтузиазмом принялись за работу. Я тщательно обследовал холмы и овраги, неоднократно проверял русла ручьёв, но, хотя я нашёл более или менее заметные признаки золота, в конце концов вынужден был признать, что ничего стоящего там не было.

Таким образом, надо было возвращаться в Гижигу. Я думал, что с этим не возникнет никаких трудностей, так как все реки текли в одном направлении. Я не хотел возвращаться тем же путём, которым мы пришли. Я подозревал, что есть более короткий путь и что проводник наш намеренно провёл нас по более длинному, чтобы получить больше денег. Поэтому я решил отправиться в Гижигу «прямоком». Уже выпал небольшой снег, что несколько беспокоило меня. Провизии у нас было всего на тридцать дней, и было бы нежелательно, чтобы нас застигла снежная буря. Поскольку у нас была только одна лошадь, мы не могли взять с собой всё наше походное снаряжение, поэтому я оставил Алекса в лагере и отправился в Гижигу с Кимом, намереваясь отправить обратно за вещами собачьи упряжки. Алекс без колебаний согласился остаться и в хорошем настроении отправил нас восвояси.

¹ Экспедиция под руководством Карла Ивановича Богдановича (1864-1947) побывал в этих местах в 1895 году. См. К.И.Богданович «Очерки Чукотского полуострова» – прим. перев.

Глава VII

ГОСТЕПРИИМСТВО ТУНГУСОВ И КОРЯКОВ

Гостеприимный коряк — «Медведь!» — Я подстрелил своего первого песца — Мой проводник-тунгус — Двадцать два человека в одной палатке — Семейные молитвы тунгусов — Появление Гавки — Снова у Крестовского.

Я выбрал, как мне казалось, прямой курс к месту нашего назначения. Идти было намного легче, чем несколько недель назад, так как ночной холод делал снежный наст твёрдым до десяти утра. Затем солнце растапливало лёд, и идти становилось невозможно, так как острые осколки льда повредили бы обувь, а это означало промочить ноги на весь день.

На второй день нам встретился небольшой ручей, на берегу которого было множество оленьих следов. Там же мы нашли крошечную тропинку, и, следуя по ней вниз по долине, за поворотом ручья увидели шесть больших палаток из оленьих шкур, а на склонах окружающих холмов паслись сотни оленей. Когда мы приблизились к деревне, оттуда выбежала дюжина собак; некоторые из них были стреножены, чтобы помешать им гоняться за оленями. Они яростно напали на нас, как это принято у беспородных дворняг. Нам пришлось отбиваться от них камнями. Шум разбудил туземцев, которые поспешили выйти и встретили нас гостеприимным «драсти!».

Эти люди были чистокровными коряками, они немного ниже среднего роста и этим напоминают японцев. Меня провели в самую большую из палаток и поставили передо мной деревянную миску с варёным мясом оленя. К радости хозяина, я достал из своего рюкзака чай. Последовавшие за ними сахар и сухари окончательно укрепили их ко мне расположение. Я был очень удивлён, когда мой хозяин достал сундучок, из которой извлёк полдюжины фарфоровых чашек, богато украшенных позолотой и с такими надписями на английском, как «Боже, благослови наш дом!», «Отцу» и «Счастливого Рождества!». Должно быть, он привёз их с американского китобойного судна во время одной из своих ежегодных поездок на побережье. Итак, посреди дикой природы я пил чай из изящной чашки «Помни меня!», видимо специально предназначенной для того, чтобы пьющий о ней не забывал. Эти чашки были семейной реликвией и доставались только по особо торжественным случаям.

Деревня Крестовка

Когда с чаем было покончено, я достал табак и набил им свою трубку и трубку моего хозяина, к большому его удовольствию. Продолжение было неловким, потому что, когда трубки были выкурены, он настоял на том, чтобы снова набить их, теперь уже его табаком. Это было нелёгкое испытание, но я стиснул зубы и мужественно прошёл через его до конца. Не могу сказать об этом ничего хуже, чем то, что это было как дешёвая американская сигарета.

Мой хозяин — добродушный старик — позже стал моим закадычным другом. Он был самым богатым человеком в своём округе и владел более чем десятью тысячами оленей. Конечно, мне было очень трудно разговаривать с ним, но, используя разнообразнейшие жесты, я дал ему понять, откуда я пришёл, и что я хочу, и чтобы он убил несколько оленей и отвёз их в лагерь, где остался Алекс, и, если это возможно, привёз его в это селение. Я набросал на листке бумаги приблизительное расположение лагеря, он всё прекрасно понял и на следующий день в точности выполнил мою просьбу. Я расспросил его, как добраться до Гижиги, и

указал направление, в котором, по моему предположению, она находилась. Оно оказалось более или менее верно, но он всё-таки решил дать мне на всякий случай проводника.

В тот вечер меня ждал ещё один сюрприз. На ужин подали варёное мясо нерождённого оленя. У коряков это блюдо считается особо изысканным. Поначалу я подумал, что это будет ещё хуже, чем курить местный табак, но, отбросив брезгливость, попробовал и обнаружил, что, в конце концов, это вкусно. Моей постелью в эту ночь была груда шкур толщиной не менее фута в углу палатки.

На следующее утро мы отправились в путь с нашим новым проводником, обычным мальчиком, одетым в облегающий костюм из коричневой оленьей кожи. Он был вооружён неказистого вида рогатиной с обоюдоострым лезвием в фут длиной. Оно было инкрустировано медными завитками и представляло собой прекрасный образец настоящего коряковского искусства. Древко было добрых восемь футов длиной. Весь день мы шли без особых приключений примерно до семи часов вечера, и тут, спускаясь по пологому склону сквозь кусты с проводником впереди, я обратил внимание на холмик свежей земли в нескольких шагах от тропинки. Но как только я, заинтересовавшись, ступил в сторону, из кустов раздался ужасающий рёв. Я сдёрнул с плеча ружье и взвёл оба курка, но ничего не смог разглядеть, кроме того, что кто-то ломился через кусты. Обернувшись, я увидел нашего маленького проводника с горящими глазами и рогатиной наперевес. Он закричал: «Медведь!». Поскольку моё ружье было заряжено мелкой дробью, я решил, что благоразумие — лучшая часть доблести, и медленно попятился назад. Но всё же остатки охотничьего инстинкта, которые ещё остались во мне после тяжёлого перехода, напомнили о себе. Быстро перезарядив ружье патронами с картечью, я обогнул кусты, чтобы выстрелить в зверя. Я видел, где кусты были повалены его поспешным отступлением, но самого медведя не мог разглядеть. Надеюсь побудить его выйти и показать себя, я послал в его сторону заряд картечи, но аргумент сработал как раз наоборот, и косолапый припустил ещё быстрее. Самым странным во всем этом было то, что мы прошли в десяти футах от зверя, а лошадь наша не проявила даже малейшего беспокойства. Обычно ничто так не пугает лошадь, как запах медведя. Но позже я узнал, что эта конкретная лошадь ничего не боялась. Я назвал её «Билл», и мы провели вместе ещё много дней в трудах и заботах.

Наступила ночь, и мы разбили лагерь на сухой траве у ручья. Проводник спал на постели из одной оленьей шкуры, ничем не укрытый, кроме своей одежды. Утром я поднялся на небольшой холм и в бинокль смог разглядеть гору недалеко от Гижиги, поэтому проводник был нам больше не нужен, и я отпустил его домой. В тот день я убил своего первого песца. Малыш, размером примерно с койота, сам подбежал к нам. Мы остановились, и любопытное животное приблизилось на расстояние ста футов и остановилось, разглядывая нас. Я убил его, прострелив ему пулей грудь.

Мистер Вандерлип на «Билле»

Той же ночью мы с Кимом сидели у костра из потрескивающих берёзовых сучьев, и какой-то небольшой зверёк выпрыгнул к нам из темноты. Это также был молодой песец, самое красивое зрелище, которое я когда-либо видел. Он прыгал из стороны в сторону, приседал и прини-

мал разные позы, как играющий котёнок. Он поднимал нос и принюхивался, поводя головой, поднимая при этом лапу. Мысль об убийстве этого маленького существа не пришла бы мне в голову, если бы Ким, как ни в чём не бывало, не прошептал: «Стреляйте!». Инстинктивно моя рука потянулась к ружью, но лисёнок заметил это движение и исчез в мгновение ока. Я облегчённо вздохнул...

В этих местах можно встретить почти все разновидности лис — рыжих, огненных, голубых, каштановых, черных и белых. Но следует помнить, что, за исключением белого и рыжего, это не совсем разные виды. Например, чёрную лисицу можно найти в помете обыкновенной рыжей в любой стране. Он просто каприз природы, точно так же, как чёрный котёнок среди выводка серых. Лисиц здесь ловят с помощью яда или ловушек. Существует два вида ловушек, одна из которых — капкан — хватает животное за ногу или шею, а другая — это лук со стрелой, установленные таким образом, что, когда лиса идёт по тропинке, малейшее прикосновение к насторожке выпустит стрелу. Раньше этих животных было так много, что, когда кормили собак, приходили лисы и пытались украсть их еду, и их приходилось отгонять палками. В то время туземцы ценили их шкуры не больше, чем собачьи, но по мере того, как возростал спрос со стороны иностранцев, лисиц стало выгодно добывать.

Прошло ещё четыре дня нелёгкого путешествия по тундре; ночью она замерзала, а днём оттаивала и становилась топкой. Каждый день, по много раз мы оказывались по пояс в воде и грязи, пытаюсь вытащить Билла из трясины. На четвёртый день, в сумерках, мы вышли на тропу между Гижигой и поселением старого Крестовского. Как далеко нам ещё оставалось до деревни, я не знал, и, так как мы очень устали, то остановились на ночь и разбили лагерь. Каково же было наше огорчение, когда утром мы обнаружили, что находимся всего в четверти мили от Гижиги. Билл, несомненно, знал об этом, и если бы мог говорить, то наверняка избавил бы нас от ночёвки под открытым небом.

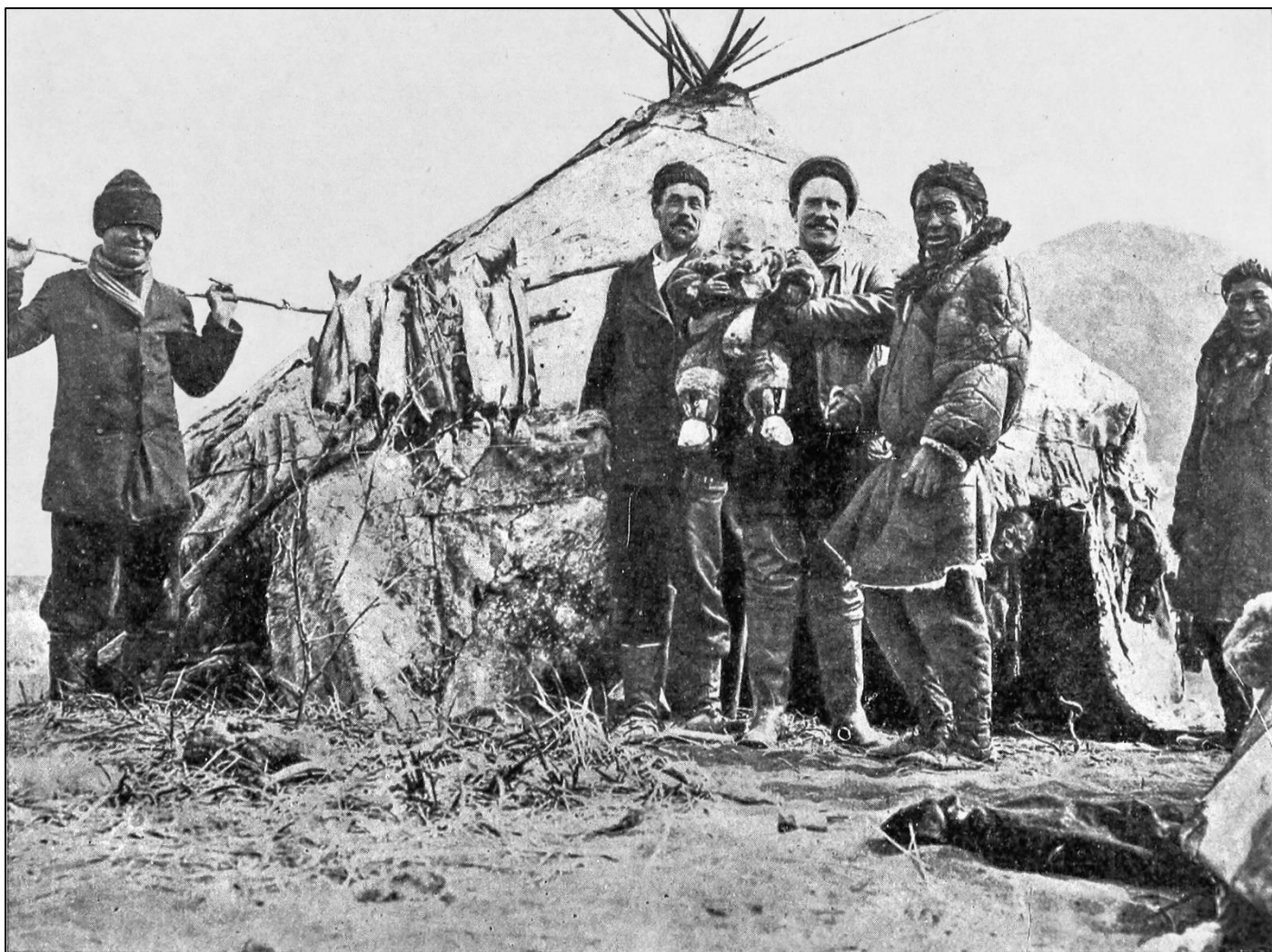
Дни становились всё холоднее, частые снегопады возвестили о наступлении зимы. Поскольку теперь можно было пользоваться собачьими упряжками, я нанял нескольких туземцев, чтобы они отправились в корякскую деревню и привезли моё походное снаряжение, которое, как я рассчитывал, должно было давным-давно туда прибыть. В это время собаки могли передвигаться ещё только ночью, когда почва замерзала, но даже при этом они без труда преодолевали от тридцати до сорока миль в сутки.

Тем временем я нагрузил Билла всем, что он мог унести, и вместе с Кимом отправился на поиски в верховья притока Гижиги, реки Туромча, где, как сообщалось, было обнаружено золото. Эта тропа вела на запад от села Гижиги, но сначала нужно было пройти некоторое расстояние вверх по восточному берегу Гижиги, прежде чем пересечь реку и попасть в долину Туромчи. Поэтому мне пришлось снова пройти через Крестовку. Мы прибыли туда в этот же вечер и встретили радушный приём. Я пытался уговорить старика поехать со мной и помочь с лошадьми и собаками, но он не смог сделать ни того, ни другого. Его собаки были наняты торговой компанией на побережье, а лошади были в слишком плохом состоянии, чтобы предпринять путешествие, которое я планировал. Так что я был вынужден идти пешком, а Билл нёс наше походное снаряжение.

Когда я уже собирался выступить, в Крестовку приехал некий тунгус. Он был первым, кого я видел из этого племени. Крестовский сказал мне, что этот молодой человек как раз из тех мест, куда я собирался идти, и что его юрта, находится на берегу Туромчи, вдоль которой я намеревался провести разведку. Он охотно согласился быть моим проводником за плату в размере одного брикета чая в день. Откликнулся он на благозвучное имя Афоня. Он был пяти футов ростом и весил всего сто десять фунтов, но необычайно сильный и жилистый. Одет он был в старую дублёную оленью кожу и цветастый передник, отделанный бисером с геометрическими узорами и бахромой. Согласно обычаю своего племени, он носил на бедре устрашающего вида нож, острие которого доходило до колена, а рукоятка лежала на бедре. Эти ножи изготавливают коряки и продают их тунгусам. На ногах у него были мокасины с подошвами из тюленьей кожи.

Он немного говорил на ломаном русском, а поскольку я усвоил несколько русских выражений, мы отлично поладили. Итак, мы отправились в путь, Афоня шёл впереди с одной медвежьей рогатиной, без ружья. Два дня шли по тундре без особых происшествий и на третий затемно добрались до покрытой шкурами юрты на берегу притока Гижиги. При нашем приближении навстречу выбежала дюжина собак с явным намерением разорвать нас на куски, но быстро передумали, обнаружив, что мы можем за себя постоять. За собаками последовали обитатели этого места, числом десять-двенадцать, включая отца, мать, братьев и сестёр Афони.

Их приветствие состояло из рукопожатий и прикосновений губами к щекам и губам друг друга. Я притворился, что не знаю об этом обычае. По правде говоря, они были так ужасно грязны, что невозможно было определить цвет их кожи, и, кроме того, я не мог отличить мужчин от женщин. Позже я узнал, что они немного отличается одеждой: у женщин есть небольшая бахрома по низу юбки, которая сзади разделена, как наши сюртуки.

В гостях у тунгусов

Откинув полог юрты, мы пробрались внутрь и оказались окутанными облаком густого дыма от открытого костра прямо посередине. Дым выходил через отверстие наверху, как в вигваме североамериканских индейцев. Присев, я обнаружил, что вблизи земли воздух был сравнительно чистым. Надо сказать, что из-за этого дыма у местных жителей сильно болят глаза.

У тунгусов чаем всегда должен угощать гость, поэтому я послал Кима принести плитку чая, он был заварен и подан с хлебом и сахаром. На

ужин была великолепная форель, запечённая над костром, она показала мне самым вкусным блюдом, которое я когда-либо пробовал. Затем все раскурили трубки и расслабились. Я заметил, какие трубки были у женщин: маленькие медные чашечки с мундштуками около восьми дюймов из тростника; их покупают у русских торговцев. У некоторых трубок мундштуки сделаны из двух кусков дерева с канавкой по центру, скреплённые вместе оленьим ремешком. Курят они не чистый маньчжурский табак, а подмешивают к нему высушенное лыко ели.

Когда пришло время ложиться спать, в костёр в центре юрты подбросили поленьев, расстелили оленьи шкуры, и каждый лёг в той одежде, которую носил весь день. Юрта была двенадцати футов в диаметре, и на этом пространстве спали двадцать два человека; трое из которых были младенцами, люльки которых были подвешены чуть ниже уровня дыма. В общем, мы лежали, как спички в коробке, и некоторые серьёзные опасения, которые у меня были по этому поводу, позже подтвердились.

Но перед тем, как уснуть, я стал свидетелем сцены, которая посрамила бы не один дом в Америке. Эти тунгусы, как и многие из них, являются приверженцами православной церкви. В юрте была икона, и до, и после еды они крестились перед ней. Теперь, когда мы собирались отойти ко сну, все члены семьи пожали друг другу руки и поцеловались. Они подошли и ко мне, пожали мне руку и пожелали спокойной ночи. Затем старик лёг лицом вверх, закрыл глаза и произнёс: «О, Боже, не забывай наш дом этой ночью!». Учитывая обстановку, это было самое впечатляющее зрелище, которое я когда-либо видел!

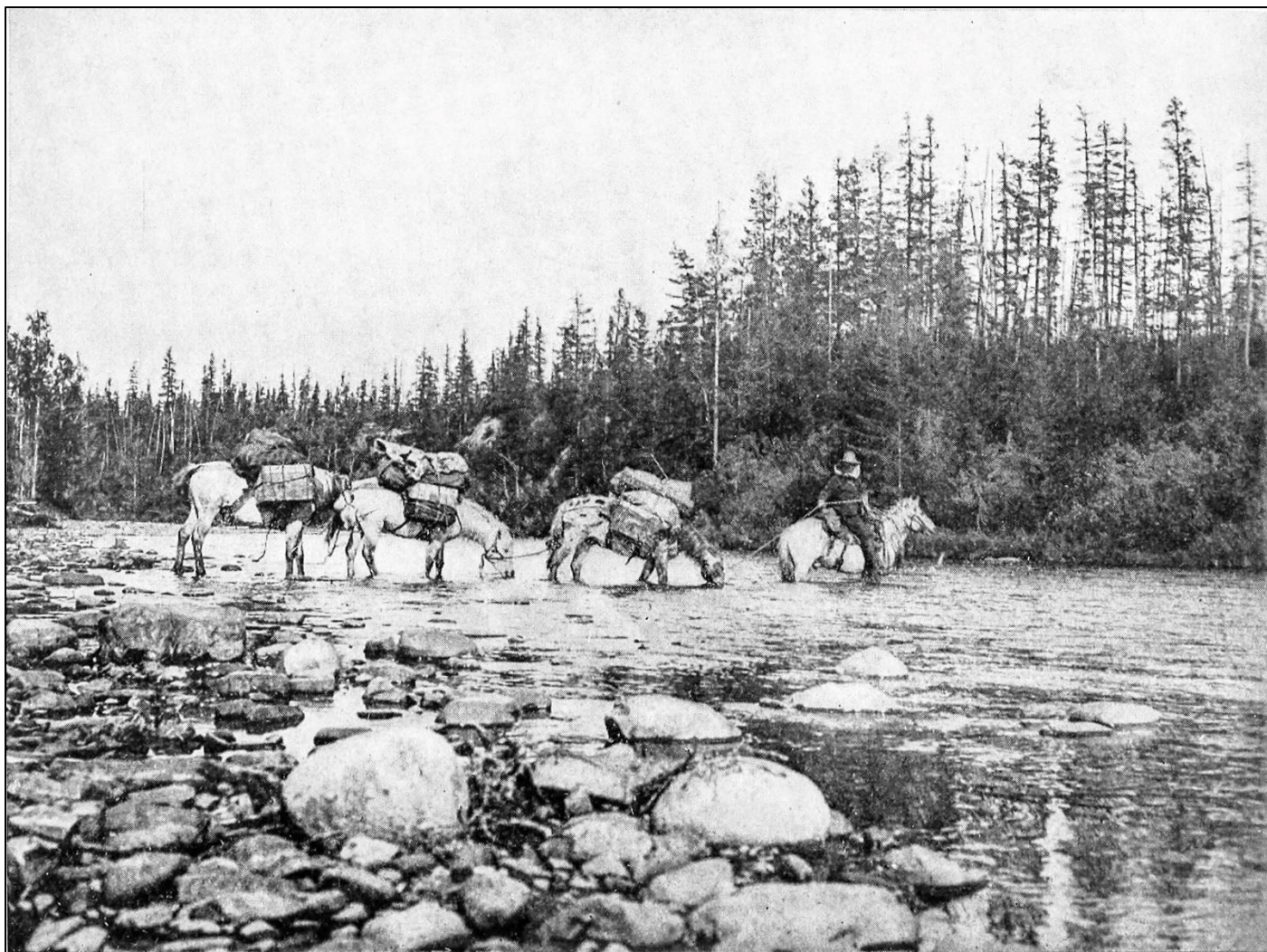
Уезжая на следующий день, мы осчастливили стариков, подарив им несколько плиток чая. Зима вступала в свои права в полную силу, и за ночь выпал снег глубиной в шесть дюймов. Когда мы уходили, за нами от юрты увязался красивый чёрный пёс размером с лису. Позже я хорошо познакомился с ним. К ночи мы разбили лагерь на берегу Туромчи, где я должен был начать свою работу. Ширина реки здесь была всего шестьдесят футов, но течение было быстрым, бурлящим и наполнено битым льдом.

На следующее утро нам надо было перейти реку вброд; поэтому, обвязав шею Билла арканом, я оставил его конец Киму, а сам вскочил в седло и направил лошадь в воду. В самом глубоком месте вода доходила ей до плеч, она с трудом удержалась на ногах, но мы благополучно переправились. Ким перетянул лошадь верёвкой обратно, и на другую сторону

перешёл проводник. Бедному животному пришлось проделать четыре таких переправы, прежде чем мы и все наши вещи оказались на другом берегу. Когда начал переправляться Ким, пёс наш жалобно завыл, но в конце концов прыгнул в воду и поплыл. Когда на середине реки ему попался большой кусок льда, он взобрался на него, и его понесло вниз по течению, и он скрылся из виду. Однако каким-то образом он всё равно переправился и догнал нас часа два спустя.

Мы пошли вверх по руслу ручья, часто останавливаясь и осматривая берег в поисках признаков золота. Мы тут и там брали образцы грунта, промывали их в ледяной воде и всегда получая несколько «знаков» золота, но ничего особенно интересного. Каждую ночь мы разбивали лагерь в каком-нибудь укромном уголке, часто в густом лесу, и нашим первым делом всегда было сменить мокрую обувь. Однажды ночью я расстелил свою постель из оленьих шкур, надел толстую шубу и шапку, лёг, как обычно, укрывшись брезентом, и вскоре заснул. Около четырёх часов утра я почувствовал что-то тёплое перед моим лицом. Я протянул руку и обнаружил, что это был чёрный пёс, который следовал за нами. Мы звали его Гавка. Когда я пошевелился, он сделал движение уйти, но я погладил его и уговорил остаться, что он с готовностью сделал. Позже я купил его, и в течение года он был моим постоянным спутником. Однажды, когда мы долгое время голодали, он спас мне жизнь, разыскивая гнезда чаек, из которых я брал яйца.

После того, как я добрался до истоков ручья и не нашёл в достаточном количестве золота, я решил пересечь водораздел и перейти на другой участок, но мой проводник Афоня упросил меня пройти ещё один день дальше вверх по ручью до места, которое он описал как «белые стены с маленькими блестящими точками, похожими на звёзды». Я тогда подумал: «Наверное, кварц с включениями пирита (бисульфид железа)». Мы пошли дальше и дошли до этой блестящей стены. Это оказалась крупная жила с небольшим содержанием золота, пересекающая ручей под прямым углом. Промыв пробы ниже её по течению, я не нашёл ничего особенно ценного; так что, сложив из крупных обломков монумент на берегу ручья, чтобы отметить это место, если я захочу посетить его ещё раз, мы двинулись дальше. Местность казалась мне интересной с точки зрения геологии. Так мы шли вверх по ручью, постоянно осматривая местность, но нигде в породах не находили золота в значимых количествах.

Переправа через Туромчу

К этому времени мы достигли вершины водораздела и, таким образом, перешли в бассейн реки Таловка¹, где провели несколько дней. Было очень холодно. Термометр показывал десять градусов ниже нуля. Все ручьи сковало льдом, за исключением тех мест, где было очень быстрое течение. Снег был глубиной около фута, и Биллу недоставало еды. Его единственной пищей была трава, которая пробивалась сквозь снег или та, что можно было найти на оголённых ветром местах. Он был так слаб, что мог нести только шестьдесят фунтов, да и то с трудом. Наша еда тоже закончилась, кроме риса и чая. Табак кончился ещё раньше, и вместо него мы использовали кирпичный чай, смешанный с сосновой корой. Это давало хоть какой-то дым. Мои ботинки изнашивались так, что я использовал одну пару, чтобы починить подошвы другой. Проводник сделал иглу из рыбьей кости и ниткой из растительных волокон пришил мне подошвы. Очевидно, нам пора было возвращаться

¹ Автор что-то путает. Реки Таловка (Toloffka в оригинале) вблизи этого места нет. — прим. перв.

домой. Мы направились напрямик к юрте, где жила семья Афони, и, конечно, добрались до неё гораздо быстрее, чем нам потребовалось, чтобы добраться сюда. Всё наше путешествие заняло месяц. По дороге домой Билл был очень близок к тому, чтобы сдаться, но героическим усилием преодолел слабость и в конце пути был вознаграждён тем, что получил столько еды, сколько смог съесть.

Поскольку Биллу надо было нести груз, а мои ноги были не в лучшем состоянии, Афоня предложил мне поехать в Гижигу верхом на олене. Привели прекрасного крупного быка весом около пятисот фунтов, и я тщательно осмотрел его. У меня, правда, были некоторые опасения, но в конце концов я решил согласиться. Седло было сделано из костей оленя, надёжно связанных друг с другом ремешками, набито мхом и обтянуто сыромятной кожей. Рога у этого оленя были размахом в пять футов, и на них было так много отростков, что я даже не пытался их сосчитать. К своему большому удивлению, я обнаружил, что ход моего скакуна было плавным и скользящим, даже более комфортным, чем у какого-нибудь иноходца. Нам потребовалось три дня, чтобы добраться от Крестовки до юрты. А на то, чтобы проделать этот же путь в обратном направлении, ушло всего восемь часов.

Дом Крестовского находился на левом берегу ручья, а мы были на правом. Для оленя было бы равносильно смерти, если бы он оказался в пределах досягаемости собак. Поэтому я спешил, не доезжая двух миль, привязал оленя и пошёл пешком. Ручей замёрз ещё не полностью, поэтому я привлёк к себе внимание выстрелом из ружья. Через пять минут от того берега отчалила лодка, и вскоре я снова сидел у камина в доме старого Крестовского.

Глава VIII

ПОЕЗДКИ НА СОБАЧЬИХ УПРЯЖКАХ И ТОРГОВЛЯ МЕХАМИ

Описание саней и семи пар собак — Упряжь — Полезная «палка» — Начинаем акробатическое шоу для каюра — Как управлять собаками на полной скорости — Обмен собаками в пути — Постоянные собачьи драки — Местные цены на соболиные и другие шкурки — Четыре сорта соболей — Как и на что они живут — Русский писатель об охоте на соболей — Времена, когда туземец отдавал восемнадцать соболиных шкурок за один топор.

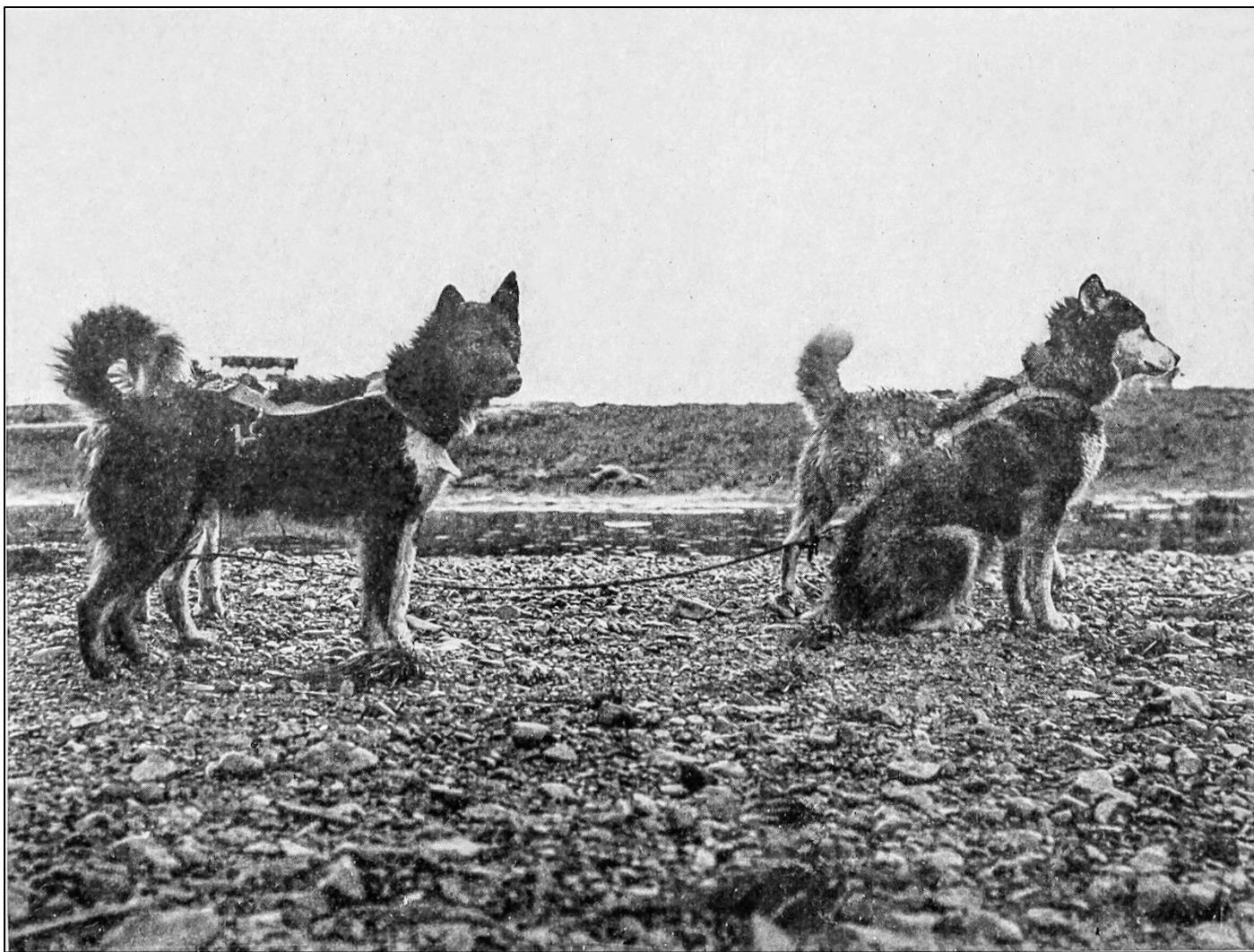
Задерживаться здесь я не мог, а поскольку санная дорога в Гижигу была в прекрасном состоянии, то, наняв упряжку собак, я на следующее утро отправился в свою первую поездку на собаках. Наша упряжка состояла из четырнадцати больших ездовых собак, похожих на волков, с лохматой шерстью и стоячими заострёнными ушами. Все они были разномастными — какие-то белыми, какие-то черными, некоторые серыми, рыжими, а некоторые даже голубоватыми. Вожаки были великолепны — один рыжий, другой серо-голубой. Все они были весьма свирепого вида, но охотно позволяли себя погладить, они вообще любят, когда их гладят. Сбруя их состояла из нагрудного ошейника и подпруги вокруг живота. От ошейника через подпругу шли два ремня, прикреплённые к кольцу немного позади собаки. От этого кольца идёт ремень-постромок длиной в три фута к центральному потягу, который тянет сани. Постромок крепится к кольцу с помощью деревянного трёхдюймового штыря. К потягу собаки привязываются парами, первая из которых — ведущая. Между отдельными парами оставляют свободное пространство примерно в восемнадцать дюймов.

Сами сани, которые называются нартами, представляют собой замечательное транспортное средство. Они сделаны из лёгкого дерева без единого гвоздя или шурупа. Все детали связаны между собой ремешками из моржовой кожи. Конструкция превосходно приспособлена для того, чтобы выдерживать сильные удары, которые неизбежны даже при обычной езде. Она обладает необходимой упругой гибкостью без потери прочности. Полозья нарт имеют длину от десяти до четырнадцати футов и расстояние между ними два фута. Они от трёх до четырёх дюймов в ширину и без защитных накладок. Дно саней располагается в десяти дюймах над полозьями на стойках, расположенных через равные

промежутки. Сани обрамлены перилами высотой в шесть дюймов с сеткой из ремней, предотвращающей выпадение груза. Примерно на трети расстояния от передней части саней прикреплена дуга из прочного дерева, которая возвышается примерно на четыре с половиной фута от земли. Возница-каюр стоит за ней, и всякий раз, когда встречается препятствие, соскакивает в сторону и поправляет сани с помощью этой дуги, за которую он держится одной рукой. В другой руке он держит крепкую, палку длиной пять футов — остол. Один конец его окован железом, а к другому привязан кожаный ремень. Он может использовать эту палку в качестве тормоза, втыкая её в снег между полозьями, или может закрепить ею сани на стоянке, воткнув её в снег и привязав ремнём к дуге.

В сани для меня положили несколько медвежьих шкур и сделали спинку из трёх поперечин. Мне сказали лежать как можно ниже, так как это уменьшит вероятность опрокидывания. Перед отправлением необходимо было выполнить ещё одну важную вещь. Крестовский, используя остол в качестве рычага, приподнял одну сторону саней, обнажив нижнюю часть одного полоза, и принялся скоблить её ножом, который он всегда носил в ножнах на бедре. Затем из-под своей шубы он достал маленькую бутылочку с водой, которая была закреплена у него на шее шнурком, и, намочив кусочек оленьего меха, как губку, быстро провёл им по полозу, так что на нём образовалась плёнка льда по всей его длине. То же он сделал и с другим полозом. Это очень важная часть подготовки к поездке на санях.

Пока это происходило, собаки непрерывно визжали от возбуждения и прыгали в своих ошейниках от нетерпения поскорее пуститься в путь. Старик Крестовский успокаивал, покрикивая: «Кай, кай, кай». Он сам будет моим каюром, а я забрался в нарты, где добрые, пусть и грязные, руки заботливо укрыли меня, пока Крестовский сдерживал собак. Я попрощался и откинулся на спинку сиденья, чтобы стать свидетелем удивительного проявления человеческой ловкости со стороны каюра и почти человеческого интеллекта со стороны собак. Утро было ясное и холодное, а дорога хорошо укатана, но трудность была в том, чтобы выбраться из деревни с её узкими извилистыми тропками в открытую тундру, где дорога была прямой и ровной.

Ездовые собаки в упряжи

Как только каюр отвязал нарты от остола, собаки тут же издали дикий вопль и натянули упряжь. Крестовский выдернул из снега палку, поставил ногу на полоз и качнул нарты, чтобы сдвинуть сани с места, и крикнул нетерпеливым собакам: «Хек, хек, хек!». Они рванули все разом, придав саням такое ускорение, что меня чуть не выбросило за борт, и помчались вперёд с ужасающей скоростью, Крестовский стоял на полозьях и размахивал остолом над головой. Наш старт сопровождался радостными криками и пожеланиями счастливого пути многочисленного потомства Крестовского. Теперь хитрость заключалась в том, чтобы провести собак по крутым поворотам на столь бешеной скорости, не опрокинув сани. Каюр, крича «Поть, поть, поть!», заставлял их повернуть вправо, если же он хотел, чтобы они повернули налево, он издавал сильный гортанный «Дже, дже, дже!» Команды повторялись до тех пор, пока собаки не поворачивали на нужный курс, после чего они продолжали бежать прямо. Если мы встречали препятствие, он спрыгивал,

даже на полной скорости, и с помощью дуги направлял сани мимо препятствия, а затем снова запрыгивал на них, проворно, как кошка, несмотря на свои шестьдесят с лишним лет. Мы вынеслись из деревни, сопровождаемые криками «До свиданья!», нырнули в овраг, вынырнули на другой стороне и помчались по открытой тундре сломя голову. Скорость наша была, наверное, как у борзой на полном ходу. Крестовский оглянулся на меня, засмеялся и спросил, как мне это нравится.

Я ездил на многих видах транспорта, но ничто не сравнится с нартой с четырнадцатью большими собаками, плавно и грациозно несущейся по ровной дороге.

Через некоторое время собаки поумерили свой энтузиазм и перешли на ровный бег со скоростью семи миль в час. Они работали слаженно, как хорошо отрегулированный механизм. Когда им хотелось пить, они на ходу хватали снег с обочины. Если одна из собак начинает отлынивать от работы и перестаёт тянуть, каюр запускает в неё остолом, неизменно попадая по голове или спине, а затем ловким движением направляет нарту немного в сторону и подхватывает палку, когда сани проезжают мимо. Собака, предупреждённая таким образом, вероятно, пробежит ещё много миль, оглядываясь через плечо, не накажут ли её снова; да и все остальные тоже не теряют бдительности. Лучшие собаки всегда бегут впереди, а самые слабые — сзади, ближе к каюру, где ему легче управлять ими.

Если какая-то собака отказывается тянуть, сани останавливаются, и каюр под аккомпанемент отборной брани лупит ленивца ремнём остола до тех пор, пока не сочтёт наказание достаточным. Этой собаке теперь не понадобятся напоминания, по крайней мере, целый день. Почти всегда с одной или двумя собаками приходится обращаться подобным образом, прежде чем они начнут работать как следует. Нередко две собачьи упряжки, встретившись, останавливаются, и погонщики приступают к «обмену лошадьми», то есть, конечно, собаками, в стиле уже упомянутого Дэвида Харума. Никогда не меняются только жожаками. Они любимцы каюра и слишком ценны, чтобы рисковать ими в таком обмене. Даже если их хозяин голодает, он ни за что не расстанется со своими жожаками.

Примерно через пять миль мы встретили упряжку собак, едущую со стороны моря. Мы остановились, чтобы поделиться новостями, и не прошло и десяти секунд, как одна из наших собак напала на другую

упряжку. Это послужило сигналом, и в одно мгновение все двадцать восемь собак сцепились в одной грандиозной схватке. Безжалостно раздавая удары направо и налево, каюрам удалось разделить упряжки, после чего мы обнаружили, что три наших собаки хромают. Позже я узнал, что в драке сибирская собака целит не в горло своему противнику, а в ноги, поскольку, по-видимому, понимает, что травма ног — самое серьёзное, что может случиться с ездовой собакой. Интересно было наблюдать, с какой ловкостью они оберегали свои лапы от зубов соперника. Шея, как правило, покрыта густой шерстью, и потому недосягаема для зубов, а на ногах шерсть подстрижена от лодыжки до ступни, чтобы на них не налипал снег. Впрочем, наши неприятности оказались не столь серьёзными, и к концу третьего часа мы уже подъезжали к Гижиге. Как только собаки почуяли жильё, они все разом завизжали и припустили во всю прыть, как это у них всегда бывает при приближении к любому населённому пункту. В это же время, казалось, все собаки деревни выбежали нам навстречу и побежали рядом, то дружелюбно тявкая, то огрызаясь на наших собак. Старый Крестовский эффектно затормозил перед моей хижиной, где меня уже встречали горожане. Эта поездка на собачьих упряжках от Крестовки до Гижиги обошлась мне в «огромную сумму» — один российский рубль, или пятьдесят американских центов!

Был уже конец октября, и мне пришлось оставаться в Гижиге пока мне готовили зимнюю одежду. Снег был уже глубоким, а река, за исключением порогов, окончательно замёрзла. Но как бы ни было холодно, моя работа только начиналась, потому что только зимой возможно путешествовать на большие расстояния. Летом вы с трудом можете преодолевать по топкой тундре шесть-восемь миль в день, а зимой вы легко можете проехать шестьдесят-девяносто миль, в зависимости от качества собак и количества остановок.

В это же время туземцы начинают привозить свои меха и другие ценности для обмена с торговой компанией. Возможно, читателю будет интересно узнать цены на такой ярмарке.

Туземец, как правило, берет за свои шкуры не деньги, а различные предметы первой необходимости. Переводя в денежный эквивалент, он получает за шкурку соболя от десяти до тринадцати рублей; за шкурку рыжей лисы — от двух до трёх рублей; шкурку песца — полтора рубля; шкурку чернобурки — от пятидесяти до ста пятидесяти рублей; шкурку голубой белки — тридцать пять центов; шкуру нерождённого оленя —

двенадцать центов; шкурку тарбагана (разновидность сурка) — пятнадцать центов; шкуру годовалого оленя — семьдесят пять центов; шкуру тюленя — один рубль; шкуру чёрного медведя — семь рублей; шкуру бурого медведя — пять рублей; шкуру белого медведя — двадцать пять рублей; за верёвку из моржовой кожи — два цента за ярд; за моржовый клык — от пяти центов до полутора рублей за штуку; за бивень мамонта — от пяти до шести рублей; за шубу — от полутора до пяти рублей; за сапоги — от двадцати пяти до семидесяти пяти центов за пару. За горностаевую шкурку он обычно получает две иголки или кусок сахара величиной с напёрсток.

Наши нагруженные собачьи упряжки

В обмен на эти товары торговцы дают чай, сахар, порох, свинец, патроны, табак, железные полосы шириной в дюйм и толщиной в четверть дюйма, иголки, бусы и всякие другие безделушки.

По окончании торговли компания подсчитывает прибыль — она бывает от ста до тысячи процентов. Чай, наиболее востребованный продукт, даёт только сто процентов прибыли. На сахаре зарабатывается около трёхсот процентов, а на дешёвых украшениях и других товарах — где-то от пятисот до тысячи процентов.

Река Гижига зимой

Из этого списка следует несколько важных выводов: во-первых, низкая цена, которую платят за соборей по сравнению с ценами, по которым они продаются на европейском рынке; во-вторых, сравнительно высокая цена на чернобурку, хотя это лишь малая часть того, что она стоит в Европе (цена на них доходила в Париже до четырёх тысяч долларов!); в-третьих, чрезвычайно низкая стоимость горноста; и в-четвертых, что торговля бивнями мамонта не особенно активна, хотя их в изобилии. Они часто достигают десяти футов в длину, и можно было бы предположить, что в них должно быть достаточно кости, чтобы они сто-

или гораздо больше, чем на самом деле; но дело в том, что это ископаемая слоновая кость, и поверхность таких бивней настолько разрушена, что только в самом центре содержится товарная кость.

Как правило туземцам даётся кредит на один год; чай, сахар, табак и другие товары, которые они получают в этом году, оплачиваются шкурами, которые они привезут в следующем году. Это работает хорошо, поскольку туземцы безупречны в оплате своих долгов. Кроме того, торговцы, часто бывая здесь, лично знакомы со многими местными жителями и точно знают, на кого они могут положиться.

Конечно, самой ценной продукцией этого северного края являются соболиные шкурки. Существует четыре вида, или, скорее, сорта, соболей. Самые лучшие поступают из района реки Лена; второй сорт — с территории, о которой мы пишем, в радиусе пятисот миль отсюда; третий сорт — из района реки Амур, и четвёртый — из Маньчжурии. То есть, как правило, чем дальше на север, тем лучше соболь.

До завоевания Сибири соболи были распространены повсеместно, но прибывающие поселенцы постепенно вытеснили их, поскольку соболь не живёт вблизи человеческого жилья. Они живут в норах, как куницы или горностаи, но те, кто изучал их повадки, говорят, что они часто строят гнезда из веток и травы на ветвях деревьев и используют их наряду со своими норами. Обычно они полдня спят, а другую половину проводят в поисках пищи. Ранней весной они охотятся на зайцев, хотя могут также съесть ласку или горностая. В сезон ягод они питаются исключительно клюквой, черникой и особенно ягодами ирги. Туземцы говорят, что употребление их в пищу вызывает у соболей зуд, и они начинают чесаться о деревья, что на какое-то время портит их мех; так что, пока кустарник покрыт ягодами, соболей не ловят.

Примерно в конце марта самки соболя приносят своих детёнышей, от трёх до пяти в помёте, и выкармливают их молоком от четырёх до шести недель.

Метод отлова соболей был хорошо описан одним замечательным писателем примерно в начале девятнадцатого века, и, поскольку за это время мало что изменилось, его стоит процитировать:

Охотники на соболей, будь то русские или туземцы, начинают охоту примерно в начале сентября. Некоторые русские отправляются на неё сами, другие нанимают для охоты людей, предоставляя им соответ-

ствующую одежду и орудия, а также провизию. По возвращении, они отдают хозяевам всю добычу и возвращают всё снаряжение, что они получили, за исключением провизии.

Компании, которые собираются для такой охоты, насчитывают от шести до сорока человек, говорят, раньше их было до пятидесяти. Они берут с собой по небольшой лодке на каждые три-четыре человека и таких людей, которые понимают язык местных жителей и хорошо знают те места, где собираются охотиться. Этим людям они содержат за свой счёт и, кроме того, дают им положенную долю добычи.

В эти лодки на каждого охотника кладут тридцать пудов ржаной муки и один пуд пшеничной, один пуд соли и четверть пуда крупы. Каждый двое мужчин должны иметь свою сеть, собаку и несколько пудов провизии для неё, постели и одеяла, посуду для выпечки хлеба и ёмкость для закваски. Огнестрельного оружия у них с собой очень мало.

Затем лодки тянут вверх по течению, насколько это возможно, и там охотники строят себе жилища. Здесь они все собираются и живут, пока не замёрзнет река. Тем временем они выбирают себе командира — того, кто чаще всего бывал в таких экспедициях и приказам которого они обещают повиноваться. Он делит охотников на небольшие отряды и назначает в каждом старшего, кроме своего собственного, которым он сам руководит; он также назначает места, где каждый отряд должен охотиться. Как только начинается сезон, это разделение на отряды остаётся неизменным, даже если вся компания состоит из восьми-девяти человек, поскольку они никогда не идут в одно и то же место. По приказу своего старшего каждый отряд роет по пути ямы, в которые они складывают по три мешка муки на каждых два человека на обратный путь, когда провизия будет уже израсходована; а всё, что осталось у них в хижинах, они также прячут в ямах от диких животных.

Как только замерзают реки и наступает время для охоты на соболя, командир созывает всех охотников в хижину и, помолившись Богу, отдаёт приказы каждому старшему отряда и отправляет их назначенной ранее дорогой. Затем старший каждого отряда отправляется в путь на день раньше остальных, чтобы обеспечить им ночлег.

Когда командир отправляет старших отрядов, он отдаёт им несколько приказов; один из которых заключается в том, что каждый должен построить своё первое жилище в честь какой-нибудь церкви, а другое жилище — в честь святого, иконку которого он носит с собой, и что

первый пойманный ими соболь будет отложен для этой церкви, а по возвращении домой подарен ей. Таких соболей они называют «божьими соболями». Первый соболь, пойманный на участке хижины святого, отдаётся человеку, который носит с собой его иконку.

Во время ходьбы они опираются на деревянный посох длиной около четырёх футов; на нижний конец его надет коровий рог, чтобы предохранить от износа, а немного выше его обвязывают ремнями, чтобы он не слишком глубоко погружался в снег. Верхняя часть его широкая, как лопата, и служит для разгребания снега или чтобы набирать его в котелки. Командир, разослав отряды, выступает со своим. Когда они приходят на места ночлега, они строят небольшие хижины и засыпают их со всех сторон снегом. По дороге они делают затёсы на деревьях, чтобы легче было находить дорогу зимой. Почти на всех участках они готовят ямы-ловушки, окружённые кольцевым, диаметром примерно четыре фута, забором из заострённых кольев высотой шесть-семь футов; сами ямы прикрывают досочками, чтобы в них не попадал снег. В одном месте в заборе оставлен узкий проход по доске, по которой соболь должен обязательно пройти, чтобы добраться до приманки в виде куса рыбы или мяса. Доска сбалансирована таким образом, что как только зверёк проходит по ней и оказывается над ловушкой, доска поворачивается, и соболь падает в ловушку. Охотники работают до тех пор, пока не установят двадцать ловушек для каждого охотника. Когда обустроен десяток участков, старший отсылает половину своего отряда назад за оставленной провизией, а с остальными продвигается дальше, чтобы построить ещё хижины и расставить больше ловушек.

Эти люди по пути должны проверять ловушки и вынимать из них соболей, а снимать с них шкурки может только старший отряда.

Если соболиные тушки замёрзли, охотники отогревают их ночью теплом собственного тела. Когда шкурки сняты, все присутствующие садятся и некоторое время молчат. После этого тушки обжигают над костром и закапывают в снег или землю. Часто, когда они опасаются, что тунгусы могут отнять их добычу, они кладут шкурки в полые куски дерева, концы которых заделывают мокрым снегом. Их они прячут в снегу недалеко от хижин и забирают по возвращении. Когда приходят посланные за провизией, за ней посылают других; таким образом все заняты охотой, причём старший всегда идёт впереди и сооружает ловушки. Если в ловушки попадает мало соболей, они охотятся с сетями, но это только тогда, когда обнаруживают свежие следы зверя. По ним

они идут, пока они не приведут к норе, где сидит соболь, или, если след теряется возле других нор, они подкладывают в них тлеющие гнилушки, что обычно вынуждает соболя покинуть нору, возле выхода из которой охотник расстилает свою сеть, в неё животное и попадает; на всякий случай собака охотника обычно находится поблизости. Охотник иногда сидит и ждёт два-три дня, пока соболь не попадётся. Об этом они узнают по звуку колокольчиков, которые прикреплены к сети. Они никогда не кладут дымящиеся гнилушки в те норы, которые имеют только один выход, потому что соболь скорее задохнётся и погибнет, чем пойдёт к дыму.

Когда командир и все охотники собираются вместе, старшие отрядов докладывают, сколько соболей или других зверей добыли их отряды, и сделал ли кто-нибудь что-либо вопреки его приказам и охотничьим традициям. За проступки они наказываются. Некоторых привязывают к столбу; других они заставляют просить прощения у каждого в компании; вора жестоко избивают и не дают ему никакой части добычи; более того, у него даже отбирают его собственные вещи и делят между собой. Охотники остаются на своих участках до тех пор, пока реки не освободятся ото льда; также какое-то время после охоты они проводят за подготовкой шкурок. Затем они отправляются в обратный путь на лодках и, вернувшись домой, дарят обещанных соболей церквям. Затем, заплатив положенные налоги, они продают остальное и делят поровну деньги и товары, которые за них выручают.

До того, как Камчатка была завоёвана русскими, соболей было так много, что охотник легко добывал семьдесят или восемьдесят за сезон, но их ценили больше за мясо, чем за мех. Поначалу туземцы платили соболями дань и меняли восемь шкурок на один нож и восемнадцать — на топор.

Глава IX

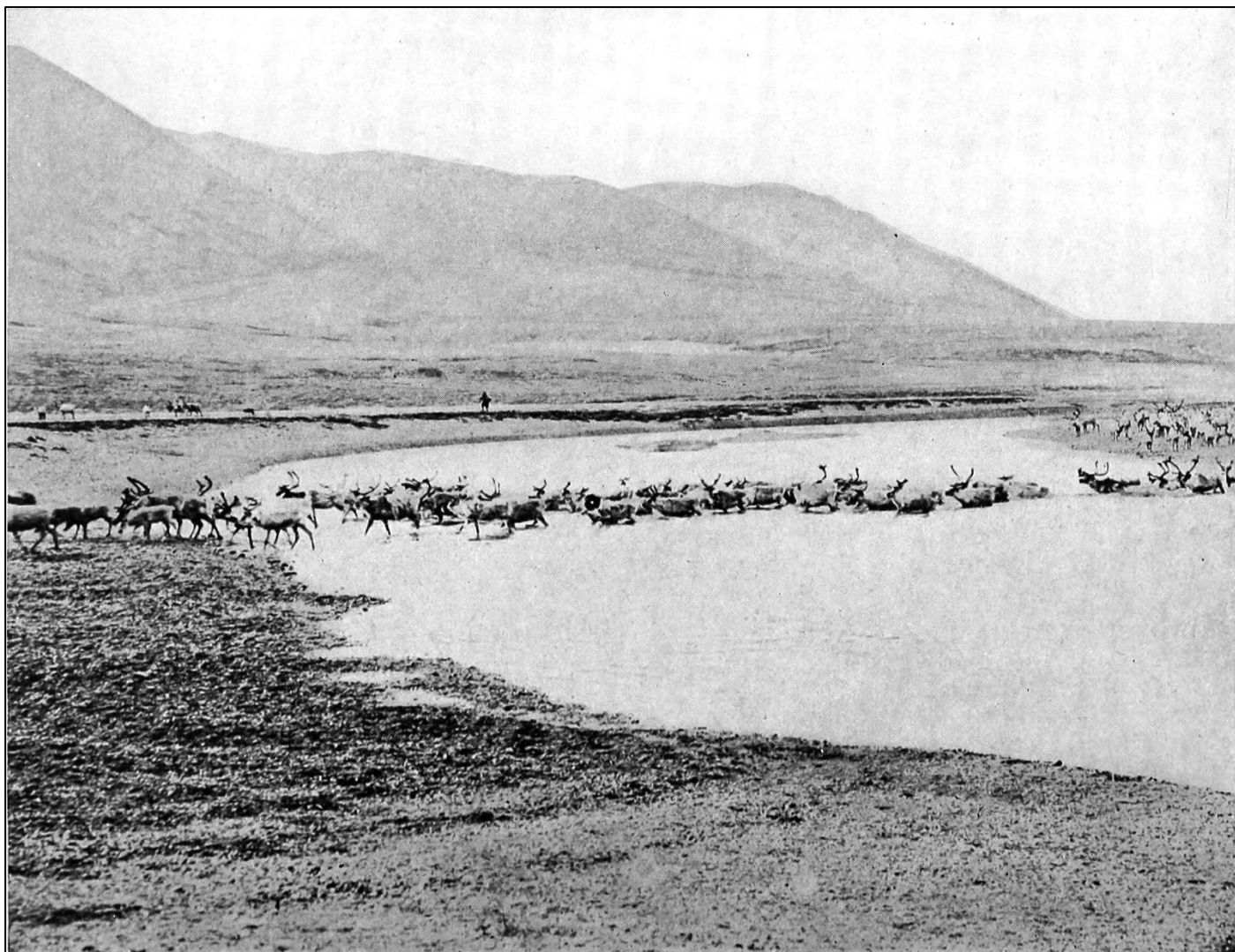
ОТПРАВЛЯЕМСЯ НА СЕВЕР

Моя зимняя одежда из оленьих шкур — Обувь, которая сохраняет тепло при шестидесяти градусах мороза — Пельмени, интересная местная еда в виде шариков — Другие продукты — План предполагаемого исследования истоков реки Гижиги — Четыре часа света в сутки — Когда собаки встречаются с оленями — Борьба за жизнь и нелепая развязка — Ещё несколько странных местных блюд — Интересные привычки ездовой собаки.

Теперь я приступил к подготовке своего зимнего гардероба. С помощью моего хорошего друга миссис Брагиной несколько местных женщин взялись сшить мне полный комплект местной одежды, поскольку я знал, что только в этом я смогу выдержать суровую арктическую зиму. Штаны были сшиты из мягко выделанных шкур годовалого оленя, мехом наружу. Короткая куртка из того же материала дополняла внутренний костюм. Носки были сшиты из такой же кожи, но мехом внутрь. Они доходили почти до колена. Поверх них надевалась пара сапог из шкурок, снятых с ног оленя, с подошвами из тюленьей кожи. В таких сапогах используются травяные стельки. Шкура с ног оленя лучше всего пригодна для изготовления сапог, чем любая другая, потому что шерсть на ней короче и гуще. У меня также были ботинки с подошвой, сделанной из меха, который растёт между пальцами ног северного оленя и который имеет такую текстуру, что предотвращает скольжение по льду. На каждой ноге оленя есть место с такой шерстью размером с доллар, так что для изготовления подошвы одного ботинка их требуется двенадцать штук. Такие ботинки используются только в очень холодную погоду. Даже при температуре шестьдесят градусов ниже нуля ноги в них не мёрзнут.

В качестве верхней одежды мне сделали отличную кухлянку. По форме она напоминала огромную ночную рубашку до колен. Сшита она из двух слоёв шкуры годовалого оленя и снабжена большим капюшоном. Кухлянка довольно тяжела, чтобы ходить в ней, но её удобно надевать для поездок в нартах и для сна. Обычно её подпоясывают шерстяным шарфом яркого цвета. В качестве головного убора я носил шерстяную шапку «а-ля Нансен», которую можно было натягивать на лицо. Без неё моему носу пришлось бы худо. Тёплые варежки были сделаны из шкурок с оленьих ног мехом наружу. Даже в самую плохую погоду они

полностью защищали от холода. Снегоступов я взял три пары, две из которых были предназначены для мягкого снега. Они имели пять футов и десять дюймов в длину и восемь дюймов в ширину, загнуты дугой спереди и заострены сзади, а также подбиты оленьим мехом с шерстью, направленной назад. Снегоступы для ходьбы по твёрдому снегу имели три фута в длину и восемь дюймов в ширину.

Олени переправляются через реку

Важной частью моего снаряжения был спальный мешок из толстого зимнего меха оленя, сшитый мехом внутрь. Он был снабжён капюшоном, который, когда его опускали, полностью защищал от холода. Можно было бы предположить, что в таком случае спящий будет задыхаться; но, хотя поначалу мне показалось, что в нем несколько душно, я не испытывал серьёзных неудобств. Через края капюшона проникало достаточно воздуха для дыхания.

В качестве провизии я в первую очередь взял несколько сотен фунтов пельменей. Они представляют собой шарики размером с грецкий

орех из мелко нарезанного оленьего мяса, заключённые в оболочку из теста. Они хранятся замороженными и для готовки просто бросаются в кастрюлю с кипящей водой. Десяти минут достаточно, чтобы получилось очень аппетитное блюдо. Также я взял несколько сотен фунтов ржаных сухарей, высушенных над печкой до каменной твёрдости. Чай, сахар и табак были добавлены в качестве предметов роскоши, хотя первое — это почти необходимость, а все вместе они являются универсальным ключом к сердцам коренных народов Севера. Я взял также немного сухофруктов, которые, конечно, оказались очень полезными в местности, где почти вся пища животного происхождения.

В моих планах было сначала исследовать горы, в которых берёт начало река Гижига с притоками, а после этого пересечь эти горы и пройти верховьями рек, впадающих в Северный Ледовитый океан. Я рассчитывал, что это займёт не менее двух месяцев.

Северные олени

Старик Крестовский снарядил шесть собачьих упряжек; он сам и двое его сыновей выступали в качестве каюров. Трое других были наняты в Гижиге. Мой отряд состояла, таким образом, из следующих членов: моего верного Кима, который не отходил от меня ни на шаг, хотя поначалу

он и не подозревал, как далеко я увезу его от живописных холмов и долин его родного Чосона; моего проводника-тунгуса Афони, который оказал всемерную помощь в поездке; шесть каюров, я сам и восемьдесят четыре собаки. Я не стал пользоваться помощью никого из моих русских, так как они были бы бесполезны в такой экспедиции, как эта.

Читателю, возможно, покажется, что запас нашей провизии был невелик для такой компании, но мы направлялись в страну северных оленей и были уверены, что добудем столько мяса, сколько нам будет нужно. Поэтому всё свободное место в санях было загружено кормом для собак, а именно головами и спинками лосося. Был уже ноябрь, и солнце светило всего четыре часа — с десяти до двух. Но северяне не зависят от солнца. Белый снег и яркие звезды над головой дают достаточно света для путешествия.

Мы стартовали из Гижиги под радостный лай собак и деревенских ребятишек в час дня, а ночевали уже в Крестовке. На следующее утро, в семь часов, в сумерках, мы отправились в путь вверх по руслу реки Гижиги. На третий день пути в четыре часа пополудни, когда мы приближались к юрте богатого тунгусского князька, собаки внезапно ускорили свой бег, и мы поняли, что они учуяли что-то, что их заинтересовало. Вскоре мы поняли, что мы на оленьей тропе и приближаемся к жилью. И за следующим поворотом дороги увидели причину волнения наших собак: в сотне ярдов впереди бежала, спасая свои жизни, упряжка оленей. Погонщик-тунгус хлестал их кнутом и подгонял изо всех сил, так же хорошо, как и мы, он знал, что, если наши собаки настигнут их до того, как они доберутся до жилья, мы, семеро мужчин, будем совершенно бессильны помешать собакам разорвать оленей на куски. Крестовский изо всех сил тормозил остолом, но это не произвело ни малейшего эффекта. Наши четырнадцать собак как по мановению волшебной палочки превратились в стаю волков, и никакие тормоза не могли их остановить. На пути оказалось множество пней и кочек, столкновений с ним избежать не удавалось, и нас трясло и подбрасывало так, что мы едва держались в санях. Некоторое время олени держались на приличном расстоянии, но ещё до того, как в поле зрения появилась юрта, мы стали быстро их догонять. В это время жители деревни, услышав лай собак, поняли, в чём дело, и, вооружившись палками и копьями, выбежали нам навстречу. Приближаясь, они рассыпались веером поперёк тропы. Когда перепуганные олени достигли их, они расступились, пропуская упряжку, и тут же снова сомкнулись, чтобы помешать проезду

наших собак. Крестовский вовсе не хотел позволить этим людям дубасить его собак и наверняка травмировать кого-то из них, поэтому он прибегнул к последнему средству. Предупредив меня, он ловким движением быстро перевернул наши сани, буквально воткнув меня головой в сугроб. В таком положении сани тут же затормозили, и собаки были вынуждены остановиться, подпрыгивая в своей упряжи и рыча, как исчадия ада. Я вылез из сугроба и рассмеялся. Другие каюры последовали нашему примеру, и клубок саней, упряжи, собак и людей являл собой сцену, которая, по крайней мере для новичка, была в высшей степени забавной. Каюры и деревенские жители усмиряли собак, а всё стадо оленей, принадлежащее деревне, разбегалось во все стороны по окрестным холмам.

Когда порядок, наконец, был восстановлен, что произошло только после того, как все олени скрылись из виду, мы направились в юрту, которая оказалась большой и удобной, а женщины, как обычно, принялись за приготовление чая. Читатель вполне может спросить, как туземцы могут использовать и собак, и оленей, если сам вид оленя сводит собак с ума. Объяснение простое. Они никогда не встречаются. Есть страна собак и есть страна оленей, и они не пересекаются друг с другом. Даже в одном и том же племени может быть чёткое разделение. Например, есть «оленные коряки» и «собачьи коряки». В некоторых деревнях оленных можно иногда увидеть несколько беспородных собак, которые не используются в упряжках и приучены не беспокоить оленей. Путешествие на собаках по стране оленей часто приводит к потасовкам, но местные жители не воспринимают это так трагично, зная, что, если им самим придётся путешествовать на оленях по стране собак, они причинят не меньше неудобств.

Пока мы пили чай с сухарями, я выяснил, что в поселении проживает около тридцати мужчин с жёнами и детьми. Женщины быстро приготовили ужин из мяса нерождённого оленёнка и оленьих языков. В качестве деликатеса по кругу передавались палочки из костного мозга, его доставали из тут же расколотых замороженных костей. Эти блюда вместе с замороженной клюквой составили наш ужин, и мы нашли его очень вкусным.

Когда мы закончили, я вышел на улицу и, к своему удивлению, обнаружил, что собак ещё не покормили. Я заметил это Крестовскому, но он ответил, что они ещё не закончили свой вечерний туалет. Тут я увидел,

что собаки занимались тем, что облизывали лапы и выкусывали кусочки льда между пальцев. Мой каюр объяснил, что, если их покормить перед выполнением этого очень важного занятия, они сразу же лягут спать и проснутся утром с больными ногами и ревматизмом, и тогда будут бесполезны в течение нескольких дней. Собакам требуется добрый час, прежде чем они приведут себя в порядок и станут готовы для ужина. Они, кажется, знают, что им нечего не дадут, пока они не завершат уход за своими ногами, и потому, как только заканчивают, садятся и начинают выть, требуя еды. Каждая собака получает две-три спинки и головы лосося. Это довольно приличное количество, учитывая, что лосось изначально был восемнадцати-двадцатифунтовой рыбой. Все собаки были оставлены в упряжи и по-прежнему привязаны к основному потягу. Он туго натягивается и закрепляется спереди с помощью остола, что предотвращает драки собак, поскольку одновременно не более двух могут дотянуться друг до друга. Во время кормления каюры следят, чтобы они не крали друг у друга еду. Покончив с ужином, собаки выкапывают в снегу небольшое углубление, сворачиваются калачиком спиной к ветру и засыпают. Их никогда не отстёгивают от саней до самого конца пути. Они буквально живут в упряжи. Пока собаки ели, деревенские дворняжки (совершенно другой породы, чем ездовые собаки) стояли вокруг и нахально таякали на внушительных незваных гостей, но ездовые собаки не обращали на них никакого внимания.

Собаки спокойно спят всю ночь, пока одна из них случайно не поднимет голову и не издаст протяжный вой. По этому сигналу все присоединяются к вою примерно на три минуты, останавливаясь все разом в одно и то же мгновение. Если случается, что какой-нибудь «юноша» издаст после этого неловкий таяк, все остальные смотрят на него с презрением, как будто говоря, что ему следовало бы продемонстрировать лучшие манеры. Этот концерт исполняется обычно два-три раза за ночь. Мы не знаем, чем это вызвано, но, вероятно, это какое-то подсознательное воспоминание об их родовом волчьем прошлом. То же самое происходит всякий раз, когда упряжка останавливается на дороге. Они сидят и воют несколько минут.

В дороге собак кормят только рыбьими головами и спинками, но дома для них готовят более изысканное блюдо. Воду наливают в нечто вроде корыта, добавляют туда квашенную рыбу, которая хранилась в ямах, немного сушёной рыбы, и всё это готовят, бросая в варево раска-

лѣнные камни. Этим собакам кормят только на ночь. В летнее время собакам приходится добывать пищу самим, что они и делают, охотясь за грызунами. К концу лета собаки настолько жиреют, что их приходится периодически привязывать и морить голодом, пока они снова не придут в форму для работы в упряжках. Этот период представляет собой один долгий концерт воя, но туземцев это, похоже, не волнует. Собаки едят пищу исключительно животного происхождения и будут скорее грызть собственную сбрую, чем есть хлеб, который им, впрочем, и не предлагают. Точность, с которой эти животные предвидят приближение снежной бури, поистине удивительна. Если собака начинает рыть снег, это является верным признаком надвигающейся непогоды. Как они это чувствуют, вероятно, никогда не будет известно. Возможно, это какой-то рудимент их первоначального дикого существования.

Феодосий Крестовский, проводник

Глава X

ПО СНЕЖНЫМ ПРОСТОРАМ

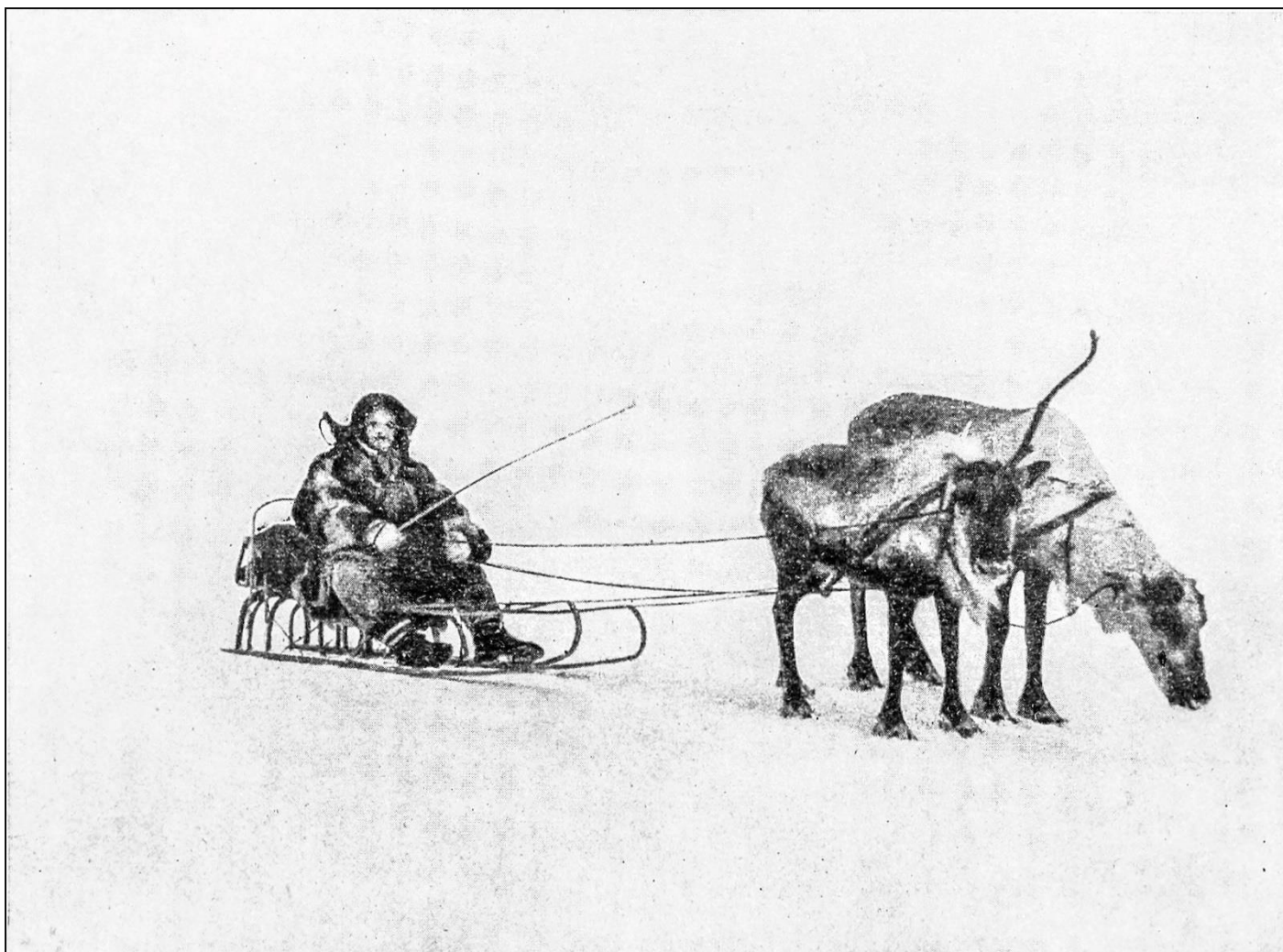
На санях по снегу в четыре фута — Лагерь в снегу — Нашли признаки золота — Впечатляющий спуск с горы — Мой остол ломается с трагическими последствиями — Изыскания на Становом хребте.

На следующее утро перед нами лежали десять миль леса с нетронутым снегом глубиной четыре фута. Для нашего отряда это было серьёзным испытанием. По совету Крестовского я нанял две оленьих упряжек, чтобы они поехали впереди нас и проложили тропу, но они должны были держаться от нас на расстоянии мили, вне поля зрения наших собак. Снег шёл всю ночь, и когда мы вышли утром из юрты, то увидели только с дюжину снежных кочек, похожих на маленькие могильные холмики. Крестовский закричал: «Хек, хек!» — и произошло удивительное воскрешение: холмики взорвались собаками, которые тут же стали требовать, чтобы мы тронулись в путь. Я думал, что их накормят, но каюры и не собирались этого делать, пока не будет выполнена их дневная работа. Если кормить их в течение дня, они будут ленивы и бесполезны, но в предвкушении вечерних рыбьих голов готовы бежать весь день. Трудно выразить моё восхищение этими животными. Они терпеливы, преданны и всегда готовы к работе.

Милю впереди нас шли олени нарты, а впереди них — двое тунгусов на снегоступах, чтобы отмечать путь оленям.

А в миле позади шли наши собаки, и это была тяжёлая работа, о чём говорит тот факт, что до обеда мы прошли всего пять миль. Когда мы поравнялись с тунгусами, они уже развели костёр и кипятили воду. Олени были привязаны в кустах примерно в двухстах ярдах от нас, вне поля зрения собак. Последние, однако, чуяли их и предпринимали отчаянные попытки вырваться из упряжи и пуститься в погоню, но их усилия казались тщетными, поэтому мы не обращали на них внимания. Пока мы были заняты чаепитием, я случайно оглянулся и с ужасом увидел, что наша самая свирепая собака вырвалась на свободу и уже была рядом с оленями, которые предпринимали отчаянные попытки спастись. Когда собака была готова вцепиться в горло ближайшего оленя, он порвал упряжь и побежал по снегу, а за ним и остальные. Мы тут же надели снегоступы и бросились на спасение. Олень может легко убежать от собаки по глубокому снегу, но мы хотели остановить собаку до

того, как олени окончательно разбегутся. Но мы опоздали. К тому времени, когда мы поймали собаку, олени были уже в миле от нас, направляясь напрямик домой, и мы знали, что ничто не сможет остановить их, пока они не окажутся в своей деревне.

Мистер Вандерлип и оленья упряжка

Таким образом получилось, что нам пришлось прокладывать тропу через лес своими силами. Это оказалось чрезвычайно трудным делом. Каждый из нас должен был помогать собакам тянуть сани, часто приходилось использовать по две упряжки собак на одних нартах, а затем возвращаться за оставленными. К ночи, после чрезвычайно тяжёлого рабочего дня, мы преодолели всего лишь девять миль. И нам ещё оставалась миля до реки, где, несомненно, мы должны были найти хорошую дорогу по льду.

Но сейчас нам нужно было готовиться к ночлегу. Используя снегоступы вместо лопат, мы расчистили до самой земли пространство две-

надцать на двенадцать футов и развели большой костёр в центре расчищенного места. По краям его были расставлены наши сани, а собаки, как обычно, лежали на снегу. Наши спальные мешки были разложены вокруг костра на кучах еловых веток, и после хорошего ужина, состоявшего из супа из оленины, хлеба и чая, мы улеглись и быстро заснули. Лёгкий снегопад укрыл нас пуховой мантией, под которой нам было ещё теплее.

Проснувшись утром и откинув капюшон, я обнаружил, что на мне лежало дюйма два снега. В тот день мы с трудом преодолели оставшуюся милю глубокого снега до реки. Я как раз толкал одну из нарт, когда мы подошли к крутому берегу, ведущему вниз к реке. Сани начали скользить вниз по склону, погружаясь всё глубже и глубже. Крестовский крикнул мне, чтобы я быстрее садился, так как внизу была открытая вода, но он опоздал. Я уже был по колено в ледяной воде. К несчастью, это был снежный мост через открытую воду. Нарты застряли в снегу, и собаки отчаянно пытались стронуть их с места. Энергичными рывками нам удалось вытащить их на лёд. Другие каюры, которые были позади, увидели наше сложное положение и пошли выше по течению, пробуя снег остолами, пока не обнаружили под ним твёрдый лёд. Крестовский немедленно начал распаковывать багаж на санях, чтобы достать мне сухие меховые носки и обувь. Прежде чем я успел снять ту, что была на мне, она замёрзла, так что пришлось помогать ножом. Я энергично растёр ступни снегом, и вскоре они наполнились теплом. Затем, натянув тёплые, мягкие меховые носки и новые сапоги, я убедился, что не пострадал; но Крестовский предупредил меня, что всякий раз, когда у меня промокают ноги, я должен немедленно переобуться, иначе это приведёт к серьёзным последствиям. В тот день термометр показывал от десяти до пятнадцати градусов ниже нуля.

Осмотрев отмели этого ручья, я решил, что там можно найти золото, поэтому разбил лагерь недалеко от леса, решив остаться здесь на три-четыре дня. Грунт из крупного песка промёрз здесь до скального основания, потому необходимо было оттаять его. На следующий день я разгрузил сани и отправил их в лес под руководством Крестовского за дровами для костров. После этого выбрал подходящее место и приступил к оттаиванию грунта для шурфа. Поскольку это была очень медленная работа, я решил попробовать её ещё в нескольких местах. Каждые три часа, как только костры прогорали, в ход пускались кирки и лопаты, и

мы могли углубиться в песок на двенадцать-пятнадцать дюймов. В поверхностном слое песка обнаружили небольшие знаки золота, и я решил поддерживать огонь днём и ночью. Над одним из шурфов мы соорудили лебёдку, и вскоре достигли отметки в двадцать пять футов, где наткнулись на валуны, шесть футов ниже которых было уже скальное основание. Я с нетерпением промыл песок с самого дна и нашёл несколько крошечных самородков, но вынужден был признать, что золота недостаточно, чтобы оправдать наши усилия. Другие шурфы показали те же результаты, поэтому пришлось идти дальше после четырёх дней изнурительной и бесплодной работы. Мы повторили то же самое в нескольких других местах на реке и тщательно обследовали обнажения вверх по всему течению реки. Подойдя к её истоку, мы перевалили через хребет. На перевале anerоид показал высоту семь тысяч шестьсот футов над уровнем моря. За ним мы обнаружили длинный ровный снежный спуск в долину. На протяжении четверти мили его гладкая, твёрдая поверхность не была нарушена ни кустами, ни камнями. Я спросил Крестовского, нельзя ли скатиться по нему вниз, но он отрицательно помотал головой и ответил, что это опасно и для собак, и для саней. Но мне уже втемяшилась в голову мысль, что, съехав с этого склона, мы немного скрасим прозу жизни, и я убедил своего каюра предпринять попытку. К тому же это сэкономило бы несколько миль пути по более безопасному, но окружному маршруту. Собак распрягли, и двое сыновей Крестовского взялись за одни нарты и, упираясь пятками в снег, довольно медленно проехали примерно половину пути вниз, затем оба забрались на сани и, притормаживая остолами, быстро преодолели оставшееся расстояние и с ликованием вылетели на равнину. Остановившись, они замахали нам руками, как бы говоря: «Смотрите, как всё просто!». Затем Крестовский пустил вниз одну упряжку собак, привязанную к потягу. Это было ошибкой, потому что вожаки осторожничали и притормаживали, а остальные наседали на них. В результате они через какое-то время они превратились в один воющий и дерущийся клубок собачьей шерсти, катящийся вниз по склону. Туземцы кричали и страшно ругались, а я только покатывался от смеха — я решительно не видел в этом ничего серьёзного. Оставшихся собак отправили вниз парами. Мы с Крестовским спускались последними на одних нартах. Усевшись по разные стороны саней, с остолами наизготовку, мы соскользнули с края и помчались вниз по склону. По какой-то странной случайности мой остол неожиданно сломалась у меня в руках, сани развернулись, и мы

оба полетели кубарем. Я пролетел несколько ярдов, приземлился на голову и продолжил своё путешествие вниз по склону в различных позах, все из которых были весьма эффектными, но не очень удобными. Если бы я не был так хорошо укутан, я бы не избежал серьёзных травм. Старица Крестовский вместе с нарткой были в этой гонке вторыми, то один сверху, то другой, но оба храбро держались вместе до конца! Когда всё это закончилось внизу, мы провели инвентаризацию повреждений и обнаружили, что кости не сломаны и никакого другого вреда не причинено, за исключением моего «Винчестера», ствол которого дал трещину.

Зимнее стойбище туземцев

Так проходили дни, я продолжал заниматься исследованием обнажений и копанием шурфов в руслах речек и ручьёв в поисках признаков золота примерно до середины декабря; к этому времени я довольно тщательно обследовал этот участок Станового хребта, его южных склонов. Затем я попытался перевалить через следующий высокий хребет, чтобы узнать, что находится по ту его сторону.

Глава XI

В ПУРГУ

Поездка на север Станового хребта — Нижнеколымск, самое страшное место ссылки — На санях под полярным сиянием — Заблудились в снежном шторме — Пять дней в снежной яме — Я зарабатываю репутацию волшебника — Возвращаемся к Крестовскому.

Чтобы добраться до северной стороны Станового хребта, необходимо было пройти одним из немногих доступных перевалов. Мы преодолели его на высоте девяти тысяч футов и оказались в верховьях реки Колымы. Далеко на севере, за бескрайними заснеженными горами и равнинами, лежал город Нижнеколымск, место, которого больше всего боялись сосыльные в Сибирь. Это место предназначено только для самых опасных политических преступников. Их единственное занятие там — это косить сено и собирать ягоды. Провизию им доставляет военный корабль. Никому, кроме русских чиновников не разрешается посещать этот город. От местных жителей я не мог добиться какой-либо определённой информации о Нижнеколымске. У них был строгий приказ от властей в Гижиге не приближаться к этому месту отбывания наказания.

Мы повернули на восток-северо-восток, это направление должно было привести нас обратно в Гижигу. Везде, где было возможно, мы исследовали обнажения и рыли шурфы, чтобы определить, не спрятался ли драгоценный металл в горах или на дне ручьёв. В горах наш курс лежал по верховьям реки Парана, которая течёт на юго-восток и впадает в Охотское море. Мы прошли водоразделом между ней и Гижигой и попытались взять курс прямо к дому Крестовского. Вскоре мы вышли к участку тундры шириной в двести миль. Здесь мы напали на след нескольких «собачьих» коряков, которые, очевидно, ехали со своими мехами. Тундра была ровной, как стол, снег твёрдый и ехать было так легко, что можно было сидеть и дремать, пока собаки сами по себе мчались по белому простору.

Хотя стоял декабрь, ночи были светлыми из-за полярного сияния, а в полдень солнце просто сияло красным диском над горизонтом на юге. Этот месяц известен в этом регионе своими сильными ветрами. Дни были в основном пасмурными. На второе утро после того, как мы отправились в путь, поднялся лёгкая снежная позёмка. Крестовский неодобрительно покачал головой и сказал, что собирается шторм. Мы были как раз посередине открытой тундры, в самом неподходящем месте,

чтобы пережить шторм из-за полного отсутствия дров для костра. Крестовский подтвердил, что приближается пурга, так в этих местах называют снежную бурю. Около полудня шторм обрушился на нас с полной силой. Я поминутно привставал в санях, пытаюсь разглядеть впереди какой-нибудь стланик, который мы могли бы использовать в качестве дров для костра; но всё было напрасно. В конце концов собаки потеряли дорогу и могли идти только по запаху. Когда видимость стала такой, что мы едва могли разглядеть наших вожakov, мы остановились, позволив остальным догнать нас. Работая снегоступами, как лопатами, мы расчистили в снегу глубиной шесть футов пространство примерно восемь на восемь футов. Поставив три нарт по краю ямы, мы засыпали их снегом. Затем сняли брезент с одних из них и с помощью ремней из моржовой кожи соорудили что-то вроде крыши над нашим убежищем. Собаки, приведя в себя порядок, вырыли в снегу ямки и устроились спать. Их почти сразу же засыпало снегом. Столбик термометра в это время показывал тридцать пять градусов ниже нуля. Мы не могли сказать, шёл ли на самом деле снег или его только гнал ветер, но, во всяком случае, всё пространство вокруг было наполнено им, и перспектива на ближайшие дни была совсем безрадостной. Мы выстлали дно ямы шкурами, достали наши спальные мешки и приготовились к длительной осаде.

Поскольку топлива у нас не было, нам пришлось есть всё холодное. Замороженное оленьё мясо, если есть его в сыром виде, не очень аппетитно, но оно, вместе с сухарями и толчёными пельменями, составило наш рацион на следующие несколько дней. Поскольку рыбы у нас осталось совсем немного, рацион собакам ограничили. В снежном заточении мы провели четыре томительных дня, каждые три-четыре часа вынужденные вылезать и освобождать брезент от тяжести снега. Одежда отсырела от нашего дыхания, что было крайне неприятно. В конце концов стало так плохо, что я приказал пустить на дрова одну из нарт, и в тот день мы пировали горячим чаем. У нас закончилось всё оленьё мясо, поэтому мы перестали кормить собак, а оставшуюся рыбу ели сами. В результате собаки начали грызть свою сбрую, и их пришлось приковать собачьими цепями, которые мы возили с собой специально для этого. Время, проведённое в нашем убежище, не было потеряно совсем зря. Чтобы скоротать томительные часы, я дал своим северным друзьям несколько уроков астрономии, используя снежки в качестве наглядных пособий. Это была не идеальная обсерватория, но, по крайней мере,

снега было достаточно, чтобы представить все небесные тела, вплоть до звёзд четырнадцатой величины. Всё началось с того, что они спросили меня, как Бог создал полярное сияние. На стене нашего убежища я примерно изобразил Большой масонский храм в Чикаго. Они смотрели на это очень вежливо, но я видел, что они поняли, что в прошлом я был мошенником. Я рассказал им всё о выборах, телефонах, граммофонах и железных дорогах и по выражению их лиц понял, что они догадываются, что я сошёл с ума от переохлаждения. Они переглядывались и бормотали: «Дурак, дурак», что по-русски означает «сумасшедший».

Я также развлекался тем, что показывал им компас, а маленьким магнитиком, зажатым в кулаке, заставлял магнитную стрелку выкидывать всевозможные коленца. Они спрашивали, что заставляет стрелку постоянно двигаться, на что я заявил, что она укажет на любое место, которое мне надо, просто попросив её сделать это. Скептик Крестовский задумал поймать меня и попросил направить стрелку в сторону Гижиги. Но незадолго до того, как разразилась буря, я случайно узнал о том, где находится Гижига, потому что мельком увидел гору неподалёку от этого города. Потому я положил компас на колени, зажал в кулаке магнит и начал махать над компасом руками, изображая колдовские пассы, и замогильным голосом вещать магическую формулу:

Раз-эри, два-эри, икери Энни,
Филосон-фолосон, Николас Джон!
Увики-скувики-скавики, Пенни,
Стикелум-стакелум Джонико Бон!¹

Рука с магнитом остановилась в нужном положении, и стрелка уверенно указала на Гижигу. Старый Крестовский сидел с выражением изумления и ужаса. Он оглянулся через плечо, словно ища, куда бы убежать, и воскликнул жалобным голосом: «О, Господи!».

После долгого молчания он спросил, ответит ли компас на его вопросы. Я сказал, что не знаю, но он может попробовать. Напряжённо уставившись на компас, он склонился над ним, пытаясь подражать моим движениям, и попросил прибор указать ему направление, в котором находился его дом. Конечно, стрелка, которую я тем временем заставлял раскачиваться во всех направлениях, остановилась и показала точно на север, прямо противоположно направлению на его дом. Он выглядел озадаченным и сказал, что это, должно быть, потому, что он не

¹ На самом деле это старая английская детская считалочка – прим. перев.

понимает волшебную формулу, и я великодушно пообещал научить его заклинаниям когда-нибудь в будущем.

Я также показал несколько простеньких фокусов, которые на самом деле напугали его так, что он вылез из нашего убежища и какое-то время сидел на снегу в полном одиночестве. Позже я обнаружил, что моя репутация волшебника распространилась по всей округе, и мне снова и снова приходилось повторять эти старые трюки перед восхищённой публикой.

В походе

Ночью пятого дня буря утихла, и снова выглянули звезды. Наша измождённая компания выползла из заточения и запрягла слабых, но послушных собак, которые, казалось, знали, что мы недалеко от дома; они радостно и нетерпеливо подёргивались в упряжи, и вскоре мы заскользили по снежной равнине.

В десяти милях от дома Крестовского мы спустились на продуваемый всеми ветрами лёд Чёрной Речки, притока Гижиги. С этого места путь был идеальным. На обоих берегах были дрова, но мы не останавливались, чтобы развести костёр. Собаки были очень слабы, но не замедляли бега, зная, что они рядом с домом. Мы ехали так быстро, что сани

постоянно заносило на гладком льду, грозя опрокинуться, но удерживались благодаря умению каюров пользоваться остолом.

Ещё в миле от дома Крестовского мы увидели женщин и детей, выбегающих нам навстречу. Из-за шторма и нашего опоздания на две недели, мы знали, что за нас будут тревожиться. И вот, с дюжиной детей, повисших по бокам саней, мы въехали в деревню. На нас обрушился град объятий и поцелуев, от которых я уклонялся, как мог. Заботливые руки отвязали наших верных собак, и мы все вошли в дом. В деревне все были предупреждены о нашем приближении когда мы были ещё далеко, потому что у каждой собаки на спине был маленький колокольчик. Люди слышали звон ещё до того, как мы появились в поле зрения.

Сказать, что нас ожидал королевский пир — это ещё ничего не сказать! Груды тюленьего жира, оленьего мяса, костного мозга и ворвани с клюквой и галлоны чая! Никогда бы я не подумал, что с радостью обменяю снег на паразитов. Пожалуй, самым большим удовольствием была возможность вымыть лицо и руки, чего я не делал добрую неделю.

Глава XII

РОЖДЕСТВО. ОЛЕННЫЕ КОРЯКИ

Я отмечаю Рождество с двумя сотнями туземцев — Корякские снайперы — Комические особенности русской пляски — Отправляемся в Каменное — Ещё один пробег — Убитый олень — Любопытный дар природы — Восемь семей в одной юрте — Корякский способ мытья посуды — Стадо из десяти тысяч оленей.

Когда я добрался до города, русские поинтересовались, чего я достиг, и я был вынужден признаться, что не обнаружил никаких значительных залежей золота в верховьях Гижиги.

Ещё до моего отъезда я объявил местным жителям, что щедро заплачу чаем или другими товарами за камни, подобранные в руслах ручьёв и доставленные в Гижигу. Теперь я обнаружил, что меня ожидают более тонны таких образцов. Они оказалось настоящим кладом информации. Я считал местных жителей заслуживающими доверия, и знал, что они не станут подбирать образцы поблизости и говорить, что привезли их издалека. Некоторые из тех, что я исследовал, были привезены за семьсот миль. Следующие три недели были потрачены на тщательное изучение и классификацию этих образцов; таким образом я смог определить различные геологические формации этого района. Я

хотел как можно скорее отправиться в путь, но так как приближалось Рождество, невозможно было собрать собачьи упряжки, поэтому я был вынужден отдыхать.

Я сидел в своём домике в канун Рождества, с лёгкой грустью вспоминал старые времена, и мне пришло в голову отпраздновать этот славный день каким-нибудь шумным безумством. Я зарядил всё своё огнестрельное оружие, и когда наступила полночь, вышел на улицу и дал волю всем своим револьверам, винтовкам и дробовикам. Первым результатом было четыреста собак, которые ответили воем и лаем, продолжающимся до утра. Утром прибежали мои русские друзья, чтобы узнать, что такое я праздную. Я сказал им, что это наше Рождество. Их Рождество наступает на двенадцать дней позже нашего. Когда они узнали причину моего веселья, они куда-то пропали, но через пару часов начали появляться женщины и дети, каждый с дымящимся блюдом. Там было мясо, дичь, ягоды, пирожки, рыба, ворвань, фаршированные куропатки, оленьи языки и многое другое — столько, что хватило бы накормить добрую сотню человек. Когда на столе уже не было места, чтобы ставить миски с угощениями, они ставили их на пол. Я понимал, что они привезли гораздо больше, чем я мог осилить, и был несколько смущён их чрезмерной щедростью. Но мои опасения оказались напрасны, так как вскоре начала прибывать вся деревня. Первыми пришли священники и начальники, а затем все остальные по убывающей, и к тому времени, как они закончились, всё хорошее, что было принесено, было съедено, а также всё то, что я получил от миссис Брагиной. Зато две сотни человек были накормлены, а у меня всё вычищено — буфет, полки и погреб. То, что детишки не могли съесть, они клали себе в карман. Лавочники прислали мне мешочек с медяками, сказав, что в таких случаях принято давать каждому ребёнку по монетке. Когда я ложился спать, я решил, что никогда больше не буду нарушать покой рождественской ночи огнестрельным оружием.

В канун Нового года, опасаясь, что пиршество может повториться, я улизнул на снегоступах в тундру и провёл день, охотясь на куропаток. Мне повезло, и я настрелял столько, что едва мог унести. Эти красивые маленькие птички размером с голубя, но более толстенькие. Летом их окраска коричневая, а зимой чисто белая, и если они неподвижно сидят на снегу, то их почти невозможно обнаружить. Местные мальчишки охотятся на них с луками. Почти все жители крайнего севера — хорошие стрелки, их учат этому с детства. Чтобы добыть горностая или белку,

они должны быть настоящими снайперами, потому что эти зверьки маленькие, и их нужно убивать выстрелом в голову, иначе шкурка ничего не будет стоить. Для такой охоты используются винтовки немецкого производства двадцать второго калибра. Они заряжаются с дула, и их можно купить во Владивостоке за четыре рубля. Туземцы стреляют из них с упора-сошек, и у горноста на расстоянии семидесяти пяти ярдов не остаётся никаких шансов.

Около двадцати лет назад правительство направило роту опытных казаков в эти места, чтобы научить местных жителей стрелять. Они установили мишени, и казаки немного постреляли напоказ. Туземцы бесстрастно за этим наблюдали, а когда им предложили показать, как они умеют стрелять, отказались, но позвали своих парней, которые легко превзошли в меткости казаков. Эти наставники так и не продвинулись дальше Гижиги, хотя планировалось разослать их по всему округу.

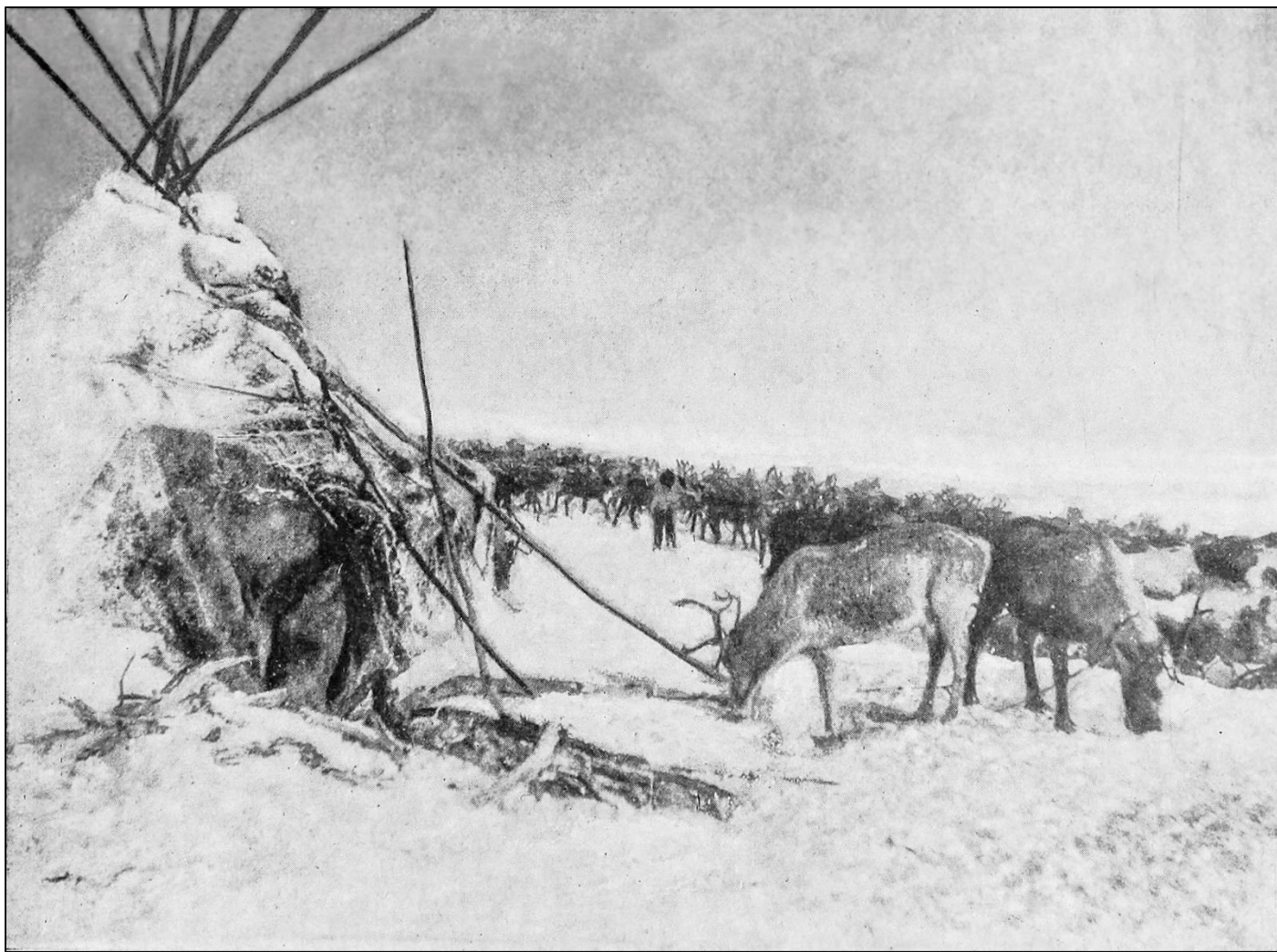
Местные жители всегда интересовались моими шестизарядными кольтами сорок пятого калибра, поскольку в этих краях такое оружие неизвестно. В молодости я пожил в Аризоне и Техасе и считал себя неплохим стрелком. Однажды туземец, у которого я остановился, попросил меня дать ему выстрелить из моего револьвера. Я вырвал листок из своей записной книжки и приколот его к дереву на расстоянии примерно двадцать ярдов. Я выстрелил первым; пуля попала примерно в дюйме от бумаги — довольно хороший выстрел; но старый коряк взял оружие, неторопливо прицелился и спустил курок — пуля попала точно в листок. Я не заметил никакого ликования ни на его лице, ни у кого-либо из наших зрителей. Они восприняли как само собой разумеющееся, что их соплеменник превзошёл меня в стрельбе из моего собственного оружия; причём он держал в руках такой револьвер в первый раз! С тех пор я никогда не пытался соревноваться в стрельбе с коряками. Моим единственным утешением было то, что это могло быть случайностью, потому что он отказался стрелять ещё раз, хотя я на этом настаивал. Для охоты на крупную дичь они используют Винчестер сорок четвёртого калибра или немецкий дульнозарядник сорок пятого калибра.

Застолье на русское Рождество длится три дня. С утра всё население идёт в церковь, после чего начинается соревнование кто напьётся первый; побеждает, как правило, священник. Мужчины запрягают собак и ездят от дома к дому, пируя и выпивая. Этикет требует, чтобы мужчина

пользовался своей упряжкой, даже если ему ехать в соседний дом в пятидесяти ярдах. Женщины расхаживают в цветастых ситцевых платьях и ярких шёлковых платках, а мужчины в своих лучших мехах, расшитых шёлком. Одной из наиболее характерных особенностей празднования Рождества является то, что накануне каждый человек принимает полную ванну с мылом. Волосы расчёсываются и укладываются заново. Человек преобразается настолько, что часто даже закадычным друзья с трудом его узнают. Весь день по домам ходят ватаги мальчишек и поют рождественские гимны. Они входят в чей-нибудь дом, кланяются иконам и поют свои песни, после чего полагается дать каждому из них монету или чего-нибудь поесть. Вечером то же повторяют молодые люди постарше, за исключением того, что они носят с собой большие колеса со свечами, которые они крутят перед иконой, распевая рождественские гимны. За это они получают примерно полтинник на всех.

На следующий день я начал ответные визиты. Это большая обида для хозяина — если вы не попробуете каждое блюдо на его столе, поэтому в результате я вскоре просто объелся. А вечером ещё пришлось ужинать с миссис Брагиной... После чего в её доме собралась потанцевать вся деревня. Для музыки у нас были пианино, аккордеон и скрипка; на последней играл старый русский, который знал шестнадцать тактов одной мелодии и повторял её снова и снова, до бесконечности. Таким незатейливым образом мы веселились до утра. Танцы, а вернее единственный танец представлял собой забавную разновидность кадрили, в которой почти весь танец исполняли мужчины. Дамы стояли по краю, а мужчины — в центре. Танцевали они очень энергично, со множеством па, напоминающих негритянскую чечётку «бак-энд-уинг» на моей родине. При этом они кричали во весь голос. Что касается женщин, то они просто двигались взад-вперёд мелкими семенящими шажками, и кружились на месте. Самовар всё это время работал на полную мощность, и пот катился со всех градом.

Около полуночи веселье стало чрезмерно шумным и буйным, и все начали целоваться и обниматься, потому что к этому времени больше половины были изрядно пьяные. Худшая особенность такого русского праздника заключается в том, что под действием винных паров все становятся страшно привязчивыми.

Северные олени

Когда рождественские праздники закончились, я начал подготовку к более обширному плану исследований. Моей целью было изучить долины рек, стекающих со Станового хребта в Берингово море и берега этого моря, а затем повернуть на юг к заливу Барона Корфа на восточном побережье Камчатки, где, как говорили, были обнаружены залежи серы; затем пересечь перешеек полуострова Камчатка до мыса Мамет и вокруг Пенжинской губы Охотского моря до Гижиги, моей отправной точки. Общее расстояние путешествия, включая выходы на маршруты, составит более двух с половиной тысяч миль. Это расстояние я должен преодолеть с 15 января по 15 мая, когда нельзя уже будет пользоваться санями.

Моей первой заботой был отбор и покупка самых лучших ездовых собак, которых только можно было найти в городе. К этому времени я уже достаточно поднаторел в управлении собачьей упряжкой. Старина Крестовский не хотел участвовать в такой длительной поездке, и поэтому я выбрал своим старшим каюром полукровка Митрофана Сновидова.

Двое жителей заключили контракт на поездку до деревни Каменное, которая находится в трёхстах милях к северо-востоку от Гижиги. Они не захотели ехать дальше, потому что местность за ней была им неизвестна. Но исправник дал мне письмо к двум казакам, расквартированным в Каменном, с просьбой предоставить местные собачьи упряжки, чтобы отвезти меня оттуда на восток. Я брал с собой совсем немного собачьего корма, так как в местах, где мне предстояло ехать, множество оленей, и мы могли добыть необходимое мясо. В Гижиге заканчивались припасы, и всё, что я мог купить, — это чай, сахар, табак и немного сухофруктов.

В середине января мы отправились в путь, все в добром здравии и расположении духа, и вся деревня проводила нас дружными криками «Счастливого пути!». Термометр показывал сорок шесть градусов ниже нуля. Собаки были упитанными, лапы в хорошем состоянии. Но управлять ими удавалось с трудом. Дорога была совершенно разбитой, и нарты мотало из стороны в сторону в постоянной опасности наткнуться на какое-нибудь препятствие и перевернуться. Мне пришлось снять кухлянку и работать в свитере, но всё равно даже в такой холод движения согревали меня. Через пару часов собаки перешли на устойчивый шестимильный аллюр, и, оставив слева дом старика Крестовского, мы взяли курс прямо через тундру к горам, видневшимся далеко на северо-востоке. К пяти часам мы увидели следы оленей, по которым определили, что мы приближаемся к стойбищу, которое будет нашим ночлегом. Поднявшись на возвышенность, мы увидели внизу, в укрытой от ветра долине, несколько тысяч оленей, принадлежавших обитателям полудюжины чумов из шкур.

Упряжка Сновидова, которая бежала впереди, учуяла оленей и помчалась вниз по склону, я за ними, хотя я и тормозил остолом изо всех сил. Это, впрочем, никак не повлияло на мою скорость, и я понял, что теряю контроль над упряжкой. Слева, возле чума, стояло стадо оленей, и, несмотря на все мои усилия, мои собаки свернули с пути и бросились прямо на них. Олени тут же бросился прочь. Сновидов уже перевернул свои сани и остановил упряжку, но я весь отдался острым ощущениям! Я оставил в покое остол и буквально «дал упряжке волю». Мне пришла в голову идея избавить коряков от необходимости забивать нескольких своих оленей, сделав это самому. Как раз в тот момент, когда Старый Рыжий уже набрал полный рот шерсти, погоня внезапно закончилась

тем, что нарты перевернулись. Туземцы поспешили схватить собак и, оттащив их к жилищам, надёжно привязали.

Я охотился на антилоп в Техасе, ловил диких индеек в Аризоне, гонясь за ними верхом, но для доброй увлекательного погони дайте мне четырнадцать лихих ездовых собак, бескрайнюю тундру и стадо оленей, бегущих впереди!

Стадо северных оленей

К своему удивлению и удовольствию, я обнаружил, что старый ко-ряк, староста деревни, был тем самым человеком, который помог мне прошлым летом, когда я пытался найти дорогу обратно в Гижигу. Теперь мне было проще с ним разговаривать, чем тогда, тем более что переводчиком у меня был Сновидов. После чая я вышел на улицу посмотреть, как там идут дела. Четверо мужчин были среди стада, заарканивая тех, кто предназначался для забоя. Они делали это во многом так же, как ковбои у меня на родине. Поймав животное, двое мужчин держали его, в то время как третий доставал длинный острый нож и вонзал его в

сердце оленя. Бедное животное делало пару судорожных движений и падало замертво. Коряки не пускают кровь своим животным, когда забивают их. Сцена эта разыгрывалась трижды, для каждой упряжки предназначался один олень. Это происходило на виду у собак, которые прыгали от нетерпения и приветствовали лаем каждый взмах ножа.

На этом работа мужчин заканчивалась, и за дело принимались женщины и дети, первые с острыми ножами, а вторые с мисками. Их частью работы было освежевать и разделать оленей. Ловкими движениями они вспороли животы и вытащили внутренности, очень осторожно, чтобы вся свернувшаяся кровь осталась в брюшной полости. Когда внутренности были удалены, тушу перевернули, а кровь собрали в миски и отнесли собакам. Коряки едят даже копыта оленей после того, как обжарят их на костре и таким образом вытопят желатин. Языки и мозговые кости были отложены для домашней кухни, а все остальные части туши достались собакам.

Когда женщины снимали шкуру с оленя, я заметил, что время от времени они наклонялись и отрывали зубами маленькие округлые бугорки с внутренней стороны шкуры. Они были длиной в дюйм и толщиной в четверть дюйма и окружены жиром. Оказалось, что это личинки овода, они особенно мучают оленей летом. На одной шкуре я насчитал их более четырёх сотен. Один маленький ребёнок предложил мне пригоршню. Оказалось, что местные жители считают их деликатесом. Оводы откладывают крошечные яйца под кожу оленя в середине лета, и личинка развивается там в подкожном жире. Следующей весной у оленя начинается мучительный зуд, он трётся обо всё, что ни попадя, и таким образом высвобождает созревшего овода — муху длиной в дюйм. После этого цикл яйцо-личинка-муха повторяется. Таков хитроумный механизм природы, который заставляет овода искать единственное место, где его личинки могут находиться в тепле и безопасности во время зимних холодов.

Когда был освежён последний олень, мужчины принесли топоры и разделали туши на равные части, каждая собака получила добрых десять фунтов. Я оставил их урчащими и рычащими над едой и вернулся в чум.

Чумы этих туземцев покрыты снаружи оленьими шкурами, мех на которых подстрижен до четверти дюйма длины. Конструкция каркаса этого жилища очень рациональна и является результатом многовеко-

вого опыта. Для поддержания их в вертикальном положении не требуются оттяжки, так как каркас сконструирован таким образом и так укреплен изнутри, что может выдержать самый сильный ветер. После того, как женщины закрепляют шесты на месте, на них закрепляются олени шкуры, каждая отдельно; они не сшиваются вместе, поэтому легко снимаются при разборке чума. Наверху есть, конечно, обычное отверстие для дыма.

Чум, в котором я находился, был около тридцати пяти футов в диаметре и четырнадцати футов в высоту и разделялся с помощью занавесок из шкур на восемь небольших помещений, каждое из которых могло быть полностью закрыто для уединения. В каждом таком отделении восемь футов в длину, пять футов в высоту и шесть футов в ширину может разместиться целая семья. Обогреваются они только светильниками. Большой костёр в центре чума предназначен не для обогрева, а в первую очередь для приготовления пищи, все семьи используют его совместно. Различные котелки подвешиваются над огнём с помощью деревянных крючков. Пищу либо варят, либо едят сырой. Сковородками они, похоже, не пользуются.

Главный вход в чум снабжён двумя оленьими шкурами, внутренней и внешней. Собаки обычно ютятся между ними, и иногда какая-нибудь из них пробирается в сам чум, но её тут же выгоняют.

Наш ужин состоял из отварных оленьих рёбрышек, палочек замороженного костного мозга и полупереваренного мха, извлечённого из желудка оленя. Последнее было приготовлено на тюленьем жире и по виду очень напоминало шпинат. Мне было нелегко заставить себя съесть это, но я так сильно соскучился по растительной пище, что в конце концов смог преодолеть отвращение и обнаружил, что это, в конце концов, не так уж и плохо. Таким образом, северный олень обеспечивает коряка мясом, одеждой, кровом и растительной пищей. Пищу подавали на деревянных тарелках и подносили ко рту пальцами, за исключением того, что для «шпината» у них были ложки, вырезанные из рога горного барана. Хозяин настойчиво предлагал мне из своих рук самые вкусные жирные кусочки, и я их принимал. В этих высоких северных широтах всем нам хотелось жира или любой жирной пищи. Женщины с нами не ели. Мы с хозяином сидели в одной из кожаных комнаток, в то время как женщины оставались у костра. Дети не стали противиться своему любо-

пытству, они лежали на земле и наблюдали за мной из-под края перегородки. Для меня это выглядело как ряд маленьких круглых головёнок, со всей серьёзностью смотрящих на меня.

Северные олени, пастухи на заднем плане

После того, как мы поели, я порадовал всех, отправив Сновидова к саням за чаем и сахаром. Хозяин достал семейное сокровище — аляповато раскрашенные чашки, о которых я уже упоминал. Женщины обливали тарелки и протёрли их мхом, после чего был подан чай.

Странное влияние оказывает окружающая среда; годом ранее ничто не могло бы заставило меня пользоваться этими чашками после того, как я увидел, как их моют подобным образом. Может быть, я был, в конце концов, дикарём, а моя «цивилизованность» — лишь тонкой внешней оболочкой? Временами я ловил себя на том, что смотрю на жизнь с точки зрения этих людей. Я думал, мечтал и разговаривал во сне на смеси языков. Иногда я разговаривал сам с собой по-английски, просто чтобы насладиться его звучанием. У меня не было с собой книг, кроме Библии в моем саквояже, но шрифт был слишком мелким для чте-

ния, разве что при хорошем освещении. Работа была моим единственным спасением. Если бы я был вынужден оставаться на одном месте, я бы опасался за свой рассудок.

После двух-трёх чашек все вспотели и стали снимать одну одежду за другой, пока мужчины полностью не обнажились, а женщины — по пояс. Выпив с десятков чашек, мы отдали чайник пить чай тем, кто находился в основной части жилища. Я дал каждому по кусочку сахара, а сам, откинувшись на шкуры, раскурил трубку и завёл долгую беседу с хозяином, в ходе которой узнал много любопытного.

Перед сном двух самых маленьких детей положили в крошечные люльки, подвешенные кверху чума. В отделении, в котором я спал, в ту ночь было восемь человек. Светильник оставили гореть всю ночь. Насколько я понял, вентиляция там полностью отсутствовала.

Когда на следующее утро я выполз из этой зловонной берлоги, я обнаружил, что собаки очень встревожены; они постоянно скребли снег задними лапами. Это был верный признак приближения одной из самых страшных бурь — большой пурги. Поскольку я уже знал, что это такое, у меня не было никакого желания пережить подобное ещё раз; поэтому я решил подождать здесь, пока всё не уляжется. К десяти часам пурга уже вовсю бушевала, и на следующие три дня жизнь в деревне замерла. Незадолго до того, как разразилась непогода, я сделал несколько фотографий северных оленей. Они были очень доверчивыми, подходили ко мне, нюхали одежду и даже лизали её, надеясь, что она хоть немного солёная. Мне приходилось носить с собой короткую палку, чтобы они не прижимались ко мне слишком близко. Я побродил среди стада, насчитывавшего около десяти тысяч голов, и посмотрел, как они едят. Они разгребали снег копытами, пока не добирались до мха, который залегал примерно на глубине десять дюймов, а затем, опустившись на колени, поедали его. Мох имеет толщину около десяти дюймов и представляет собой рыхлую губчатую растительную массу. Он не выдержит веса человека, нога провалится в него. Это превосходный корм для оленей, но лошади его есть не будут. Тунгусский олень, который крупнее корякского, питается только мхом, но корякский может есть как мох, так и траву.

У этих кочевников есть постоянные дороги к побережью и обратно, и поколение за поколением они следуют одними и теми же старыми проторенными тропами. В декабре они кочуют от моря дальше всего. Раз в две, три или четыре недели, в зависимости от количества мха и

размера стада, они сворачивают стойбище и отправляются в путь. В конце декабря они поворачивают к морю и пускаются в обратный путь, так что к июню и появлению комаров они оказываются у моря. Олени жадно слизывают со скал соль и даже пьют морскую воду. Они остаются на побережье до конца августа, пока морозы не убьют комаров, а затем уходят вглубь страны ещё на одну долгую зиму. Летом олени становятся худыми и слабыми, потому что у берега для них мало мха. Каждое лето по всему побережью Берингова моря можно насчитать тысячи оленей. Несколько лет назад, когда правительство Соединённых Штатов пожелало сохранить поголовье северных оленей на Аляске, они стали привозить их за огромные деньги аж из Лапландии, везли их через американский континент по железной дороге и затем пароходом на Аляску. К тому времени, когда они прибыли, те, что не умерли дорогой, должно быть, стоили огромную сумму. А если бы правительство отправило пароход в единственный рейс через Берингово море, оно могло бы купить пятьдесят тысяч северных оленей прямо на побережье по цене пятьдесят центов за штуку. За деньги у туземцев нельзя ничего купить, так как туземцы не понимают их стоимости, но оленей можно приобрести в обмен на табак по цене в один рубль за голову. Некоторые богатые туземцы могли бы принять некоторое количество серебряных монет, но не в качестве платёжного средства, а чтобы сделать из них пуговицы для одежды своих детей.

Гон у оленей приходится на июль, и драки между самцами в это время нередки. Но большинство оленей-самцов кастрированы, для размножения оставляют лишь некоторое достаточное количество. Местные жители тщательно оберегают свои стада и днём, и ночью, но не используют для этого собак. Главным врагом оленей является большой серый сибирский волк, ростом не уступающий сенбернару. Единственный такой хищник может ворваться в стадо, отрезать от него трёх-четырёх оленей и угнать их в тундру. Когда олень устанет от погони, волк хватает его за нос, валит на землю и убивает.

Оружие, используемое коряками, а также тунгусами против волков — это современные винтовки, или, за их отсутствием, обычные старомодные дульнозарядные ружья. Иногда они устанавливают на зверя ловушки, но только ради спортивного интереса. Дети вынимают из лап волков костяшки, расставляют их, как кегли, и бросают в них камни. Даже взрослые мужчины иногда занимаются этим видом спорта. У них

не в обычае использовать северного оленя под седлом. Они даже не переносят на них грузы, как у тунгусов. Даже летом коряк предпочитает перевозить всё на нартах, хотя иногда для того, чтобы тащить груз, требуется до восьми оленей.

Северные олени летом

Есть одна физическая характеристика, которая определяет географическую границу между «собачьими» и «олениными» коряками — это глубина снежного покрова. Например, на полуострове Камчатка есть много мест, где снег настолько глубок, что олени не могут докопаться до мха. Однако на всей северо-западной части полуострова, где в основном селятся коряки, снег не такой глубокий, и содержание оленей возможно.

Глава XIII

ПРИВЫЧКИ И ОБЫЧАИ КОРЯКОВ

Дома в виде песочных часов — Их любопытное устройство — Туземцы оказываются и гостеприимными, и неряхами — Диалекты «собачьих» и «оленных» коряков — Некоторые не очень приятные привычки — Как они считают время — Опьяняющий напиток из грибов — Любопытные брачные обычаи — Одежда туземцев — Странные представления о божественном — Ревность у кочевых коряков — Воровство, как добродетель, и деторождение, как социальная функция.

Когда буря утихла, мы запрягли собак и продолжили наше путешествие. Семь дней превосходного пути на санях привели нас в Каменное, деревню коряков на крайней северной точке Пенжинской губы Охотского моря, где я должен был сменить своих русских собак на других от туземцев. Деревню я увидел с вершины холма в полумиле от селения. Она выглядела как пятьдесят огромных песочных часов, расставленных на равнине, при ближайшем рассмотрении они оказались высотой в десять-двенадцать футов. При нашем приближении из деревни высыпала стая дворняг, а наверху каждого домика показались головы женщин и детей, которым не терпелось взглянуть на такое необычное зрелище, как иностранец. Над каждым домом торчал шест с насаженной на нём замёрзшей собакой. Позже я узнал, что это была форма жертвоприношения богу рыбной ловли для удачи в следующем сезоне.

Когда я вылез из саней, меня окружила самая грязная толпа туземцев, которую я когда-либо видел. Их одежда из шкур была старая и облезлая. Но они были добрыми и приветливыми, и все хотели пожать мне руку. Приглашения в тот или иной из их любопытных домов сыпались со всех сторон. Пока я стоял, размышляя, что мне делать, сквозь толпу протиснулся староста деревни, взял меня за руку и повёл к самой большой хижине. Чтобы войти в неё, нужно было подняться по лестнице на высоту футов десять. Лестница эта представляла собой бревно из плавника, стёсанное наполовину и с небольшими отверстиями в качестве ступенек. У этих туземцев очень маленькие ступни, так что отверстия в лестнице оказались слишком малы, чтобы просунуть пальцы моих ног, но мне как-то удалось вскарабкаться наверх. Теперь я стоял на краю перевернутого восьмиугольного конуса из связанных вместе брёвен, как на краю кратера, который имел восемнадцать футов в поперечнике и снижался к центру под углом около пятнадцати градусов. В центре было

отверстие примерно два на три фута, ведущее вниз, внутрь дома. Оно же было дымоходом, так что чтобы попасть в дом, нужно было спуститься по лестнице прямо сквозь клубы дыма. Говорят, что Санта-Клаус родился на Севере, теперь понятно, что он из коряков, потому что здесь каждый ходит в свой дом через дымоход.

Верхняя часть подземной хижины — жилища «собачьих» коряков

Этот перевёрнутый конус защищает вход в дом от занесения снегом во время пурги. Это его основное предназначение. Кроме того, здесь можно хранить всевозможные вещи и продукты, не опасаясь диких животных. Я обнаружил здесь разнообразные инструменты, собачью упряжь, вёсла, рыболовные снасти и даже дрова. Вслед за старостой я спустился вниз по лестнице сквозь дым и оказался в полуподземном помещении тридцати футов в диаметре и пятнадцати футов в высоту. Поверхность земли была примерно на уровне глаз. Стены дома были сделаны из брёвен, очевидно, из плавника; все они почернели от времени и дыма. Здесь было тепло, так что мне пришлось снять свою меховую

одежду. Помещение было очень тускло освещено тем немногим светом, который проникал через отверстие в крыше; и даже это было частично затемнено дымом, который постоянно поднимался вверх и выходил наружу.

Как только мои глаза привыкли к полумраку, я увидел, что вокруг помещения тянется деревянная платформа высотой в один фут и шириной в шесть, на которой грудami лежат оленьи шкуры. Женщины были заняты тем, что расчищали для меня место, вытряхивали шкуры и выбирали лучшие для моей постели. С присущей им учтивостью, в которой не было, однако, никакой чопорности, пожилой джентльмен подвёл меня к моему месту, сел рядом и начал говорить. Я указал на свои уши, чтобы показать, что не понимаю его.

Между одеждой мужчин и женщин у коряков мало различий, за исключением того, что широкие женские «шаровары» сшиты из чередующихся полос чёрной и белой оленьей шкуры. Одежда их была неописуемо старой, поношенной и грязной, а лица — какими угодно, только не чистыми; но, несмотря на всё это, среди них было несколько очень милых. Женщины заплетали волосы в две косы, закручивали вокруг головы и завязывали спереди.

В этих помещениях можно было ожидать худшего с точки зрения вентиляции, и я был удивлён, обнаружив, что она была прекрасной. Они делают в полу вентиляционный короб, ведущий снаружи через одну из стен к очагу в центре дома. Тяга, создаваемая теплом огня, поднимающимся через дымовое отверстие, приводит к тому, что чистый воздух втягивается снаружи через этот короб. Так что, казалось, не было причин, по которым эти жилища не должны быть удобными и гигиеничными.

Женщины всегда были чем-то заняты, и даже дети прилежно плели нитки из сухожилий позвоночника оленя.

В этом доме я нашёл разрывной гарпун, который туземцы извлекли из тела кита. Он был пущен с какого-то китобойного судна и застрял глубоко в теле животного. Названия судна на нём не было.

В языке коряков два диалекта, на одном из которых говорят собачьи коряки, а на другом — оленные, но различия в них не столь заметны, чтобы стать препятствием для общения между этими двумя разновидностями одного народа. Все эти племена, без сомнения, принадлежат к великой туранской семье и находятся в родстве с монголами, остяками,

самоедами и другими племенами Северной Азии. Доказательства этого как физиологические, так и филологические.

Цитировавшийся выше автор верно говорит об этих людях, что «их образ жизни неряшлив до последней степени; всё вокруг них пахнет рыбой; они никогда не моют лицо и руки, не стригут ногти и не причёсываются, и мужчины, и женщины заплетают волосы в две косички; когда волосы начинают отрастать, они прошивают их нитками, чтобы они прилегали плотнее; в результате у них заводится такое количество вшей, что они могут соскребать их пригоршнями». С того время от этой отвратительной привычки они, похоже, не избавились.

Эти люди насчитывают в году десять месяцев, но не в соответствии с фазами Луны, а в порядке особых событий, которые происходят каждый год с достаточной для этого регулярностью. Месяцы расположены в следующем порядке: Очиститель от грехов, Ломающий топоры¹, Начало тепла, Время долгого дня, Месяц приготовления, Месяц красной рыбы, Месяц белой рыбы, Месяц рыбы кеты, Месяц большой белой рыбы и Месяц листопада. Другие называют их следующим образом: Месяц ледостава, Месяц охоты, Очиститель от грехов, Ломающий топоры, Месяц долгого дня, Месяц щенения лахтаков, Месяц щенения тюленей, Месяц отёла домашних оленей, Месяц отёла диких оленей, Начало рыбной ловли.²

Среди коряков иногда встречается своеобразный обычай пить что-то вроде настойки из некоторых видов грибов. Эффект в некоторых отношениях аналогичен тому, который возникает при употреблении гашиша. Сначала человек трясётся, как в лихорадке и вскоре начинает бессвязно бормотать, как в бреду. Некоторые прыгают, танцуют и поют, другие кричат, как сумасшедшие. Маленькая ямка кажется им бездонной пропастью, а небольшая лужа шириной с озеро. Эти эффекты проявляются только при чрезмерном употреблении напитка; небольшое количество оказывает почти такой же эффект, как и умеренное количество спиртного. Любопытно, что, оправившись после употребления настойки, они утверждают, что все проделки были совершены по приказу гриба. Употребление его сопряжено с опасностью, поскольку, если за человеком не присматривать должным образом, он, скорее всего, погибнет. Коряки иногда принимают это снадобье, чтобы довести себя до

¹ Название происходит от сильных морозов, от которых «ломаются топорища». — *прим. перев.*

² Названия месяцев автор заимствовал из работы С.П.Крашенинникова «Описание земли Камчатки», том II, 1755 г., впервые опубликованной на английском в 1764 году. — *прим. перев.*

состояния, в котором он может убить врага. Три или четыре гриба — это умеренная доза, но если кто-то хочет получить полный эффект, нужно съесть десять или двенадцать.

Китайская помпа

Когда туземец решает жениться, он подыскивает невесту не в своей деревне, а в соседней. Найдя девушку, которая ему нравится, он говорит её родителям, что хочет служить им, и в течение этого испытательного срока усердно работает, чтобы произвести хорошее впечатление. Наконец он просит разрешения украсть девушку. Если к его просьбе относятся неодобрительно, ему платят за оказанные услуги и отсылают прочь, но если он приемлем для девушки, её родителей и родственников, то такое разрешение даётся. Затем жених ищет возможность заставить девушку одну, что нелегко, поскольку предполагается, что её охраняют другие женщины деревни. Кроме того, на девушке надеты две-три шубы, затянуты несколько ремней и ещё намотаны рыболовные сети, так что двигаться она практически не может. Если молодому

человеку удаётся застать её одну или в компании только одной-двух женщин, он хватает её и начинает срывать с неё одежды — это часть церемонии бракосочетания. Но сделать это нелегко; ибо, хотя сама девушка почти не оказывает сопротивления, женщины-охранницы набрасываются на жениха, бьют и царапают его без пощады и используют все средства, чтобы помешать ему достичь своей цели. Однако, если ему удаётся сорвать с неё одежду, он немедленно отступает от неё, после чего она кротко зовёт его обратно, и церемония на этом завершается. Редко случается, что молодому человеку удаётся это с первого раза, и известны случаи, когда мужчина годами безуспешно пытался заполучить свою невесту.

В случае успеха жених увозит невесту в свою родную деревню без каких-либо церемоний, но через некоторое время они возвращаются в дом невесты, и празднуется брачный пир, следующим примерно образом: свадебная компания, включая друзей жениха, располагается на расстоянии в сотне шагов от деревни, из которой была похищена невеста. Они поют и совершают мистический обряд с рыбьей головой, завёрнутой в паклю, которую приносит старуха. На невесту надевают шубу из овчины и вешают на неё столько фигурок божков, сколько она может выдержать. Какой-нибудь парень из деревни приводит невесту домой. Когда она приходит к жилищу своих родителей, вокруг неё обвязывают ремень, и с помощью него спускают через дымоход в дом. Рыбью голову кладут у подножия лестницы, и невеста и все, кто следует за ней, наступают на неё, после чего её бросают в огонь. С невесты снимают все украшения, и компания располагается в доме. Жених разводит костёр и готовит еду, которую принесли специально для этой цели, и угощает жителей деревни. На следующий день всю компанию угощает хозяин, после чего все разъезжаются по своим домам, за исключением невесты и жениха, который остаётся на некоторое время прислуживать её отцу.

Одежда мужчин лишь незначительно отличается от одежды женщин. Оба носят одинаковую верхнюю одежду, при этом юбки либо обрезаются на одинаковую длину, либо задняя часть длиннее передней. У женщин есть нижняя одежда, которую они обычно носят дома. Она состоит из комбинации брюк и жилета, брюки завязываются на ноге ниже колена, а жилет зашнуровывается кожаным ремешком. Как и следовало ожидать, обувь является самым важным предметом в этой северной стране. Летом, когда земля обычно представляет собой сплошное бо-

лото, они носят обувь из шкуры тюленей с мехом наружу, но часто делают свои мягкие сапоги из шкуры с ног северного оленя. Самая изысканная обувь изготавливается с подошвой из белой тюленьей кожи, а верх — из тонкой крашеной кожи, выделанной из шкуры с задних ног белой собаки. Часть, закрывающая икру ноги, изготавливается из выделанной и крашеной тюленьей кожи. Голенища их богато расшиты шёлковыми нитками. Если молодой человек носит такую обувь, сразу делается вывод, что он находится в поисках жены.

С момента окончательного завоевания этого края русскими о войнах тут практически забыли, но в процессе завоевания туземцы оказывали упорное сопротивление. Они никогда не сражались в открытую, а всегда прибегали к хитрости. Отряд казаков, прибывший в деревню, мог быть гостеприимно встречен, дань выплачена, да ещё сделаны подарки, и бдительность казаков ослаблена, то ночью они могли проснуться в жилище, объятom огнём. И если кому-то и удавалось вырваться из пламени, его ожидала ещё худшая участь, ибо тогда его медленно замучили бы до смерти огнём или выпотрошили и разрубили на куски живьём. Если туземцев было много, и они были хорошо вооружены, то, узнав о приближении казаков, они укреплялись на какой-нибудь возвышенности и удерживали её сколько могли. Если они не могли удержать свои позиции, они сначала убивали своих женщин и детей, а затем себя или бросались на врага, чтобы быть безжалостно уничтоженными.

У этих людей есть некоторые представления о Боге, но они не воздают ему почестей. Напротив, они относятся к его имени с крайней непочтительностью и рассказывают о нём истории, которые соперничают со сплетнями о языческих богах. Они ставят ему в вину, что он создал слишком много крутых гор, быстрых рек и наслал так много непогоды. Иногда они ставят где-нибудь столб, украшают его тряпочками, и всякий раз, проходя мимо, бросают к нему кусочки рыбы или другой еды. Но бросают не то, что могли бы использовать сами — а только рыбы хвосты или другие отходы. Помимо этих столбов, есть и другие места, которые они считают священными, такие как вулканы, горячие источники и другие места — какие-нибудь дремучие леса, которые, как они воображают, населены дьяволами, которых они боятся гораздо больше, чем богов.

Один русский, который долгое время жил среди этих людей, говорил о них:

Все их верования, как в богов, так и в дьяволов, безусловно, очень просты и нелепы; однако это показывает, что они стараются объяснить существование всего, что их окружает, насколько это в их силах; а некоторые из них даже пытаются проникнуть в мысли птиц и рыб. Но когда какое-нибудь верование однажды утвердилось, они никогда не утруждают себя вопросом, возможно ли это или нет. То есть, их религия полностью зависит от древней традиции, в которую они верят, не подвергая сомнению. Они не имеют представления о каком-либо высшем существе, которое влияет на их счастье или несчастье, а считают, что удача или неудача каждого человека зависит от него самого. Они верят, что мир вечен, душа бессмертна, и что она снова соединится с телом и будет жить вечно, подвергаясь тем же тяготам и невзгодам, что и в этой нынешней жизни, с той лишь разницей, что у них будет больше всего необходимого для жизни. Они верят, что даже самые маленькие животные воскреснут и будут жить под землёй. Они думают, что земля плоская, и что под ней есть небесный свод, подобный нашему; и под этим небесным сводом другая земля, подобная нашей, на которой, когда у нас лето, у них зима, а когда у нас зима, у них лето. Что касается будущих воздаяний и возмездий, они верят, что в ином мире богатые будут бедными, а бедные станут богатыми.

Их представления о пороке и добродетели столь же необычны, как и те, которые они имеют о Боге. Они верят, что всё законно, что доставляет им удовлетворение их желаний и страстей, и считают греховным только то, от чего они ожидают опасности или гибели; так что они не считают ни убийство, ни самоубийство, ни прелюбодеяние, ни насилие, ни тому подобное каким-либо злом: напротив, они смотрят как на смертный грех спасти любого тонущего, потому что, по их понятиям, тот, кто спасёт такого человека, вскоре сам утонет. Они также считают грехом купаться в горячей воде или пить её, а также подниматься на вулканы.

Они поклоняются некоторым животным, от которых, по их мнению, исходит опасность. Они приносят жертву у нор соболей и лисиц, просят китов и моржей не переворачивать их лодки, а на охоте умоляют медведей и волков не причинять им вреда.

Кочевые коряки чрезвычайно ревнивы и, случается, убивают своих жён по малейшему подозрению. Супружеская измена карается смертью обоих провинившихся. Эта крайняя ревность со стороны мужей объясняет тот факт, что женщины не заботятся о своей внешности и всегда

грязны и непривлекательны. Они говорят, что их мужья считают, что любая попытка украсить себя была бы признаком того, что они сомневаются в своих чувствах, потому что их мужья могут любить их и без каких-либо таких украшений. С оседлыми коряками, живущими в домах «песочных часах», дело обстоит наоборот: они крайне небрежны к добродетели своих жён и дочерей, настолько, что часто одалживают их своим гостям или близким друзьям. Отказ от этой любезности они считают величайшим оскорблением.

Среди всех этих племён, за исключением камчадалов, воровство считается уважаемым до тех пор, пока человек не крадёт у людей своего собственного племени. Когда кражу обнаруживают, она строго наказывается, но только потому, что вор был недостаточно умен, чтобы избежать разоблачения. Девушка-чукча, например, не может выйти замуж, пока не докажет свою ловкость в этом деле. Убийство не считается особо тяжким, если только не убивают соплеменника. В этом случае родственники умершего мстят за преступление. Кровосмесительные браки чрезвычайно распространены. Мужчина часто берет в жёны двоюродную сестру, тётю или даже тёщу. Фактически, любой родственник, кроме матери и дочери, может стать его женой.

Как только рождается ребёнок, они выделяют для него несколько оленей, но ребёнок не получит их, пока не достигнет зрелости. Давая ребёнку имя, они соблюдают определённый ритуал. Воткнув две палки, они связывают их верёвкой, а к середине её подвешивают камень. Затем они произносят имена родственников ребёнка, и в ходе этого перечисления, если им покажется, что камень колеблется, ребёнку даётся имя, произнесённое в этот момент. Без сомнения, самым любопытным обычаем этих людей является то, что роды являются общественным мероприятием, и вся деревня может собраться, чтобы присутствовать при этом событии.

Мёртвых обычно сжигают. Покойника одевают в его лучшие одежды, а любимый олень везёт его к месту кремации. На этом месте делают большой костёр, и в пламя бросают руки покойника и что-нибудь из его домашней утвари. После этого убивают оленя и бросают его в огонь вместе с телом человека. Год спустя они приносят к месту кремации двух молодых оленей и большое количество оленьих рогов и, хороня последних, делают вид, что посылают покойнику стадо оленей для использования в загробном мире.

Глава XIV

К БЕРИНГОВУ МОРЮ. ЧУКЧИ

Чукчи, сибирские апачи — Их гостеприимство по отношению к американцам и враждебность к русским — В чём мой опыт отличается от опыта г-на Гарри Де Виндта — Результат облизывания куска камня при температуре минус 45° — Коникли — Сила морального убеждения в общении с непокорным коряком — Излечение умирающей и недовольство её мужа — Подушный налог и чукчи.

Сразу же по прибытии в деревню Каменное я начал искать собачьи упряжки, которые увезли бы меня в долгое путешествие по побережью Берингова моря. Раздобыть там хороших собак было трудно, но после четырёх дней терпеливых поисков я нашёл двух сильных молодых каюров, у каждого из которых была упряжка из двенадцати собак. Я договорился с ними, что они будут сопровождать меня на всём пути в полторы тысячи миль, за пятьдесят фунтов табака и двадцать фунтов сахара; всё это я заплатил вперёд.

Экипированный таким образом, я покинул Каменное и двинулся на северо-восток, следуя вдоль линии гор и исследуя реки и ручьи, каньоны и ущелья в поисках драгоценного металла. По возможности мы останавливались в стойбищах коряков, но всё равно страдали от сильных холодов. Нередко нам приходилось обходиться вообще без огня, в такие моменты приходилось предпочитать сырое мясо пустым желудкам.

Следующие несколько недель мы продвигались к побережью; один день сменялся другим в монотонной работе: дорога... разбивка лагеря... шурфы и пробы в поисках золота промышленного содержания. Недалеко от побережья мы впервые встретили чукчей. Название этого племени сами чукчи произносят как «чау-чу» или скорее «т'чау-чу» — апостроф означает, что начальная буква «т» произносится несколько отдельно. Обычно считается, что эти люди довольно некрасивы, а русским так и не удалось подчинить их себе, в отличие от других сибирских племён. Чукчи — это апачи Сибири; когда на них нападают, они скрываются в своих укреплениях в горах, где до них практически невозможно добраться. Они ведут сугубо кочевой образ жизни и питаются исключительно за счёт своих огромных стад северных оленей. Они намного выше ростом и шире в плечах, чем любое другое племя, которое я видел.

Рост многих из них составляет пять футов и одиннадцать дюймов. Женщины тоже высокие и хорошо сложенные.

Российские власти в Гижиге предупреждали меня, чтобы я был осторожен, когда встречусь с этими свирепыми людьми, но я счёл это совершенно излишним. Они чётко понимали разницу между русским и американцем. Их предпочтение американцам объясняется тем фактом, что русские пытались заставить их платить дань и вели с ними беспорядочную войну в течение пятидесяти лет, в то время как американские китобои привозили им предметы торговли, в которых они остро нуждались. Они проявляли ко мне величайший интерес и делали для меня всё, что было в их силах. Они брали меня с собой в длительные поездки вверх по водным путям для моих изысканий и бесчисленным количеством других способов демонстрировали своё доброе участие. Они были единственным народом в Сибири, с которыми мы не торговались за мясо или транспорт. Они просто не желали слушать мои предложения о плате, и лишь с трудом мне удавалось уговорить их принять подарки в виде табака или чая. Они с улыбкой говорили мне, что лучше мне сохранить всё это до тех пор, пока я не окажусь на Камчатке, «где все люди — воры». Я чувствовал себя среди чукчей в такой безопасности, что ни разу не вынул из багажа своё оружие и не принёс его с собой в палатку. Один пример покажет вас, как эти добрые люди относились ко мне. Однажды мне надо было сделать трёхдневное путешествие через горы. Для этого потребовалось двадцать пять оленей и пять погонщиков. Деревенский староста настоял на том, что он повезёт мой багаж, а мои собачьи упряжки побегут налегке, без груза. За эту услугу мне удалось заставить его взять двадцать патронов.

Мистер Гарри де Виндт путешествовал в этих местах, прибыв со стороны Америки и позже сообщал, что был захвачен в плен туземцами и, претерпев множество невзгод, был спасён военным кораблём¹. Учитывая мой опыт общения с чукчами, мне трудно понять почему у мистера де Виндта сложились такие отношения с этим народом. Я путешество-

¹ Гарри де Виндт (1856 – 1933), английский писатель и путешественник, высадился в чукотском селении Уныын осенью 1896 года и прожил у туземцев два месяца, так и не сумев проследовать дальше в Анадырь, т. к. чукчи отказывались везти его, уверяя, что снегу мало, реки не стали и т. п. Наконец, ему удалось попасть на проходившее китобойное судно и уехать в Сан-Франциско, где он пожаловался на действия чукчей русскому консулу. Был ли это на самом деле «пленом», остается неясным...

В 1902 году де Виндт с двумя спутниками предпринял «сухопутное» путешествие из Парижа в Нью-Йорк и в начале лета проходил примерно в тех же местах, что и Вандерлип. – *прим. перев.*

вал в тех же местах, которые посещал он, и местные жители всегда относились ко мне как к дорогому гостю. И я могу сказать, они — самое прекрасное племя туземцев, с которой мне когда-либо доводилось встречаться.

Один из непобеждённого племени чукчей

Что касается золота, то путешествие не принесло никаких результатов. Вскоре после отъезда из Каменного я наткнулся на пласт песчанника, после чего исчезли всякие следы жёлтого металла. И теперь я приближался к побережью, хотя ещё не видел его. Восьмого марта мы достигли подножия горного хребта, и один из коряков, указав на далёкую

вершину, сказал, что с этой точки мы сможем увидеть океан. Воодушевлённые, мы двинулись дальше. Собаки к этому времени уже сильно утомились, и мы обращались с ними очень бережно. На ногах у них были мягкие «мокасины» из оленьей кожи. Теперь их нужно было постоянно понукать. Мы больше не садились на нарты, а шли рядом и помогали собакам, подталкивая нарты за дугу. На крутых подъёмах приходилось сдваивать упряжки и делать две поездки, что существенно удлиняло путешествие. В это время я был вынужден коротко подстригать бороду, потому что на горьком опыте убедился, что мои усы смерзаются с бородой сплошной массой льда, которую приходилось срезать ножом. В обычную холодную погоду борода служит защитой от холода, но в тех обстоятельствах я обнаружил, что она причиняет ужасные неудобства.

Аналогично, местные жители готовы платить больше за короткошёрстных собак, потому что в случае с длинношерстной собакой влажное дыхание из её ноздрей вскоре покрывает её массой сосулек. С короткошёрстной собакой такого не происходит.

Однажды в полдень, незадолго до того, как мы достигли побережья, мы разбили лагерь, и примерно в полумиле от нас я увидел обнажение необычной белой скальной породы. Подумав, что стоит её осмотреть, я надел снегоступы и пошёл к ней, пока остальные готовили ужин. Термометр показывал сорок пять градусов ниже нуля. Приблизившись, я обнаружил, что камень белый от какого-то налёта. И затем, не думая о последствиях, я отломил кусок весом около двух фунтов и беспечно лизнул его. Конечно, мой язык тут же намертво примёрз к камню. Мне пришлось вернуться в лагерь, всё ещё прижимая камень к лицу. Мгновение мужчины удивлённо смотрели на меня; затем один из них поспешил принести чайник с тёплой водой и попытался выплеснуть мне в лицо, но вода не попала в нужное место. За то, что он сделал дальше, я всегда буду благодарен. Он набрал большой глоток воды, а затем, прицелившись, побрызгал между камнем и моим лицом. После этого я избавился от мучений. В результате на камне остался кусочек кожи от языка размером с монету. Эта глупая выходка была совершенно непростительной, поскольку у меня уже был печальный опыт обращения с оружием на морозе голыми влажными руками, после чего я обернул все мои ружья в оленью кожу, так что снаружи остались только прицелы.

Наши собаки были теперь настолько измотаны, что некоторые из них могли уже только ползти за нами из последних сил. Время от вре-

мени я оглядывался назад и видел, как они отчаянно пытаются не отстать, потому что, казалось, знали, что их единственный шанс выжить — это добраться до лагеря засветло, чтобы получить хоть немного корма, который был уже на исходе. Они были совершенно бесполезны в упряжке, потому что не только не тянули, но и мешали тем собакам, которые могли тянуть. В начале пути у меня было четырнадцать отличных сильных животных, но теперь их осталось восемь; и даже они выглядели как живые скелеты. Однако эти восемь были бойцами до мозга костей и готовы были тянуть, пока не упадут замертво. Старый Рыжий, всё ещё мой самый лучший вожак, когда я командовал «Хэк, хэк!», оглядывался через плечо жалостливыми глазами и затем снова опускал голову и с новой силой натягивал ошейник, и дыхание его прерывалось кашлем. Последние пять дней нас преследовали вóроны, они, похоже, знали, что, если собаки сдадутся, у них будет пир. Что касается нас, людей, то нам ничего не угрожало, потому что мы легко могли дойти до побережья пешком.

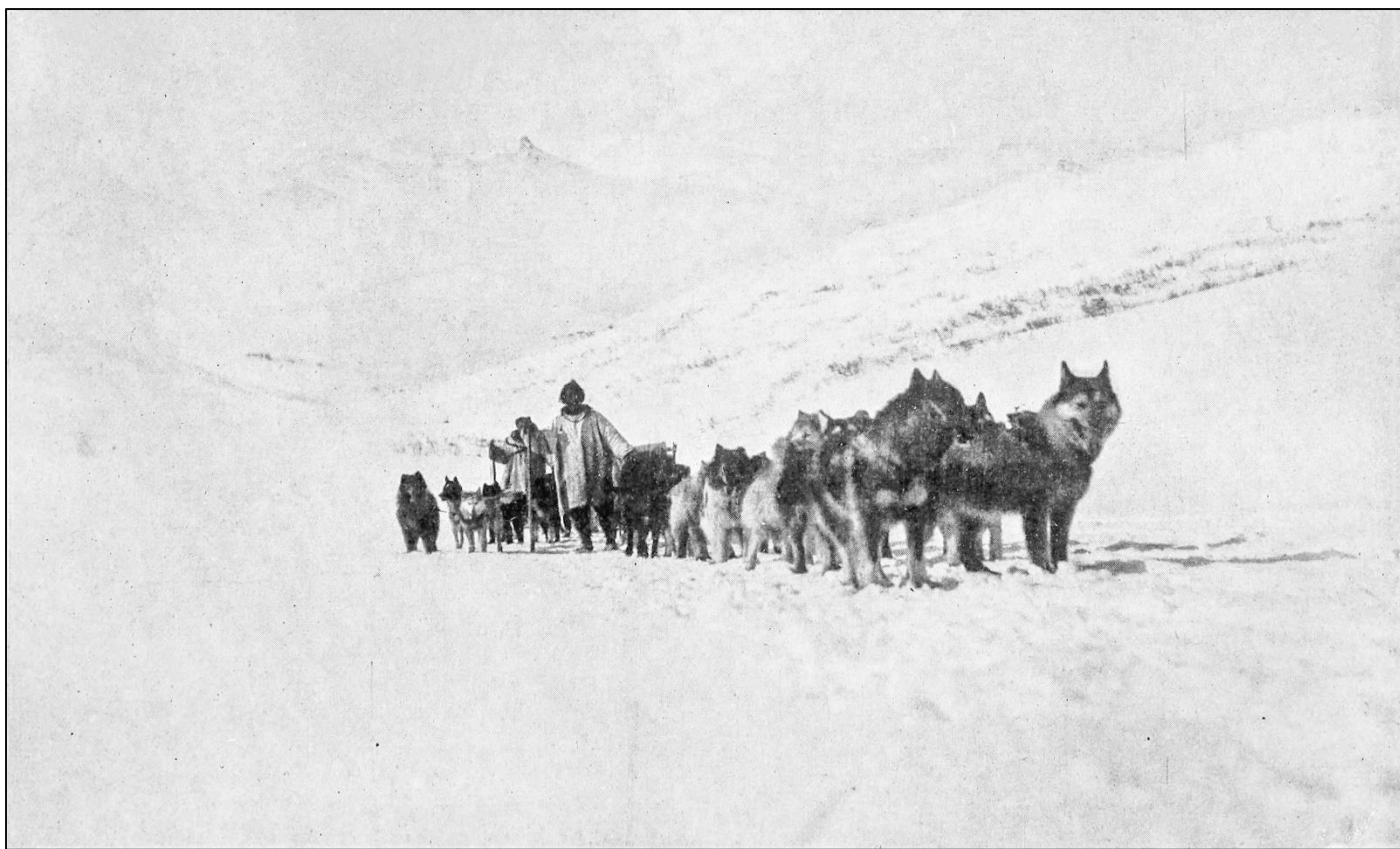
Наконец, в один незабываемый день мы дотащились до этой последней вершины, и перед нами, наконец, показалось море с паковым льдом, простирающимся на пятнадцать миль от берега. Внизу, в десяти милях от нас, в виде маленьких чёрных точек можно было разглядеть «песочные часы» коряков, где, как мы знали, были тепло, еда и отдых для нас и наших собак. С тех пор я хорошо представляю себе, что чувствовал Ксенофонт и десять тысяч его воинов, когда они увидели воды Эвксинского моря и радостно закричали: «Таласса, Таласса!»

Собаки наши были совершенно измучены, но мы всё равно поспешили вниз. И в тот момент, когда мы остановились, бедняги упали как подкошенные и заснули, даже не подумав о еде. Их полное истощение было вызвано тем, что в течение последних десяти дней мы ехали по столь необитаемой местности, что раздобыть для них достаточно еды было невозможно.

Мы испытали такое облегчение, вновь оказавшись в «цивилизации», что не спешили двигаться дальше. Люди приняли нас так гостеприимно и с такой неподдельной добротой, что мы провели у них неделю, отдыхая и приводя в порядок собак. Каждый день нас угощали замороженной и вяленой рыбой, моржовым жиром и мороженной черникой.

В деревне жили представители разных племён, в их жилах примерно в равных пропорциях текла кровь чукчей, коряков и камчадалов.

У некоторых представителей этого племени вьющиеся волосы, чего я раньше в Сибири не видел. Они говорят со своеобразным «прищёлкиванием», которое так непривычно для западного уха и которое, как я всегда предполагал, присуще только африканским языкам.

На перевале, откуда мы увидели Берингово море

На второй день нашего пребывания там собаки, которые отстали от нас в пути, подтянулись. Их привязали на прежние места в упряжках и щедро накормили тюленьим жиром и горячим рыбным супом, обильно заправленным жиром. Было интересно наблюдать, с какой жадностью они глотали, не прожёвывая, огромные куски прозрачного жира. К концу отдыха все они поправились, лапы зажили, и они снова были готовы к дороге. Некоторых из них, которые проявили меньшую выносливость, мы продали и купили других. Лучшим средством обмена оказались небольшие мотки шёлковых ниток для вышивки, которые я предусмотрительно захватил с собой. Мотки, купленные во Владивостоке по два с половиной цента за штуку, легко приносили здесь доллар. Я бы продал их дешевле, но они подняли цену на собак с пяти долларов до двадцати, и я был вынужден последовать их примеру. Шёлк был всех цветов радуги; было интересно наблюдать за лицами этих туземцев, особенно женщин, когда они пожирали глазами разноцветные мотки.

Они используют шёлк для вышивания низа своих меховых одежд, некоторые из которых выглядят настоящими произведениями искусства. Известно, что торговцы платят до двухсот долларов за одну такую вещь. Количество вышивок на них просто огромно. Иногда они делают мозаику из квадратиков кожи в четверть дюйма всех цветов и оттенков, а по низу каждого предмета одежды проходит широкая шёлковая бахрома. Туземцы смеялись над ценами, которые я называл, и добродушно упрекали меня, говоря, что они могли бы купить то же самое в Гижиге гораздо дешевле; на что я со смехом отвечал, что они вольны пойти и купить сами. Всякий раз, выходя из дома, я дарил каждой женщине по несколько иголок, что в этих местах является очень дорогим подарком.

В этой деревне, как я уже говорил, живут не чистокровные чукчи, чистокровные смотрят на них свысока, как на беспородных, часто совершают на них набеги и уводят их самых красивых женщин.

Теперь моей целью было повернуть вдоль побережья на юг и осмотреть песчаные берега моря и реки, впадающие в Берингово море, вплоть до перешейка Камчатки, или залива Барона Корфа. Поскольку я всё ещё находился в районе песчаников, вероятность найти золото в прибрежных песках казалась невеликой. Поэтому я должен был двигаться на юг, не останавливаясь, кроме как для отдыха, если только геологическая формация не изменится по мере моего продвижения.

И вот однажды утром, попрощавшись с моими новыми друзьями, которые так хорошо принимали нас, мы отправились в путь, держась немного выше линии берега, где снег ровнее. Только однажды я попытался сократить путь по льду через морской залив. И тут же почувствовал, каково это — пытаться достичь Северного полюса. Ни разу нам не удалось пройти по прямой и пятидесяти футов по этому невообразимому нагромождению торосов и трещин. В тот день мы преодолели всего восемь миль, и собаки так измучились, что нам пришлось остановиться на два дня для отдыха. Несколько раз в тот несчастный день я проваливался в воду по пояс, что требовало немедленной смены одежды. Ежечасно в воду попадали собаки, их приходилось вытаскивать, после чего делался утомительный обход опасного места.

На шестой день мы достигли залива Барона Корфа. Это длинный узкий залив, протянувшийся с юго-запада на северо-восток; в его вершине

находится маленькая корякская деревушка¹, где было решено остановиться и нанять проводника, который отвёз бы меня к залежам серы, которые, как предполагалось, были в потухшем вулкане неподалёку. Жители деревни были той же смешанной крови, что и в предыдущей деревне, но их дома не были в виде песочных часов. У них была просто подземные жилища с отверстием, ведущим внутрь. То, в который я остановился, было пятнадцати футов в ширину и десяти в высоту.

Кассеган, русский торговец-полукровка, и его жена-корячка,
живущие у залива Барона Корфа

¹ Судя по всему, это была деревня Тилички, ныне село, административный центр Олюторского района Камчатского края. — прим. перев.

В этой деревне основным занятием является охота на тюленей. Это настолько важное животное для этих людей, что каждый год они проводят своеобразную церемонию в его честь — простодушную и основанную на суевериях.

Недалеко от этого места находится огромное месторождение угля, обнаруженное русским военным кораблём около двадцати лет назад. Уголь низкого качества, но при необходимости его можно использовать для пароходов. Угольные пласты выходят на поверхность прямо у кромки воды. Там я обнаружил три угольные жилы общей толщиной в восемьдесят футов.

Это была деревня «собачьих» коряков, поэтому вокруг каждого входа в подземное жилище лежало по полдюжины собак, блаженствующих от запаха еды, поднимающегося с дымом очага. Я, как всегда, был в поиске хороших собак, и в этой деревне увидел самый прекрасный экземпляр сибирской ездовой собаки, который мне когда-либо посчастливилось увидеть. Он был рыжевато-коричневого цвета, с великолепной головой, спиной и плечами. Стройный, мускулистый, с прямыми ушами и хвостом, загнутым в самом лучшем стиле. А с нашей лучшей собакой он расправился за полминуты. Его звали Конибли, что означает «Один из двух», и его чучело сегодня можно увидеть в Американском музее естественной истории. Я подарил его Джесуповской экспедиции, во главе которой стоял мистер Бакстон¹, с которым я впоследствии встретился во Владивостоке по пути на север. Я попытался заполучить эту собаку, но, к своему огорчению, обнаружил, что она была назначена для жертвоприношения и её нельзя было продавать. После тщетных торгов, на которых цена за Конибли дошла до пятидесяти долларов чаем, сахаром и шёлком, я пришёл к печальному выводу, что этой собаке мне не купить. Но тут Сновидов, моя правая рука, намекнул мне: «Есть способ получше. Мы можем просто забрать его и оставить достаточную компенсацию». Оказалось, что туземцы с радостью продали бы его, но не осмеливались сделать этого, опасаясь прогневить божество, которому он был принесён в жертву. Однако, если бы мы забрали собаку силой, они не были бы виноваты и просто потребовали бы за него компенсацию. Поэтому я поручил Сновидову уладить этот вопрос настолько дипломатично, насколько он сможет.

¹ Зоолог Норман Г. Бакстон (1872-1947) был рядовым членом северо-сибирского отряда Северо-Тихоокеанской экспедиции Джесупа. Начальником отряда был В.И.Иохельсон. — прим. перев.

Мы прождали ещё один день коряка по имени Миела, который должен был провести нас к залежам серы, и когда он прибыл, приготовились отправиться в путь на следующее утро. Сани были нагружены накануне вечером, и где-то ночью мои каюры запрягли собак, в том числе Коникли, и выехали из деревни. Когда наступило утро, владелец собак сделал вид, что очень удивлён, обнаружив, что его пёс пропал, и, естественно, предположил, что его забрали мои люди. Он потребовал, чтобы я заплатил за украденное животное. Я, конечно, протестовал, но в конце концов заплатил полную цену, и все разошлись счастливые и довольные. После этих этических упражнений мы выехали из деревни и направились на юг, к устью реки, вблизи которой предположительно находились залежи серы; но, к своей досаде, я обнаружил, что это место находится в двадцати милях от берега моря, вверх по несудоходной реке и по очень пересечённой местности. Я сразу понял, что это никогда не станет хорошим предприятием по добыче серы¹, но решил осмотреть месторождение, чтобы иметь возможность дать подробный отчёт.

Двенадцать миль мы поднимались вверх по долине и к ночи прибыли к подземному дому Миелы, а на следующее утро увидели в восьми милях кратер потухшего вулкана, в котором залегала сера. Мы разгрузили сани и, взяв с собой только кирки и лопаты, через два часа оказались на вершине вулкана. Кратер был частично засыпан снегом, но с одной стороны, там, где его сдувало ветром, он был неглубоким. Мы осторожно спускались по крутому склону кратера, пока Миела не остановил нас и не сказал: «Копайте здесь». Расчистив шестифутовый слой снега до земли, я обнаружил, что она усеяна отдельными валунами, покрытыми тонкой плёнкой серы, очевидно, поздним сольфатарным отложением из кратера, который был недавно активен. Признаки эти не обещали большого содержания серы, но даже если месторождение окажется богатым, я прекрасно понимал, что добыча никогда не окупится. Удалённость от побережья, пересечённая местность и полное отсутствие древесины исключали возможность этого. Таким образом, тщательный осмотр этого места был излишним.

После этого я был готов отправиться к мысу Мамет на западном побережье полуострова, но понимал, что если я проделаю весь обратный путь до залива Барона Корфа, чтобы начать путь оттуда, то потеряю

¹ Малетойваямское месторождение самородной серы было детально разведано в 1960-х годах (балансовые запасы серы 16,25 млн т. – крупнейшее на Дальнем Востоке), но до сих пор не разрабатывается. – прим. перев.

много времени. Одному из моих коряков надоело путешествовать, и он настаивал на том, чтобы вернуться домой кратчайшим путём, а не через мыс Мамет. Он категорически отказывался пересекать горный хребет, так как весеннее солнце теперь размягчало снег, и он опасался, что в любой момент нас может накрыть лавина. Я уже понял, что этот маршрут не будет по-настоящему опасным ещё недели три, и что если мы пройдем его прямо сейчас, то будем вполне в безопасности. Итак, утром в день старта я отослал другого коряка с одними из саней, а затем повернулся к тому, кто не хотел, и спросил, пойдёт ли он со мной через горы. Он по-прежнему сказал «нет». Я вытащил револьвер и сказал ему, что его единственный шанс снова увидеть свой дом — это немедленно запрячь собак и полностью повиноваться мне. Он мгновение постоял, глядя в этот неотразимый аргумент, затем молча повернулся и начал запрягать. После этого у меня не было с ним проблем.

В кратере потухшего вулкана, разыскиваем серу.
Залив Барона Корфа, Камчатка

Чтобы показывать нам дорогу через горы и прокладывать тропу там, где это необходимо, я нанял две оленьи упряжки. Они ехали на милую впереди, чтобы не попадаться на глаза собакам. Двигаться таким образом было несложно, так как для собак это была просто погоня на целый день; каждая из них бежала, уткнулась носом в землю и воображала, что скоро испытает ни с чем не сравнимое наслаждение, вцепившись в горло северному оленю.

Перед наступлением ночи Миела привёл нас в деревню коряков из трёх хижин. Когда мы приблизились к ней, я увидел толпу, сгрудившуюся вокруг чего-то на земле. Это оказалась женщина средних лет, лежащая на оленьей шкуре, и, казалось, умирающая. Я спросил, почему она не в жилище, и мне сказали, что она попросила, чтобы её вынесли наружу. Я осмотрел её и решил, что она больна гриппом и требует интенсивного лечения. Она не спала уже третью ночь, поэтому я дал ей двадцать гран хинина, две таблетки слабительного и одну десятую грана морфия. На следующее утро она проснулась с ясными глазами и чувствовала себя лучше во всех отношениях. Я дал ей ещё десять гран хинина, и в тот же день она села и с аппетитом поужинала мясом и «шпинатом». Я думал, что её излечение было чем-то вроде чуда, потому что, когда я увидел её, мне показалось, что она была *in articulo mortis*¹. Когда я уже собирался уезжать, муж этой женщины, владелец большого стада оленей, спросил меня, не забыл ли я чего-нибудь, и намекнул, что я не заплатил за мясо, которое съели мои собаки. В ответ я спросил, не считает ли он, что лечение его жены является достаточной компенсацией, но, тем не менее, заплатил сколько он просил и уехал. Мои коряки позже рассказали мне, что старик разозлился из-за того, что он уже выбрал молодую и симпатичную девушку в качестве следующей жены. Увы! Я невольно встал между мужем и женой и разрушил (по крайней мере, его) семейное счастье. Так что я не уверен, но может быть, я зря не позволил ей умереть?

Наш путь вёл вверх по череде каньонов и затем по высокому плоскогорью, пока не достиг вершины хребта. В этих каньонах мы часто проезжали под огромными снежными карнизами, и я с тревогой поглядывал вверх, но ничего на нас не падало, кроме комочков снега и мелких камешков. Преодолев хребет, я решил больше не рисковать и ограничил путешествие ночным временем, когда снег затвердевал от холода.

¹ *in articulo mortis* (лат.) – в самый момент смерти. – прим. перев.

Была уже середина апреля, и солнце в полдень поднималось всё выше. Снег становился слишком рыхлым, чтобы беспрепятственно путешествовать в дневное время. На этой стороне гор я нашёл многочисленные мелкие включения угля, особенно в породах в руслах ручьёв. Основной породой этого района был песчаник, что практически означало отсутствие золота. Наконец вдалеке показались голубые воды Охотского моря, сверкающие под лучами заходящего солнца. Мы быстро спустились к берегу, где увидели несколько жилищ в форме песочных часов, а в устье небольшого ручья — мыс, вдающийся далеко в море. Это был мыс Мамет, куда я направлялся, потому что до русских дошли сообщения о том, что в этом месте причаливает американская шхуна и возит руду в Сан-Франциско.

Первый вопрос, который я задал местным жителям, заключался в том, правда ли, что такое судно действительно там останавливалось, и на него был дан утвердительный ответ. Один из жителей предложил провести меня к месту, откуда бралась руда. Естественно, я был в приподнятом настроении, поскольку появилась надежда найти что-то, что принесло бы выгоду моим работодателям. На следующее утро мы отправились вдоль берега. Проводник мой подвёл меня к обрыву из песчаника и показал место, откуда они брали руду. Сказать, что я был ошеломлён, было бы мягко сказано. Когда я достаточно пришёл в себя, я спросил, зачем всё это было погружено на судно, и гид спокойно ответил, что это было сделано для того, чтобы судно не перевернулось. В конце концов оказалось, что судно было русским, а не американским. А деревня эта была местом встреч торговцев, и шхуна прибыла сюда, чтобы выменять у туземцев шкуры на продукты цивилизации. Конечно, после разгрузки судна ему необходимо было принять балласт, и для этого они использовали песчаник. Мне осталось только развести руками и постараться отнестись к этому философски.

Нашим следующим шагом было отправиться в обратный путь вокруг Пенжинской губы в Каменное. Дорога по ровной тундре была прекрасная. Вожаками были теперь Коникли со Старым Рыжим, и каждый раз, когда мы останавливались, они дрались, потому что последний очень ревновал меня к Коникли, которого он считал выскочкой.

Мы мчались по проторенной дороге; коряки распевали свои туземные песни, Сновидов спел одну из русских народных песен, а я, чтобы не отставать, время от времени вставлял им несколько тактов из какой-

нибудь трогательной лирики, типа «Жаркое время»¹ или «После бала»². Таким образом, мы коротали долгие часы в дороге.

Заготовка оленей для корма собакам

Каждые несколько часов мы менялись местами, чтобы каждая упряжка по очереди бежала первой, так как только у каюра головной упряжки была хоть какая-то работа. Остальные могли даже лечь и заснуть, если бы захотели, потому что собаки тянули ровно и терпеливо, как мулы. Работа была их второй натурой. Я всегда удивлялся, как их приучают к такому тяжёлому труду. Оказалось, что, когда щенкам исполняется четыре месяца, их отдают на воспитание маленьким мальчишкам. Те составляют из щенков небольшие упряжки, иногда с собакой-матерью в качестве вожака, чтобы возить воду из соседнего ручья или ездить за дровами. К тому времени, когда им исполняется год, они готовы к передаче взрослым, которые вводят их в упряжку к старыми опытными товарищам, и вскоре обучение завершается. Этот метод не

¹ «There'll Be a Hot Time in the Old Town Tonight» – популярная американская песня, сочиненная, возможно, в 1896 году Теодором Августом Мецем на слова Джо Хейдена. – прим. перев.

² «After the Ball» – популярная американская песня, классический вальс, написанная в 1891 году Чарльзом К. Харрисом. – прим. перев.

только тренирует собак, но и учит обращаться с ними мальчиков, так что к тому времени, когда те становятся молодыми мужчинами, они уже вполне опытные каюры.

После нескольких дней прекрасного путешествия мы прибыли в Каменное, где я нашёл гижигского исправника, который делал ежегодный объезд своего района для сбора налогов. Коряки платят ежегодный подушный налог мехами в размере четырёх с половиной долларов. Их отвозят в Гижигу и там продают с аукциона. Все северные аборигены платят такой налог, за исключением чукчей, которые традиционно не платят ни цента. Я нашёл исправника в одной из хижин, полулежавшим на медвежьих шкурах, добрым и приветливым, как всегда. Над ним было устроено нечто вроде навеса, чтобы защитить его от пыли и копоты с потолка. Он был одет в свой мундир зелёного с золотом цвета, с саблей на боку. Он угостил меня чашечкой отличного кофе и заставил съесть фунт ароматной ягоды, чтобы взбодрить меня перед дорогой в Гижигу. Я приберёг кофейную гущу и потом три или четыре раза заваривал её, пока в ней не осталось ни следа кофеина.

Глава XV

ЛЕТНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Тундра летом — Переправа через стремительную реку Парень — Буквально миллиарды комаров — Уникальные меры защиты от этих тварей — Безумная гонка на плоту по реке Учинней — Разжигание костра из пистолета — Чудом не утонули — Афоня оказывается человеком с характером — Пак пойман на краже провизии и сурово наказан — Питаемся только диким луком и недозрелыми ягодами — Помощь, наконец!

Отдохнув два дня, мы направились прямо на юго-запад, где в трёхстах милях лежала Гижига. Поскольку снег теперь был очень мягким, деревянные полозья наших нарт были бесполезны. Мокрый снег налипал на них и делал движение почти невозможным. Поэтому мы купили наборы полозьев, вырезанных из рёбер кита и сточенных до толщины в четверть дюйма. Эти полосы прикрепляются к полозьям саней с небольшим перехлёстом, а стыки заглаживаются. Они так же хороши на мокром снегу, как обледенённые деревянные полозья — на сухом. Мы преодолели эти триста миль за четыре дня, что было довольно неплохо, учитывая тот факт, что мы возвращались лишь с половиной тех собак, с которыми отправлялись в путь. Однако правда и то, что мы сделали

пару ценных приобретений, особенно Коникли, которым я был доволен всё больше и больше. Мы кормили собак лучшим, чем могли себе позволить, и они работали в упряжках от двенадцати до четырнадцати часов в день. Провизия у нас почти закончилась, мы возвращались практически пустыми.

В длительных путешествиях туземцы обычно оставляют по пути часть своей провизии, чтобы потом использовать её на обратном пути. Для этого они сооружают помосты между деревьями немного выше линии снегопада, и к тому времени, когда снег растает, продукты будут на порядочной высоте и сухие. Никому другому, кроме владельца, и в голову не придёт прикасаться к таким припасам.

Экспедиция в марте. Коникли на переднем плане

Когда мы вернулись в Гижигу, снег уже быстро таял, и на склонах холмов кое-где начала появляться зелень. Однако я думал, что снега будет ещё достаточно, и я смогу сделать небольшой маршрут по полуострову, лежащему между двумя северными заливами Охотского моря, в

поисках залежей киновари, о которых до меня доходили слухи. Но после двух дней, погоняв собак по голой бесснежной тундре, я решил, что это не так просто, бросил это дело и, разочарованный, вернулся. К 1 июня снег сошёл уже окончательно, за исключением самых высоких холмов и укромных затенённых уголков, где всё ещё лежали глубокие сугробы. Уровень воды в реке тоже был всё ещё высокий, по ней плыли льдины. Солнце светило теперь двадцать часов в сутки.

Вскоре я был готов к летнему путешествию. Я заручился поддержкой моего старого друга Крестовского, и, взяв с собой шесть его лошадей и двух моих корейцев, которые зимовали в Гижиге, пока я путешествовал к Берингову моря, отправился в путь верхом. Седло подо мною принадлежало мистеру Джорджу Кеннану, который оставил его в деревне тридцать лет назад. В то время он был одним из руководителей экспедиции Американо-Русской Телеграфной Компании, целью которой было построить телеграфную линию через Берингов пролив и соединить два континента¹. От этого седла осталась только деревянная основа и небольшой кусочек кожи на лукé с клеймом Сан-Франциско. Миссис Брагина сказала, что мистер Кеннан подарил ей седло, когда уезжал; я приделал к нему стремяна и пользовался им всё лето.

Держа курс на север, мы добрались до дома Крестовского к вечеру, все вымокшие и в грязи. Тундра была похожа на бесконечное болото, в котором нам приходилось брести по колено в воде. Чтобы избежать этого, мы старались держаться русел ручьёв, в которых не было мха и кочек. Несмотря на лёгкую поклажу, лошади всё равно проваливались по самое брюхо; нам с трудом удавалось проходить в среднем пятнадцать миль в день. В некоторые дни мы продвигались всего на пять.

Нашей целью была река Учинней, что означает «Красная». Это сравнительно небольшой речка, впадающий в Парень у её истока. Туземцы рассказали мне, что в верховьях этой речки есть две красные горы, где скалы усеяны блестящими жёлтыми точками. Это место находилось примерно в трёхстах милях к северу от Гижиги.

Когда мы приблизились к холмам, тропа стала лучше. Тундра в это время года представляла собой сплошную массу ярких цветов всех оттенков радуги. Растений вообще было бесконечное разнообразие, но цветы были просто неописуемо красивы! За каждым холмом, нас ожидала поляна то сплошного розового или алого цвета, то голубого или

¹ См. Дж. Кеннан «Кочевая жизнь в Сибири». — прим. перев.

жёлтого, то фиолетового — или однотонное, или в различных сочетаниях. Мы любовались этими красотами, но и не забывали удостоить своим вниманием прекрасные грядки дикого лука, который мы тоже с большим удовольствием поедали. Летом овощей хотелось так же сильно, как зимой ощущалась потребность в жирной пище. Чуть не каждый час мы добывали утку или гуся, и потому путешествие наше походило на непрерывное пиршество. Сопровождавшие нас Коникли и Гавка тоже пировали, только леммингами, которых тут было великое множество. Собаки ловко ловили их и, хорошенько тряхнув, глотали целиком. Размером эти грызуны были с небольшую домашнюю крысу.

Через тундру

22 июня мы взошли на высокий перевал, ведущий в долину реки Парень. Мой барометр показал высоту в шесть тысяч футов. В этот же день началась пурга с мокрым снегом, которая заставила нас спрятаться под высоким обрывом, где мы оставались до следующего дня. С началом

спуска погода улучшилась, и вскоре мы увидели внизу густо поросшие лесом берега Парени, где Крестовский и двое его сыновей должны были оставить меня с моими корейцами и проводником-тунгусом Афоней. В ту ночь мы разбили лагерь на берегу реки.

Теперь мы находились в совершенно необитаемой местности и должны были питаться только тем, что предоставит нам природа. Рыбы и дичи было множество, так что опасности голодать не было. У нас было с собой несколько рыболовных сетей. Здесь их делают из конского волоса, который привозят из Центральной Сибири. Ячейки сетей были довольно большие, рассчитанные на крупного лосося. Мы ставили их в устьях небольших ручьёв, а затем загоняли в них рыбу и быстро ловили сколько нам надо.

Река Парень, даже в своём верхнем течении, была весьма опасным потоком шириной в двести ярдов, в это время года вздувшимся из-за таяния снегов. Нам было необходимо пересечь эту реку, потому что Учинней впадал в неё с другой стороны. Старый Крестовский был убеждён, что я не переберусь на тот берег, но я заверил его, что смогу, если поблизости будет лес. До этого я пообещал, что заплачу за тех лошадей, которых потеряю во время путешествия. Когда мы спустились к берегу и увидели мощное течение, старик рассмеялся: «Что я тебе говорил!» Я знал, что он сделает всё, что в его силах, чтобы помешать мне переправить лошадей, так что я ответил, что, поскольку переправиться невозможно, я подожду в лагере, пока спадёт вода. На следующий день старый джентльмен отправился домой, неся с собой весть о том, что на этот раз американец потерпел поражение, сидит на берегу реки и ждёт её милости. Представляю себе, как он был бы удивлён, если бы увидел нас в ту же ночь в целостности и сохранности на другом берегу со всем нашим багажом и лошадьми. Признаюсь, переправа была нелёгкой, но сделать это было необходимо. Поскольку в полумиле ниже того места, где мы стояли, река впадала в узкое ущелье с опасными порогами, мы прошли три мили вверх по течению, где обнаружили много мёртвых деревьев толщиной около десяти дюймов. Мы срубили их, распилили на куски длиной в двенадцать футов, связали верёвками, и получился отличный плот. Тунгус вытесал своим топором четыре грубых весла, а мы соорудили для них уключины, вбив в боковые брёвна плота стойки.

Сначала мы безуспешно попытались переправить лошадей вплавь за плотом, но животные упорно пытались взобраться на него. Поэтому мы вернулись к берегу и, используя длинные кнуты, загнали лошадей в

воду в том месте, где течение было направлено к другому берегу. Энергичными ударами кнута мы показали лошадям, что не позволим им возвратиться обратно. Их пару раз сбивало с ног, но после нескольких попыток вернуться они всё поняли и направились к противоположному берегу, которого достигли после того, как их отнесло примерно на треть мили вниз по течению. Затем и мы добрались до другого берега, без происшествий и почти в том же месте, где выбрались лошади, застав их там спокойно щиплющими травку.

Был уже конец июня и комариный сезон в самом разгаре, хотя мошка пока себя не проявляла. Гнуса было так много, что воздух, казалось, наполнен ими, как снежинками во время пурги и буквально звенел от жужжания их крыльев. Всем приходилось носить толстые перчатки с крагами, плотно завязанные на запястье, и особые противомоскитные шляпы, придуманные мною. Прошлым летом я использовала обычную фетровую шляпу с широкими полями и москитной сеткой, пришитой по краю, и шнурком внизу, чтобы закрепить её вокруг горла; но это оказалось совершенно бесполезным, потому что даже небольшой ветер прижимал сетку к лицу, и мгновенно к этому месту устремлялись сотни комаров. Кроме того, сетка постоянно рвалась об кустарник, и отчаяние заставило меня изобрести что-нибудь лучше. У меня был с собой небольшой рулон сита из тонкой проволоки для просеивания золотоносной руды. Это было сито №30 (тридцать нитей на дюйм). На следующий вечер после того, как мы переправились через реку, я достал этот рулон, вырезала из него куски шесть на двенадцать дюймов и пришил их к передним краям наших шляп. Затем разрезал пару мешков из-под муки и пришил мешковину по оставшемуся периметру шляпы и под проволочной сеткой, закрепив её по нижнему краю бечёвкой. И наконец, в своей шляпе я проделал в сетке небольшое отверстие для мундштука своей трубки, и с этим шлемом на голове мог смеяться над несчастными комарами и даже преуспел в том, чтобы пить через сетку чай.

На время еды мы делали большой дымокур и сидели в дыму, а спали в шапках и перчатках. Особая ценность проволочной сетки стала очевидна несколько дней спустя, когда начала появляться мошкара. Один из видов этих насекомых был настолько мелкий, что они легко проникали сквозь обычную москитную сетку, но не могли преодолеть проволочную. Укус этой малютки ощущается как укол раскалённой иглой, а через пару дней место укуса превращается в кровоточащую ранку. Так что мошкару мы боялись гораздо больше, чем комаров.

На привале

Бедные наши лошади были просто черны от комаров, хотя мы помогали им, как могли, привязывая к сёдлам и уздечкам веточки с листьями. На ночь мы разводили для них большой дымокур. Лошади стояли в его дыму, спасаясь от укусов своих врагов примерно до четырёх утра, когда ночная прохлада утихомиривала комаров, и лошади могли пару часов спокойно поспать. В полдень, перед тем, как мы отправлялись в путь, лошади толпились вокруг нас в дыму костра и, хотя их прогоняли, никак не хотели уходить. Из-за этого в лагере, бывало, пахло горящими копытами и хвостами. Собаки страдали меньше, их защищала густая шерсть, а ночью они спали, уткнувшись мордой в лапы, и комары не могли добраться до их уязвимых мест.

Переправившись через реку, мы последовали вдоль её восточного берега, пока не вышли к реке Учинней, и через несколько дней достигли её верховьев. Здесь мы увидели те самые красные горы. В реке стали попадаться куски породы, содержащие железный колчедан; я тщательно

осматривал их, но, за исключением нескольких блёсток золота, не нашёл ничего интересного. Вблизи истока реки были также сделаны несколько шурфов. В конце концов после тщательного изучения местности я вынужден был признать, что поездка оказалась неудачной, и решил возвращаться назад.

На второй день обратного пути мы обнаружили, что вода в реке достаточно глубокая, чтобы мы со своим проводником-тунгусом могли спуститься вниз на плоту. Я бы мог осматривать обнажения по обеим сторонам реки, в то время как корейцы повели бы лошадей вниз по берегу. Я прикинул, что мог бы плыть в четыре раза быстрее лошадей, и что даже с частыми остановками на осмотр местности добрался бы до переправы через Парень примерно в то же время, что и корейцы.

Итак, мы все принялись за работу и вскоре соорудили плот из лёгких сухих стволов длиной двенадцать футов и диаметром около восьми дюймов. Всего в нём было двенадцать брёвен, а шириной он получился около семи футов. Афоня сделал три хороших весла, одно из которых было запасное — на всякий случай. Были также сделаны два прочных шеста. На плот был погружен, надёжно закреплён и накрыт брезентом весь наш багаж. Затем я разделил наши продукты на две равные части, отдал корейцам их долю, которая состояла из небольшого количества риса, полфунта чая и немного чёрствого хлеба и сказал им идти к тому месту, где мы переправились через Парень. Мы условились, что если мы не появимся в течение определённого времени, они могут переправиться через реку и вернуться в Гижигу без нас. Я отдал Киму винтовку с патронами и рыболовную сеть, а себе с Афоней оставил дробовик.

Мы попрощались с корейцами и отчалили от берега. Нас тут же подхватило течение, стремительное, как в мельничном лотке. Вся река была усеяна крупными валунами, и мы постоянно были заняты тем, что работали шестами, чтобы избежать столкновения. Сразу признаюсь, что эта гонка на плоту была ужасно опасным предприятием, поскольку мы никогда не знали, какая глубина под нами, а наше судно было настолько неуклюжим, что не было бы никаких шансов спастись, если бы впереди внезапно оказалась опасность. Но мы предпочли не соглашаться с принцем Гамлетом и выбрали опасную неизвестность взамен

нудной и тяжёлой дороги в лесу¹. Мы стремительно неслись мимо крутых утёсов и цветущих берегов, чудом избегая подводных рифов, которые успевали заметить только на расстоянии в тридцать футов — всё это составляло такой восхитительный контраст с утомительным продвижением через лес, что мы были готовы ради этого пережить любые опасности.

В том месте, где мы начали наш сплав, река была шириной всего около двадцати ярдов, но затем она быстро расширялась за счёт многочисленных притоков. Время от времени течение разделялось на несколько рукавов. В первый день всё прошло без происшествий, и в четыре часа мы причалили к берегу и приготовились разбить лагерь. Но на поиски сухого дерева для дров заняло столько времени, что легли спать мы довольно поздно.

На следующее утро мы отчалили рано. Предполагалось, что мы уже недалеко от впадения Учиннея в Парень. Хотя день был дождливый и даже с мокрым снегом, это не охладило нашего пыла — как, впрочем, и пыла комаров. Мне пришлось надеть непромокаемую одежду, которая сильно затрудняла движения. Река теперь расширилась до ста пятидесяти футов и представляла собой по-настоящему мощный поток. Мы часто причаливали к берегу, чтобы осмотреть обнажения.

Мы уже поздравляли себя с лёгкостью и быстротой нашего путешествия по реке, как вдруг увидели впереди белые буруны и поняли, что нас ждут серьёзные испытания. Обычно наш лёгкий плот преодолевал любые подводные препятствия или, самое большее, слегка задевал о них, пару раз его разворачивало, но всё оканчивалось благополучно. А если камни выступали над поверхностью воды, то мы вовремя их замечали и обходили. И в этот раз нам удалось преодолеть эти пороги, но сразу за ними поток разделялся на две части, причём русло слева показалось нам лучше. Мы направили наш плот туда и вскоре обнаружили, что несёмся по сужающемуся ущелью с такой скоростью, что теряем контроль над нашим маленьким судёнышком. За очередным поворотом мы увидели, что огромное дерево упало поперёк реки и перекрыло две трети узкого русла. Мы изо всех сил старались направить плот в оставшуюся треть потока, но с таким же успехом мы могли свернуть с пути

¹ Монолог Гамлета («Быть или не быть...»):
*Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться!*
перевод Б.Пастернака. — прим. перев.

океанский пароход. Так что, несмотря на все наши усилия. плот пронесло под ветвями дерева, и хотя мы прижимались к плоту, как только могли, нас обоих смахнуло с палубы, как крошки со стола. Я успел ухватиться за одну из веток и попытался подтянуться, но меня оторвало и понесло вниз по течению. Я отчаянно боролся, чтобы всплыть на поверхность, но не смог этого сделать. Я уже терял сознание, как почувствовал, что течение внезапно выбросило меня наверх и покатило по какому-то деревянному настилу. К своему изумлению, я обнаружил, что снова нахожусь на плоту. Его вынесло на скалу и оставило в наклонном положении одной стороной в воде, и вода сама чудесным образом предоставила мне единственное возможное спасение! В тот же момент я увидел руку, ухватившуюся за край плотa, и ещё одну, которая торопливо нащупывала за что бы ухватиться. Сам Афоня был под водой. Я схватил его за волосы и одним рывком вытащил на плот. Он был почти без сознания. Я взял его за воротник и пояс и, положив животом на рюкзак, избавил от воды, которой он наглотался. Только спустя минут двадцать он пришёл в себя, хотя и был очень слаб.

Кореец Ким в летнем лагере

Когда он достаточно оправился, мы начали думать о том, как продолжить наше столь богатое событиями путешествие. Плот прочно застрял на камнях, и сила течения грозила в любой момент разрушить его. Я зашёл в воду и немного приподнял погруженный в воду край, а затем с помощью рычагов мы постепенно раскачали плот, пока его не снесло с камней, и он не поплыл, кружась, вниз по течению.

К счастью, мы больше не встретили препятствий и вскоре выплыли на открытую местность. Последние дни шли проливные дожди, и мы причалили к берегу, чтобы обсохнуть у костра. Почти всё, что у нас было, промокло насквозь, но я вспомнил, что у нас должны быть спички в жестяной коробке. Я порылся среди вещей и нашёл её, но спички оказались влажными. Тогда мы принялись искать на берегу хотя бы небольшой кусочек кремня, но не смогли ничего найти. В качестве последнего средства я достал из аптечки кусочек ваты, мы раздобыли несколько сухих щепок и, открыв несколько револьверных патронов, я высыпал порох на вату, а затем выстрелил в неё холостым патроном. Это сработало, и вскоре у нас был большой костёр. Мы стояли в облаке густого дыма и не только давали высохнуть нашей одежде, но и спасались таким образом от комаров. Время от времени мы выскакивали из нашего облака, чтобы принести дров. Через пару часов мы уже достаточно обсохли и, достав табак и трубки, всласть покурили. Теперь жизнь казалось прекрасной, хотя ещё недавно мы были на волосок от гибели. Афоня в этой ситуации был на высоте хотя бы потому, что крепко держался за плот; и всё же, если бы меня не унесло течением, а затем не выбросило снова на плот, никто никогда не узнал бы об этой истории.

Этот тунгус Афоня был в высшей степени отчаянным смельчаком. Когда пришло время продолжить наше безумное путешествие, он только перекрестился и безропотно последовал за мной. Если Богу угодно, — сказал он — чтобы он умер на этом плоту, он умрёт, вот и всё. Если он не последует за мной, куда бы я ни пошёл — он лишится уважения своего народа и будет навсегда опозорен.

В тот день я подстрелил двух морских чаек, которые залетают сюда, далеко вглубь страны, чтобы вить гнёзда. Мясо их было не очень вкусное и жёсткое. Эти птицы обычно прилетают в глубь страны в мае, но до появления лосося им почти нечего есть, кроме ягод. Поэтому они часто летают кормиться на побережье моря.

Весь наш сахар растаял, а чай пропитался водой; но мы его высушили и пустили в дело. Вообще, у нас было довольно скудно с едой. К тому же половина бумажных пакетов промокла.

На следующее утро после нашего приключения в ущелье мы отчалили от берега и уже через час выплыли из Учиннея в полноводный Парень, который был шириной в сто двадцать ярдов. Вода в реке в это время была высокая, и, хотя множество маленьких островков затрудняли выбор маршрута, всё прошло хорошо, и в четыре часа мы причалили к берегу в том месте, где впервые переправились и где договорились встретиться с корейцами. Мы расположились лагерем, ожидая увидеть их на следующий день. В тот день я имел удовольствие подстрелить гусыню вместе с выводком птенцов. После того, как была убита мать-гусыня, птенцы убежали, но были выслежены на небольшом пруду и хладнокровно застрелены. Тут уж нам было не до спортивного мастерства, нами двигал простой инстинкт самосохранения. Вскоре мы услышали, как где-то гогочет гусь-самец. Афоня взял мёртвую гусыню и ловко приладил её к палке, воткнутой в грязь на дне неглубокого озера. Старый джентльмен-гусь увидел, что его супруга спокойно сидит на воде, и уже сажился рядом с ней, как, не получив ответа на свой зов, заподозрил неладное и снова начал подниматься. Я не мог позволить себе потратить впустую ни одного патрона, но рискнул и выстрелил. Старик тяжело рухнул на землю. Теперь у нас было больше двадцати фунтов отличного мяса. Из маленьких гусят мы сварили суп, добавив побольше дикого лука; и это было бы блюдо, достойное короля, будь у нас немного соли. Но её запасы были исчерпаны.

На следующий день мы слышали в лесу ружейный выстрел. Это был условленный сигнал, и вскоре в лагерь прибежали голодные Коникли и Гавка и с жадностью набросились на выброшенные нами кости. Мы не хотели тратить патрон на ответный выстрел, поэтому навстречу корейцам вышел Афоня и вскоре привёл их в лагерь, после чего состоялся обмен впечатлениями о наших приключениях. Я обнаружил, что они совсем не экономили провизию, а с истинно корейской беспечностью сразу всё съели. О завтрашнем дне они не подумали. Я провёл тщательную инвентаризацию и обнаружил, что у нас в наличии два гуся, немного подмоченного риса, чай и сухари. Перспектива, конечно, была не из приятных, поскольку до цивилизации предстояло ещё по меньшей мере шесть дней пути.

Кормёжка оленей

Чтобы снова пересечь реку, мы использовали тот большой плот, на котором переправлялись раньше, протащив его на милю вверх по течению, прежде чем сесть на него. Лошади знали, что они на пути домой, и охотно преодолели быстрое течение.

Прежде чем отправиться через горы в Гижигу, нам надо было пополнить запас продовольствия, поскольку идти предстояло ещё несколько дней, а добыть что-то в пути надежды было мало. С помощью нашей маленькой сети в небольшой протоке реки мне удалось поймать двух прекрасных хариусов, каждый весом почти в три фунта. Они были черными сверху, с жёлтым брюшком, и вкуснейшим белым мясом. Спинной плавник простирается у них от шеи до хвоста. Это любимое блюдо в России, где его называют *харьюз*. Но больше мы ничего не поймали.

Я решил, что надо послать вперёд Афоню на лучшей лошади и с запасом провианта в Гижигу получить у исправника необходимое продовольствие и вернуться обратно. Среди прочего мне нужны были некоторые продукты, названия которых я не мог написать по-русски, а от Афони нельзя было ожидать, что он разбирается в иностранной кухне.

Поэтому я был вынужден прибегнуть к примитивному идеографическому письму. Моя записка к исправнику состояла из серии картинок, отдалённо напоминающих то, что я хотел, и чисел. Письмо начиналось с рисунка тунгуса, ведущего вьючную лошадь, затем шло нечто, претендующее на изображение банки с говядиной с добавлением цифры двенадцать. За ними последовали буханки хлеба, затем банки с маслом и множество других съедобных предметов. Процессия получилась весьма наглядная и убедительная!

Афоня сказал, что нам можно не бояться, потому что в случае чего мы можем питаться диким луком и еловой заболонью, которых тут полно, а в тундре множество леммингов — последнее звучало очень аппетитно! Конечно, если бы нам действительно угрожала голодная смерть, мы могли бы принести в жертву Эпикуру наших лошадей и собак, но мы собирались сделать это только в самом крайнем случае.

Дикий лук считается лучшим средством от цинги, его едят, как только он начинает появляться весной. Говорят, хотя у меня не было возможности это наблюдать, что если цинга уже началась и съесть немного дикого лука, то на теле появится сыпь, которая проходит через несколько дней. По-видимому, это происходит потому, что лук удаляет микробы через кожу.

Местные жители снимают с деревьев заболонь, когда она ещё свежая. В деревнях часто можно видеть, как женщины нарезают её для еды длинными полосами, как лапшу. Из сброженного сока заболони готовят мягкий алкогольный напиток. Они также едят ягоды ирги и кору вербы, разновидности ивы.

Эти люди обладают замечательными знаниями о полезных свойствах различных растений. Некоторые из этих племён смазывают наколочки своих стрел млечным соком одной из разновидностей лютика, и раны, нанесённые таким образом, неизлечимы, если яд не будет немедленно удалён. Даже киты, раненные этими стрелами, выбрасываются на берег и умирают в ужасных муках.

Афоня поспешил в путь, а мы пока остались, чтобы добыть побольше дичи, прежде чем отправиться через горы. Мы поймали ещё пару рыб и в четыре часа пополудни выступили и ехали до десяти часов вечера. На следующее утро, позавтракав половинной порцией, мы двинулись вверх по долине через предгорья хребта, который нам предстояло пересечь; настроение было не очень весёлое, но все были полны решимости.

В тот день я заметил в бороде Пака несколько хлебных крошек, и исследование показало, что он весьма сытно поживился из нашего небольшого запаса хлеба. Возможно, при данных обстоятельствах это было простительно, а может и нет, но я размахнулся и сбил его с ног ударом кулака в левый глаз. Это сразу оказалось неудачной формой наказания, поскольку теперь у нас был кореец, у которого был только один здоровый глаз. Мой гнев, каким бы праведным он ни был, мгновенно сменился на милость. Я ужасно винил себя за свой поспешный поступок и тут же превратил лагерь в госпиталь. В течение следующих двадцати четырёх часов все мои силы и средства были направлены на этот несчастный глаз. Честно признаюсь, что с тех пор я никогда никого не бил, не убедившись предварительно, что у объекта моего наказания есть запасной глаз. Позже в знак раскаяния я подарил ему новый костюм и серебряные часы. Мне показалось, что другой мой кореец позабавлялся, что наказали не его, когда увидел конечный результат.

Наконец, к моему огромному облегчению, глаз зажил, и мы продолжили свой путь. На третий день мы перевалили через горы и медленно двигались по тундре. Все наши постельные принадлежности и одеяла мы выбросили, и ехали верхом. На четвёртый день нам пришлось довольствоваться только диким луком и неспелыми ягодами, что вызвало сильный понос. Наконец мы добрались до места, где гнездились чайки, но они были такими осторожными, что нам не удалось к ним приблизиться. Коникли ушёл с Афоней, но с нами остался Гавка, который уже растолстел, питаясь леммингами. Теперь с его помощью мы добывали еду для себя. Он находил чайку, сидящую на яйцах и вспугивал её, тут же подбегали мы, отгоняли его от гнезда и забирали добычу. Яйца были уже почти готовы, и птенцы должны были вылупиться через неделю. Мы варили их, корейцы съедали эмбрионы чаек, а мне доставалось немного белка. Примерно в это время мы начали подумывать о том, чтобы пожертвовать для общего блага одной из лошадей, но ни у кого не было достаточно сил, чтобы идти пешком, и поэтому лошадей пощадили. Собаку мы не могли убить, потому что теперь она была нашим главным кормильцем.

Мы были примерно в двух днях пути от дома Крестовского, когда однажды утром я заметил далеко в тундре вереницу примерно из пятнадцати вьючных лошадей и людей. Мы тут же поспешили навстречу долгожданной помощи.

Три маленьких русских полукровки со своей нянькой-туземкой.

Гижига

Это были шесть офицеров и матросов парохода, который мои работодатели послали, чтобы разыскать меня. Зрелище этих хорошо одетых людей на лошадях было великолепно! Капитан спешил, и я попытался обратиться к нему по-русски, но он улыбнулся: «Вы забыли, что я говорю по-английски?» Сейчас это кажется забавным, но я правда в течение нескольких мгновений не мог разговаривать с ним на моем родном языке! За последние четырнадцать месяцев я не произнёс ни одного слова по-английски, и теперь моя усталость и нервное напряжение были настолько велики, что я невольно говорил на смеси английского, русского и корякского. Пройдёт ещё неделя, прежде чем я снова смогу говорить на нормальном английском.

Мы разбили лагерь прямо там, где встретились, и тут же вскрыли тюки с продуктами. Я сидел на мешке с картошкой, и наблюдал, как достают кофе, затем бекон, затем... о, Боже!.. свежие яйца! Затем ко мне подошёл капитан с бутылкой шампанского и протянул бокал. Я держал его

в одной руке, а другой достал картофелину и принялся жевать её сырой, потягивая шампанское, и смотрел, как они разводят огонь и готовят завтрак. Это был праздник, который я никогда не забуду! После этого по кругу была пущена коробка хороших сигар, что добавило последний штрих к моему блаженству.

Когда внутренности были удовлетворены, пришла пора подумать о внешности. Одежда моя давно превратилась в лохмотья, мой вес снизился со ста шестидесяти фунтов до ста пятнадцати, борода стала длинной и неопрятной, ботинки порвались почти полностью. Добрые мои друзья предусмотрительно прихватили с собой мой дорожный баул, который теперь лежал в палатке. Я распорядился подогреть для меня несколько чайников воды и, раздевшись за палаткой, выбросил своё вонючее тряпье вместе со всеми его обитателями как можно дальше в кусты, а затем забрался внутрь и славно помылся и побрился. После чего я надел костюм из мягкой фланели, бриджи из шотландского твида и широкую куртку с поясом — и вот он, этот восхитительный момент, когда отвратительная гусеница, заползшая в палатку, вылетела из неё роскошной бабочкой!

Затем мы отправились в Гижигу, где я раздал подарки своим друзьям, местным и приезжим, и сел на пароход, идущий во Владивосток. Я добрался до него двенадцать дней спустя и отчитался о своих исследованиях. Поиски сибирского клондайка окончились неудачей. Я не привожу здесь технического отчёта о моих изысканиях в Северной Сибири, но вот что я могу сказать: хотя в районе, который я охватил, может быть золото, я убедился, что ни в ручьях, впадающих в северо-восточную часть Охотского моря, ни на берегу Берингова моря к югу от устья Анадыря, нет обширных золотоносных залежей. Но, конечно, ещё оставался большой регион к северу от той точки, которой я достиг, и как оказалось, моя работа ещё не закончена.

Глава XVI

МОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. ФИНАЛ

Упорные слухи о золоте на Чукотке — Вонлярлярский¹ — Меня вызывают во Владивосток снаряжать экспедицию — Наше судно прибывает в Индиан-Пойнт — Пробираемся сквозь льдины — Встреча с эскимосами — Наши поиски оказываются безрезультатными — Конкуренты в бухте Пlover — Их разочарование — Окончание экспедиции.

Зиму, последовавшую за моими исследованиями на северо-востоке Сибири, я провёл в Соединённых Штатах, и в течение этого времени в газетах часто появлялись сообщения о богатых находках золота на сибирском побережье, напротив мыса Ном. Компания, которая нанимала меня, всё ещё верила, что в этом регионе можно найти золото, и была полна решимости тщательно проверить это. В газетах писали, что российское правительство предоставило Вонлярлярскому права на добычу полезных ископаемых на всём полуострове Чукотка между рекой Анадырь и Северным Ледовитым океаном. Из Санкт-Петербурга мы узнали, что мистер Вонлярлярский должен представить документы о своём праве на добычу властям в Анадыре, прежде чем он сможет законно приступить к поисковым работам. До этого момента кто угодно может застолбить эти золотоносные участки, и они будут действительны в соответствии с российским законодательством. Чтобы представить свои документы, Вонлярлярскому пришлось бы дожидаться открытия навигации в конце мая, поскольку город Анадырь расположен далеко вверх по реке, скованной льдом до самого начала лета.

Я получил телеграмму, чтобы я поспешил во Владивосток и был готов выехать оттуда в любой момент. Наша компания намеревалась зафрахтовать на четыре месяца пароход и с тридцатью русскими горнорабочими как можно скорее двинуться на север, провести быстрое обследование намеченных участков берега, и даже если там будут какие-нибудь американские поисковые экспедиции (без соответствующего разрешения), мы должны были застолбить участки, а затем поспешить в Анадырь и подать наши документы — даже если власти ещё и не будут

¹ Владимир Михайлович Вонлярлярский (1852-1946) — крупный землевладелец и промышленник, председатель правления российско-американского Северо-Восточного Сибирского общества (СВСО). О его деятельности смотрите также: А. Мягков «В поисках за золотом», К.И.Богданович «Очерки Чукотского полуострова», И.Н.Акифьев «На далёкий Север за золотом: Из дневника кругосветного путешествия 1900 г.» — прим. перев.

знать о существовании нашего отряда. При этом мы бы действовали в рамках закона, а поскольку наша компания уже потратила на работы много денег, надо было использовать все законные средства, чтобы заявить права хотя бы на часть месторождений.

Русские горнорабочие

Через нашего агента в Санкт-Петербурге нас информировали о передвижениях наших соперников. Нашему агенту в Сан-Франциско было поручено сообщить мне по телеграфу, какой пароход зафрахтовал мистер Вонлярлярский, его скорость и оснащение. Тем временем я был занят поисками судна и с большим трудом нашёл русский пароход «Прогресс», капитан Гандерсон. Я снабдил его провизией на шесть месяцев, загрузил углём, которого хватило бы на пять месяцев плавания, и к 3 июня всё было готово. Накануне я получил телеграмму из Сан-Франциско, в которой говорилось, что конкурирующая экспедиция под руководством К.И. Богдановича и Джорджа Д. Робертса, американского горного инженера, отплывёт из этого порта 6 июня. Их скорость составляла

десять узлов, и они останавливались в Номе и одном или двух других портах Соединённых Штатов. Они никуда не спешили и совершенно не знали о нашем существовании. Их судном было «Самоа» из Пьюджет-Саунда, предназначенное для перевозки древесины. Мы же могли делать одиннадцать узлов, и наш маршрут был немного короче, чем у них. Более того, мы о них знали, а они о нас — нет. Мы также знали, что в бухте Пlover¹, на российской стороне, они должны будут встретить российскую канонерскую лодку «Якут», которая должна была прогонять любых американцев, которые тайком ищут золото на сибирском берегу. По слухам, их было там уже около трёх тысяч.

В пять часов пополудни 3 июня мы отчалили, но через сотню ярдов в двигателе отвалился какой-то болт, и нам пришлось остановиться для ремонта. Я был раздосадован вынужденной задержкой, но на следующее утро мы отправились в путь. Прежде чем миновать выход из длинной извилистой бухты, мы вошли в плотную пелену тумана и, пройдя некоторое время вслепую, были вынуждены снова бросить якорь. Когда туман рассеялся, мы обнаружили, что прошли всего в сотне ярдов от скалистого мыса и только благодаря удаче избежали неприятностей. Только на следующий день мы вышли в открытое море, а шесть дней спустя стали на якорь в гавани Петропавловска. Здесь я отправил четырёх человек вскрыть медную жилу, которую я обнаружил, когда был здесь в первый раз. Пополнив баки водой, мы пошли на север. В Беринговом море было по-прежнему холодно и туманно, но мы держали скорость до одиннадцати узлов, даже рискуя наткнуться на лёд. Чтобы максимально уменьшить опасность такого столкновения, мы установили постоянное наблюдение и часто измеряли температуру воды.

Некоторые из русских, находившихся на борту, были наняты для изготовления большого флага Соединённых Штатов, с помощью которого можно было заманить на борт туземцев, поскольку их едва ли можно уговорить подняться на борт российского судна, на которых они часто подвергаются грубому обращению. 14 июня температура воды внезапно упала с четырёх до одного градуса, что означало, что мы приближаемся к льдам. Мы сбавили скорость и полчаса спустя сквозь туман увидели айсберг. Мы приняли также все остальные меры предосторожности, поскольку наше судно было стальным и без водонепроницаемых переборок, и самая незначительная пробоина вывела бы нас из строя.

¹ Современное название — бухта Славянка. — прим. перев.

На борту было всего две спасательные шлюпки на команду из семидесяти человек, за поведение многих из них нельзя было поручиться в случае паники. Поэтому у офицеров корабля и у меня всегда были под рукой револьверы.

Подобранные на льду у острова Святого Лаврентия

16-го мы прибыли к мысу Чаплина, или Индиан-Пойнт, как обычно называют его американцы. Между нами и берегом лежала полоса льда шириной не менее тридцати пяти миль. Мы пытались найти в ней проход, но безуспешно. Поэтому мы направились к острову Святого Лаврентия, который находится недалеко от Берингова пролива и принадлежит

Штатам. Как только мы бросили якорь, к судну прибыли туземцы. Мужчины были невысокими, но коренастыми и очень походили на североамериканских индейцев. Их женщины довольно хороши собой, но имеют привычку покрывать себя татуировками, как только становятся взрослыми. Мы обнаружили, что около двух третей племени страдали от кори или гриппа. Своих умерших они хоронили в окрестных холмах — просто оставляли там не закапывая, без всяких гробов, на съедение собакам и диким животным. Чем выше было общественное положение покойного, тем на более высокой горе он «хоронился».

Из пресвитерианской миссии приехал навестить нас доктор Лорего. Он пригласил нас на берег, и я с радостью принял его приглашение. Через него я узнал от местных жителей, что они ничего не знают о том, что какие-либо американцы высаживались на сибирском берегу.

Когда мы уже собирались сняться с якоря и отправиться на поиски прохода во льдах, по которому можно было добраться до азиатского берега, из тумана показался пароход. Он бросил якорь недалеко от нас, и я, к своей радости, обнаружил, что это бывший американский катер «Корвин», который когда-то принадлежал торговой компании с таким же названием. На борту было несколько горняков из Нома, они направлялись в Индиан-Пойнт, где, по их твёрдому убеждению, должно быть найдено золото. Капитан судна Уэст любезно предложил провести нас через льды и, при необходимости, одолжить нам ледового лоцмана. Поэтому я заключил с ним контракт на пятьсот долларов, чтобы проделать во льду проход до Индиан-Пойнт. Мы узнали, что в это время года между льдом и берегом всегда есть узкая полоса воды. Поскольку ветер усиливался, я поспешил обратно на своё судно и попросил капитана приготовиться следовать за «Корвином», но через час разыгрался шторм, и пароход просигналил нам следовать за ним подкрытие острова.

Это было прекрасное зрелище — наблюдать, как капитан «Корвина» управляет своим судном так легко, словно это гребная лодка на озере. Он провёл двадцать лет в арктических морях и досконально знал своё дело. Не успели мы поднять якорь, как он уже на милю опередил надвигающийся шторм. Мы последовали за ним вокруг конечности острова в укромную бухту и там бросили якорь дожидаться прекращения шторма.

Следующий день выдался погожим и ясным. Капитан Уэст заявил, что для того, чтобы увидеть по-настоящему хороший летний день,

нужно отправиться далеко на север. «Корвин» вышел вперёд, и через пять миль мы подошли к краю пакового льда. Там «Корвин» замедлил ход, и мы подошли к нему поближе. Капитан Уэст крикнул в мегафон: «Доброе утро. Я нахожу лёд довольно тяжёлым, но он рыхлый, и при соблюдении осторожности вы сможете следовать за нами». Затем он прислал к нам в качестве ледового лоцмана капитана Коффина, бывшего капитана китобойного промысла, которого он взял с собой по случаю. Капитан Коффин имел более чем сорокалетний опыт плаваний в северных морях. Поскольку мне не терпелось побывать на ледоколе, который пробивается сквозь льды, то я, в свою очередь, поднялся на борт «Корвина». «Прогресс» пошёл за нами на расстоянии примерно в шесть своих длин.

Туземцы Индиан-Пойнта

«Корвин» имеет двенадцать футов прочного бруса из железного дерева в носовой части, четыре фута такого же по бортам и два фута на корме. Судно длиной сто двадцать футов имеет парусное вооружение

баркентины и развивает скорость девять узлов. Ему двадцать четыре года, и двадцать три из них оно плавало в арктических водах.

Когда всё готово, капитан Уэст поднялся на марсовую площадку, чтобы управлять кораблём, а капитан Форрест, ещё один старый китобой, находится на мостике. Штурвал доверен двум толковым бостонским морякам. Капитан Уэст командует: «Колокол бей! — Право руля! — Так держать!» — и мы отправляемся. Похоже, это будет рискованное дело для нашего «Прогресса», поскольку льдинам будут противостоять всего полдюйма стали, но я убеждаю себя, что с капитаном Коффином на мостике и «Корвином» впереди у нас шансы десять к одному, что наше судно пройдёт, даже не попортив краску.

Когда мы набираем скорость, я спешу на корму посмотреть, как идёт «Прогресс». Судно красиво лавирует между льдинами через проход, который мы для него проделываем.

Какой-то лёд «Корвин» может раздвигать в стороны, но иногда это невозможно; тогда он пятится назад, чтобы как следует разогнаться, и атакует препятствие точно посередине. Судно содрогается от носа до кормы от чудовищного удара и резко останавливается. Раздаётся ужасный скрежещущий звук, и льдина, бросившая нам вызов, раскалывается и её обломки расступаются, освобождая нам путь. Капитан Уэст со смехом кричит сверху: «Уйди с дороги, если хочешь жить!» Так мы идём, останавливаясь, птясь, разгоняясь, поворачивая и лавируя сквозь лёд.

Тем временем я заметил по правому борту тюленя примерно в трёхстах ярдах и, схватив винчестер, пустил его в ход. С марсовой площадки тут же поздравили: «Отличный выстрел! Наповал!» Тут мне следовало бы почивать на лаврах хорошего стрелка, но я продолжал палить во всё, что шевелилось и сделал в тот день ещё более сорока выстрелов и... никого не убил.

К шести часам паковый лёд закончился, и мы снова оказались на открытой воде, прямо перед нами виднелся Индиан-Пойнт, или мыс Чаплина. Почти сразу же к борту приблизились туземцы и окликнули нас:

— Привет, привет, как дела?

Мы ответили в том же духе. Затем, после череды жутких ругательств на ужасном английском, они поведали:

— Много людей кашлять... умирать... лекарство есть?

Но на наш вопрос о том, сколько людей в их деревне, ответили:

— Не знаем.

— А вы что, считать не умеете?

— Нет, в Сибири все чёртовы дураки!

На что мы были вынуждены улыбнуться.

— А жевательный табак у вас есть?

Я не мог остаться глух к сей просьбе, поэтому нарезал им сигару и с интересом наблюдал, как она без промедления отправилась им в рот. Затем, после того как я сделал их групповое фото, мы все сошли на берег, где оказалось несколько хижин, покрытых шкурами и пара домов из брёвен, которые они приобрели у китобоев. Они были построены по образцу домов, которые возводили китобои и миссионеры.

Эскимосская деревня на мысе Восточный¹,
крайней северо-восточной точке Азии.

Индиан-Пойнт — это длинная низкая коса, представляет собой весьма необычное явление — нечто вроде морены в море. Огромные

¹ Ныне мыс Дежнёва. — прим. перев.

айсберги скапливаются здесь и тают, сбрасывая камень и гравий, которые они приносят на себе из какой-то далёкой бухты, где они родились.

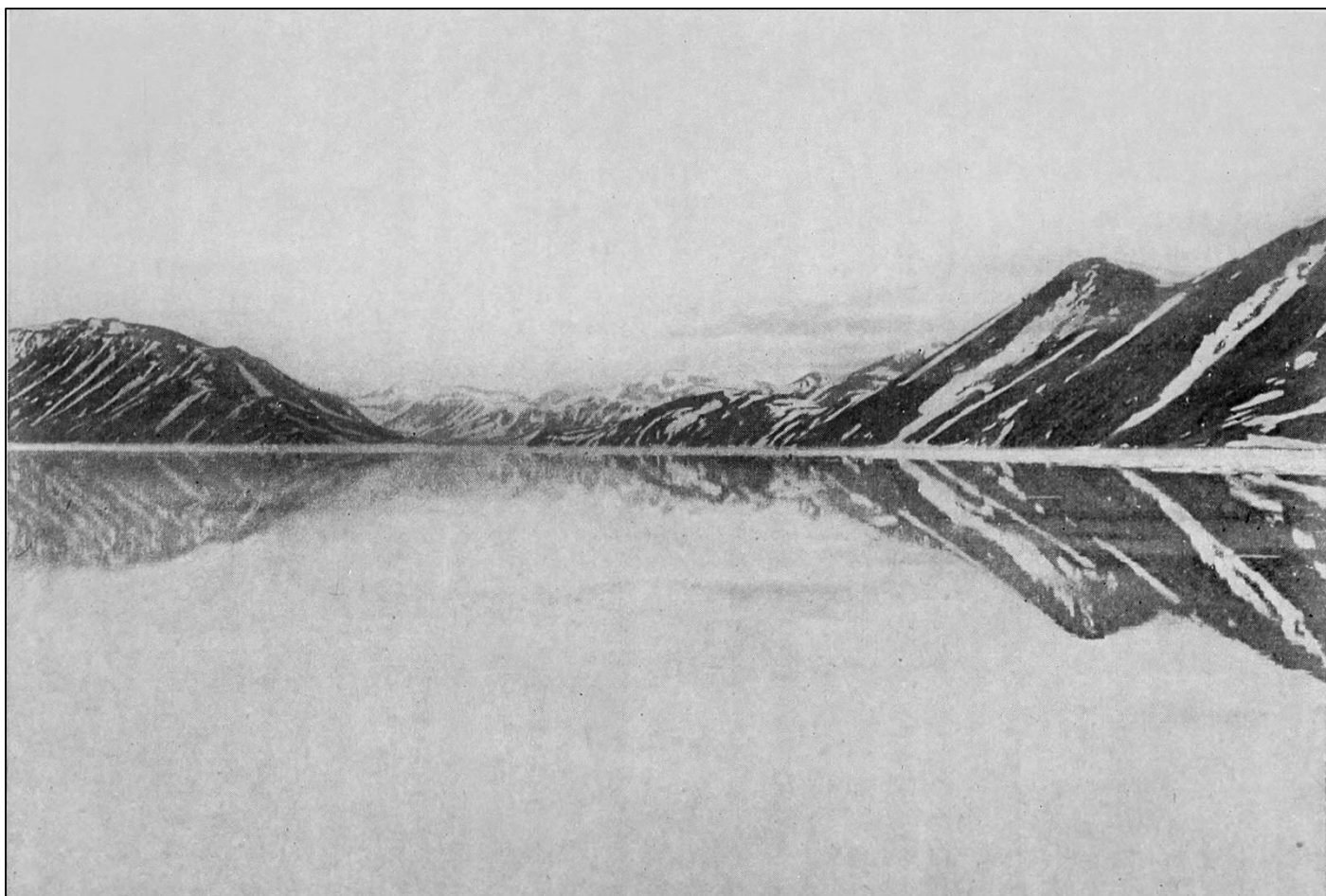
Мы поговорили с Коварри, старым вождём местного племени. Он сказал, что на сибирской стороне нет американских горняков. Мы не совсем поверили ему, но позже выяснили, что он говорил правду. Нам удалось нанять известного местного проводника, чтобы он показал нам побережье. Его звали Шу Флай, в нём было намешано множество кровей. Все эти туземцы были крупными, сильными и жизнерадостными; все хорошие моряки, с опытом работы на многих американских китобойных судах, которые набирают здесь свои команды для промысла в Северном Ледовитом океане. Они великолепные гребцы и не хуже американцев гоняются за китами. Все они хотя бы немного знают английский, особенно плохие слова, непрерывно жуют табак, а за выпивку отдадут последнее. От них сильно отличаются туземцы, живущие южнее, поскольку они не вступали в столь тесный контакт с китобоями.

Я взял на судно несколько человек из местных, и мы направились на север, в залив Святого Лаврентия. На паровом катере мы исследовали все берега этой бухты, но не смогли найти ни следа золота, хотя это было то самое место, на котором мистер Вонлярлярский рассчитывал разбогатеть. Затем мы направились далее на север, в Берингов пролив. Здесь находятся два острова, Большой и Малый Диомиды, один из них русский, а другой американский. После тщетных поисков мы вернулись на материк, обогнули мыс Восточный и оказались в водах Северного Ледовитого океана. Вскоре мы высадились на берег у маленькой деревушки на крутом склоне высокого берега. Она только что потеряла половину своих жителей от кори и гриппа. Повсюду валялись трупы, наполовину объеденные собаками. Какой-то ребёнок таскал за собой на верёвочке череп. Отец ребёнка сказал, что не знает, чей это череп. После того, как собаки разделались с его обладателем, как он мог сказать! Эти люди живут в обычных эскимосских хижинах, построенных из камня в форме полусферы, и с длинным туннелем вместо входа, по которому они ползают на четвереньках.

Нет ничего более пустынного, чем окружающий это место ландшафт. За деревней возвышался унылый голый холм. Полоска песчаного берега шириной пятьдесят футов, а за ним мрачный холодный океан. Единственное, что радовало глаз — это кожаные лодки туземцев, лежащие на берегу. По форме они были похожи на американские вельботы и могли перевозить до сорока человек. В них они следуют за паковым

льдом и охотятся на тюленей и моржей, а иногда и на китов. У нескольких туземцев были гарпунные ружья, раздобытые у китобоев.

Всякий раз, когда китобойное судно заканчивает промысел и готово вернуться домой, оно оставляет все свои вельботы туземцам, забирая взамен китовый ус, слоновую кость и шкуры. В среднем судно везёт таких товаров на тысячу долларов. При этом положение туземцев остаётся в высшей степени плачевным. Болезни и антисанитария делают своё дело, и удивительно, что кто-то из них живёт сколько-нибудь долго. Китобои снабжают их дешёвым спиртным, а те, будучи совершенно лишёнными самоконтроля, быстро становятся рабами алкоголя. Американское правительство не прилагает никаких усилий, чтобы остановить подобные вещи, а российское мало что может сделать с помощью одной маленькой канонерской лодки.

Бухта Пlover в июле

Так мы дошли до самого Полярного круга, но, не найдя золота ни в береговых отмелях, ни в речных гальках, повернули обратно на юг и, подобрав по пути тех, которых оставили в заливе Святого Лаврентия, продолжили плавание. Исследуя побережье, мы заглянули в бухту Пlover,

надеясь найти там «Самоа»; и, не обнаружив его, вышли в море и с помощью катера и лодок с местными гребцами обследовали южную часть Чукотского полуострова. Там были отличные залежи каменного угля, но общая геологическая ситуация ясно давала понять, что золота здесь нет.

Мы снова направились в бухту Пlover, но «Самоа» ещё не прибыл, и мы решили дождаться его. Два дня были проведены за приятными занятиями — охотой на гагар и короткой поездкой вглубь полуострова. На третий день мы слышали сквозь туман гудок. Мы тут же откликнулись, и час спустя показалась «Самоа», пробирающаяся сквозь туман и редкий лёд. Вскоре она бросила якорь, и я поднялся на борт. На палубе я увидел стоявших группой русских и американцев. Я направился к ним, но прежде чем успел представиться, ко мне подошёл мистер Богданович и сказал:

— Рад вас видеть, капитан. У вас, я полагаю, есть немного угля для нас?

— Нет, у меня для вас его нет, — ответил я, улыбаясь.

— О, так вы же паровой китобой! — и лицо его вытянулось.

— Нет, не китобой, — сказал я.

— Хорошо, а зачем тогда вы здесь? — с любопытством спросил он.

— У меня такое же поручение, что и у вас.

Как только он это понял, он ужасно разозлился и, по-видимому, пожелал мне оказаться на дне морском. Он повернулся на каблуках и ушёл, не оказав мне никаких любезностей и даже не пригласив в каюту, хотя шёл дождь. Но один из американцев пригласил меня в их каюту, где последовали объяснения. Я рассказал им о ситуации, о том, что мы тщательно обследовали всё побережье, но не нашли золота. Я чувствовал, что делаю им одолжение, давая понять, что им нет смысла тратить время и деньги на поиски золота на сибирском побережье Берингова моря. Поверили они мне или нет, я не могу сказать, но на следующее утро мы снялись с якоря и оставили их там ждать прибытия «Якута».

Поиски сибирского клондайка были закончены.